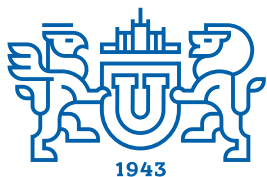

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2023
Т. 23, № 1**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

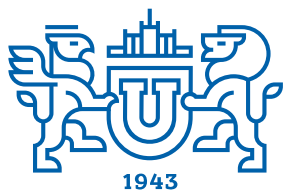
Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
д. филос. н., проф. **Грунт Е. В.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
д. социол. н. **Тараданов А. А.**
ассоц. проф. **Хацеган В.-П.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2023

Vol. 23, no. 1

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Grunt Elena Viktorovna, D. Sc. (Philosophy), professor (Russian Federation)
Hatsegan Vasil-Petru, ass. Professor (Romania)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)
Taradanov Alexander Ardalionovich, D. Sc. (Sociology), professor (Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
АНТИПИН Н. А., ШЕСТАКОВ А. М. Бессвященная власть в старообрядческой поморской общине Челябинска.....	6
ВАСЮЧКОВ Е. О. Объем как критерий функционального назначения сосудов бронзового века (по материалам могильника Троицк-7).....	14
НИКОНОВА О. Ю. Предприятие и город в позднесоветском обществе 1950–1980-х годов: современная историография	22
Искусствоведение	
ЖУК С. А., КУЗНЕЦОВА О. Н. К вопросу о зарождении «горного пейзажа» в русской живописи XVIII – начала XIX века.....	31
КРЕЙДУН Ю. А., РЕУТОВА Е. М. Владельческие знаки на произведениях живописи в контексте их истории бытования	39
ЛЕБЕДЕВА М. А. Тембровые особенности «Сонаты с двух нот» для домры и фортепиано Е. М. Попляновой.....	48
ЛЮ ТЯНЬЦЮАНЬ. Диалог культур в творчестве китайского живописца Цзинь Шаньши.....	56
Социологические науки	
АНТОНОВА Н. В. Человек и общество в условиях «новой нормальности»: обзор социологических исследований пандемии.....	64
ПISKУНОВА А. Е. «Экранизация» памяти о советской космонавтике: (вос)производство образов в современном российском космическом кино.....	73
ЧЕВТАЕВА Н. Г., ОКУНЕВА Т. В. Вовлеченность сотрудников в управление как фактор повышения удовлетворенности работой.....	81
Литературоведение. Журналистика	
КОРНИЛОВА Л. Н. Речевая репрезентация героев пьесы А. П. Чехова «Три сестры».....	89
ЛОБОДЕНКО Л. К., ЧЕРЕДНЯКОВА А. Б., ШЕСТЕРКИНА Л. П., ХАРИТОНОВА О. Ю. Анализ репрезентации актуальной политической тематики в цифровых плакатах и интернет-мемах: оценка медиаэффектов с использованием айтрекинг-технологий	96
Рецензии	
МОРДЗИЛОВИЧ А. А. Рецензия на книгу: Der Römische Blick: Eugenio Pacelli und Seine Nuntiaturberichte aus der Zeit der Weimarer Republik (Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021).....	109
РОМАНИЧЕВА Е. С. Рецензия на коллективную монографию «Чтение молодежи в век цифровых технологий: отражение универсальных смыслов в контексте регионального исследования» (Челябинск, 2022).....	114

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
ANTIPIN N. A., SHESTAKOV A. M. Illegal authority in the old believer pomorsk community of Chelyabinsk.....	6
VASYUCHKOV E. O. The volume of ceramic vessels – criterion for their purpose (based on the materials of the burial ground Troitsk-7).....	14
NIKONOVA O. Y. Enterprise and city in late soviet society, 1950s–1980s: modern historiography	22
Art Criticism	
ZHUK S. A., KUZNETSOVA O. N. The origin of «the mountain landscape» in Russian painting of the 18th to early 19th centuries.....	31
KREYDUN Y. A., REUTOVA E. M. Marks of ownership on paintings in the context of their history.....	39
LEBEDEVA M. A. Timbre features of the «Sonata with two notes» for domra and piano, by Elena Poplyanova.....	48
LIU TIANQUAN. Dialogue of cultures in the work of the Chinese painter Jin Shangyi.....	56
Sociological sciences	
ANTONOVA N. V. The individual and society under the «new normal»: a review of sociological studies of pandemic	64
PISKUNOVA A. E. «Screening» the memory of soviet cosmonautics: the (re)production of space images in contemporary Russian cinema.....	73
CHEVTAEVA N. G., OKUNEVA T. V. Staff involvement as a factor of improving work satisfaction.....	81
Literary criticism. Journalism	
KORNILOVA L. N. Speech representation of the characters in Chekhov’s play «Three sisters».....	89
LOBODENKO L. K., CHEREDNYAKOVA A. B., SHESTERKINA L. P., KHARITONOVA O. Y. Analysis of the representation of current political issues in digital posters and online memes: assessing media effects using itracking techniques.....	96
Reviews	
MORDZILOVICH A. A. Book: Der Römische Blick: Eugenio Pacelli und Seine Nuntiatrberichte aus der Zeit der Weimarer Republik [View from Rome: Eugenio Pacelli’s nuncial reports from the Weimar Republic (Brill, Ferdinand Schöningh, 2021).....	109
ROMANICHEVA E. S. Review of the collective monograph «Youth reading in the age of digital technology: reflection of universal meanings in the context of regional studies» (Chelyabinsk, 2022).....	114

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии «Вестника Южно-Уральского государственного университета» – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Материалы исторического раздела посвящены разным аспектам современной исторической науки. В статье Н. А. Антипина и А. М. Шестакова на основе рукописей Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета анализируется феномен власти у челябинских беспоповцев поморского согласия. Статья Е. О. Васючкова посвящена анализу керамического комплекса могильника Троицк-7 с целью выделения групп сосудов с различным функциональным назначением. О. Ю. Никонова в своей статье охарактеризовала актуальную историографию проблемы взаимоотношений города и предприятия в позднесоветском обществе.

В разделе «Искусствоведение» С. А. Жук и О. Н. Кузнецова исследуют важный для истории изобразительного искусства России вопрос генезиса горного пейзажа в истории русской живописи. Статья Ю. А. Крейдун и Е. М. Реутовой посвящена владельческим знакам, сохранившимся на произведениях живописи и содержащим информацию по различным аспектам, связанным с историей бытования произведений. М. А. Лебедева исследует творчество челябинского композитора Елены Михайловны Попляновой. В статье Лю Тяньцюань рассматривается творчество китайского художника Цзинь Шаньшань (р. 1934) – одного из родоначальников масляной живописи в Китае.

В разделе «Социологические науки» Н. В. Антонова анализирует социальный контекст «новой нормальности» в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Статья А. Е. Пискуновой посвящена анализу содержания и прагматики памяти о советской космической программе в пространстве современного российского кино. Н. Г. Чевтаева и Т. В. Окунева на материалах социологического исследования анализируют состояние и перспективы использования инструментов вовлеченности в управление работников уральского региона.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» Л. Н. Корнилова исследует речевую репрезентацию героев пьесы А. П. Чехова «Три сестры». Л. К. Лободенко, А. Б. Чередынкова, Л. П. Шестеркина и О. Ю. Харитонова с использованием айтрекинговых технологий провели анализ репрезентации актуальной политической тематики в цифровых платформах и интернет-мемах.

В разделе «Рецензии» А. А. Мордзилович составила качественный разбор коллективной монографии «Der Römische Blick: Eugenio Pacelli und Seine Nuntiaturreportagen aus der Zeit der Weimarer Republik» (Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021). Е. С. Романичева составила рецензию на коллективную монографию «Чтение молодежи в век цифровых технологий: отражение универсальных смыслов в контексте регионального исследования» (Челябинск, 2022).

БЕССВЯЩЕННАЯ ВЛАСТЬ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПОМОРСКОЙ ОБЩИНЕ ЧЕЛЯБИНСКА

Н. А. Антипин¹, А. М. Шестаков²

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

Антирелигиозная политика советского периода стала причиной утраты исторической преемственности челябинских староверов прошлого и настоящего. В связи с этим исследования истории общины староверов приобретают важное значение в процессе выстраивания исторической преемственности. Подпольное существование старообрядцев наложило отпечаток на источниковедческую базу, вследствие чего на локальном уровне не сформировался репрезентативный корпус источников. Историография вопроса представлена незначительным количеством публикаций и свидетельствует о фрагментарности исследования истории челябинских староверов. Решение этой проблемы возможно при условии введения в научный оборот новых исторических источников. В статье на основе рукописей Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета исследуется феномен власти у челябинских беспоповцев поморского согласия. Анализируются полномочия участия в богослужении уставщиков и поморских наставников, представленные в сочинениях челябинских староверов-поморцев второй половины XX века. Посредством анализа вероучительных, соборных документов и сочинений старообрядцев сформулированы этапы эволюции бессвященной власти у староверов-поморцев Челябинска. В результате исследования были сформулированы такие этапы трансформации бессвященной власти, как: 1) период наставников-мирян, 2) период власти уставщиков, 3) период женского наставничества. Современное состояние челябинской поморской общины характеризуется возвращением властной институции наставников-мирян. Поэтому исследование этого вопроса не только имеет научную актуальность, но и будет иметь прикладное значение в контексте современного возрождения церковной жизни старообрядцев Челябинска.

Ключевые слова: старообрядцы, беспоповцы, властные отношения, Челябинск, археография.

Введение

Сакральный мир, если приблизиться к нему в одиночку, становится опасным местом для профана. Отсюда возникает идея необходимости посредника, проводника, того, кто благодаря своему образу жизни и предварительному посвящению находится ближе к Богу. Посредник стоит на пороге между сакральным и профанным мирами, будучи представителем двух миров одновременно.

Особый статус посредника вверяет ему священную власть – право очищения и посвящения профана и допуска его к сакральному акту. Под очищением следует понимать духовные упражнения, дисциплинарные запреты или послушания и таинство покаяния. Посвящение – акт хиротонии или благословения в священные или церковные (клирошане или пономари, в случае беспоповцев – наставники) чины. На основе богатого археографического материала в статье анализируется феномен бессвященной власти у христиан – поморцев-беспоповцев Челябинска.

Обзор литературы

Историография челябинского старообрядчества представлена весьма ограниченным кругом исследований, вопросы повседневной жизни и религиозных практик старообрядцев до сих пор изучены поверхностно, что обусловлено проблемой источников. В исследовании П. И. Мангилева освещается вопрос антирелигиозной политики

Николая I в отношении челябинских староверов-поморцев [1]. Историк первым обратил внимание на дело о существовании в Челябинске поморской общины и назвал имя наставницы. М. И. Сляднев выявил и опубликовал имена поморских наставников, служивших в Челябинске в 1930–1980-е гг. [2]. Кроме того, в работе К. Я. Кожурина «Повседневная жизнь старообрядцев» [3] упоминаются активные деятели и наставники челябинской поморской общины второй половины XX века. В публикации 2014 г. встречаются имена наставников Г. Ф. Логинова и А. М. Каргаполова и перечисляются их творческие труды и рукописи.

Методы исследования

Настоящее исследование создано в рамках направления истории повседневности. При написании статьи авторы опирались на опыт К. Я. Кожурина, реализовавшего на практике систематический анализ повседневной жизни старообрядцев. На основе соборных документов челябинской поморской общины в статье исследуются особенности заключения и расторжения брака, религиозные рамки табу, виды наказаний для членов общины как непосредственное проявление духовной власти лидеров старообрядческой общины.

В основе исследования обозначенной проблемы в качестве методологического инструментария положена концепция формационно-стадиального

подхода, впервые апробированная на сообществе старообрядцев Н. Н. Покровским [4]. На основе научного опыта Н. Н. Покровского в настоящей статье выделяются этапы трансформации бессвященной власти в сообществе староверов-поморцев.

Заметную роль в исследовании играет историко-генетический метод, состоящий в последовательном раскрытии свойств и функций исследуемой нами предметной области в процессе ее исторического развития [5, с. 184]. Данный метод позволил нам подойти к реконструкции скрытых сторон жизни челябинской старообрядческой общины, это дало возможность раскрыть причинно-следственные связи и закономерности проявления бессвященной власти в общине староверов-поморцев.

Результаты и дискуссия

Каноническое право и бессвященная власть. Прежде чем перейти к рассмотрению духовной власти у беспоповцев, стоит сказать о том, кто может претендовать на священническую власть. Поскольку беспоповские наставники считают себя временно исполняющими обязанности священников, по благословению, с их точки зрения, последних легитимных иереев, то в отношении них, по их же логике, правомерно применение требований, предъявляемых кандидатам в священники.

По замечанию исследователя Т. А. Копятевича, все канонические препятствия можно разделить на физические, духовные и социальные. Как пишет исследователь, «...по этим критериям оценивается степень готовности кандидата к хиротонии» [6, с. 74]. Среди духовных препятствий выделяются отсутствие достаточного количества веры, морально-нравственные пороки и недостаток необходимых богословских знаний. Препятствия социального характера делятся на три вида: семейное положение кандидата во священные степени, обязанности перед государственной властью и его социальный статус [6, с. 91].

Беспоповская апологетика бессвященной власти. После сожжения в Великий Четверток епископа Павла Коломенского – единственного епископа в Русской православной церкви, защитившего старые чины и древлеправославное благочестие, – и в результате решений Большого московского собора 1666–1667 гг., наложившего проклятия на старый обряд и его сторонников, староверы-поморцы лишились возможности воспроизводства собственного священства. Последний священник у староверов-поморцев – иерей Терентий Лигиницкий – скончался в 1704 г. в деревне Лигинишки в Прибалтике [7, р. 76]. Вследствие физической утраты собственного священства беспоповцы, анализируя происходящий духовный и исторический момент, в ответ на увещевания миссионера господствующей церкви сформулировали ответ на вопрос, кто может временно исполнять обязанности священника и в какой степени.

В «Поморских ответах» иеромонаху Неофиту в 1722–1723 гг. князья Мышецкие братья Денисовы, ссылаясь на слова Иоанна Златоуста, пишут: «Церковь бо есть не стены и покров, но вера и житие. Выше: не стены церковные, но законы церковные». Затем, ссылаясь на Писание, развивают мысль, что Церковь основывается не на полах, а на вере: «...ты Еси Петр и на сем камени созижду Церковь мою, и врата Адова не удолеют Ей» [8, л. 299 об.]. Затем в качестве доказательства легитимности существования церкви без священства братья Денисовы привели многочисленные примеры из книг «Деяния Апостолов», «Пролога» и «Минеи», когда разные святые, не имея священнической хиротонии, крестили. Как пишут братья Денисовы, даже апостол Филипп крестил самарян, но «...по толкованию учителей диакон бяхе не олтарю, но трапезам» [8, л. 300].

Братья Денисовы полагали, что ныне допустимо в отсутствие православного священства исповедоваться у не священных иноков. «От Писания Святого, и от обычая святых отцов утверждается, яко есть праведно и вынуждено и спасительно» [8, л. 312 об.]. При этом Денисовы подчеркивали, что «...аще во святей Церкви и седмь Тайн исповедается, яже посредствам вечнаго блаженства суть» [8, л. 313]. Крещение и исповедь «во спасение нужды» [8, л. 313 об.], а другие таинства, отправляемые священниками в экстраординарных обстоятельствах, по мысли Денисовых, не являются необходимым условием для спасения.

По мере угасания иноков и прихода на их место простецов, наставников и наставниц, потребовался дополнительный анализ происходящего и вслед за анализом апологетика. Однако столетия гонений не позволяли провести качественным образом осмысление и богословское оправдание этого явления, пока, наконец, в 1905 г. Николаем II не был подписан манифест об укреплении начал веротерпимости, даровавший староверам религиозную свободу. В результате этого в 1909 г. состоялся Первый Всероссийский собор христиан-поморцев, приемлющих брак, где прозвучал доклад Т. А. Худошина «О настоятелях и наставниках».

Ссылаясь на пророчество пророка Иеремии, Т. А. Худошин писал, что существуют две нити, дающие благодать от Господа, – старцы людские и старцы священнические. При этом он привел слова апостола Петра, который в Первом послании называет пасущих стадо Христово старцами. Эти слова отсутствуют в синодальной редакции Библии, слово *старцы* там заменено на слово *пастыри*. Цитируя апостола Петра, Т. А. Худошин пользовался острожским изданием Библии, где в Первом послании Петра, глава 5-я, зачало 62-е, содержится слово *старцы*. Кроме этого, Т. А. Худошин ссылается на книгу Исход, где неоднократно говорится о старцах как о духовных начальниках народа: «Старцы людские, то есть старейшины, явля-

ются законными представителями народа еще со времен египетского рабства» [9, с. 74]. В книге Чисел, согласно Т. А. Худошину, говорится, что во времена египетского пленения на старцев сошел Дух Святой для того, чтобы они могли облегчить бремя народного управления.

Т. А. Худошин вспомнил текст Писания, когда в день Святой Пятидесятницы Дух святой снизошел на Апостолов и всех христиан, принявших святое крещение: «Сего ради не печалься, православный христианин, что не имеешь степени священнической, ибо ты получил в пятидесятый день благодать Св. Духа» [9, с. 76]. Он же отметил: «Первунствующая Церковь не знала имени ни епископа, ни священника, ни дьякона, этих степеней не существовало» [9, с. 77]. В своем утверждении поморский начетчик ссылается на толкование Иоанном Златоустом 16-го правила 6-го Вселенского Собора, где святой отец констатирует отсутствие церковных чинов в ранней Церкви. Из этого Т. А. Худошин сделал еще один вывод о том, что христиане могут избирать себе духовными руководителями мирян без священных степеней. По мнению поморского начетчика, духовниками нередко бывали монахи, не имевшие священного сана. Он ссылается на вопросы-ответы Петра Хартофилакса XI века, где говорится, что «...если найдешь мужа духовного и опытного, могущаго врачевать тебя не постыдно и с верою, исповедаясь ему, как Господу, а не как человеку» [9, с. 77].

В подтверждение этого Т. А. Худошин привел из книги Пролог восемь примеров, когда простецы и монахи, не имея священнического сана, исповедали своих духовных чад. Мысль невысказанная, но явно присутствующая: беспоповские наставники не только равны священникам, но стоят выше них. Поскольку, как писал Т. А. Худошин, «...священники не имели права принимать на покаяние без дозволения архиерея» [9, с. 78], а простецы имели. Им для этого епископ не нужен. В заключение он подвел общий итог, что наставники – это «...духовные руководители, пекущиеся о душах наших, – стоят выше нас и достойны всякой чести и почитания» [9, с. 79].

Этапы трансформации бессвященной власти. В Челябинске староверы проживали с самого основания города и с самого начала колонизации Южного Урала. Однако до нас не дошли источники, которые могли бы свидетельствовать о том, кто возглавлял первые общины староверов, и в частности, беспоповцев-поморцев. Самый ранний известный источник, рассказывающий, кто возглавлял общину поморцев, – это «Дело по сообщению горного начальника златоустовских заводов об отлучившихся от православной религии и вступивших в раскольническую поморскую секту крестьян Тельминовых и девки Марьи Старцевой за январь 1830 г. – февраль 1833 г.» [10].

Согласно показаниям мастерового Дмитрия Сычева, когда «...он вступил в поморское согласие

с братом своим Филиппом, того показать он не может, а кто был кроме них в общине, известно Царю Небесному». Но при этом «...от брата своего Филиппа слышал, что давала ему наставления города Челябинца старуха Марья Сергеева, сам же он ее не знает и не видал» [10, л. 295]. Из показаний мещанской девицы Марьи Сергеевны Старцевой следует, что она «...православного греческого исповедания веры не приемлет и состоит в старообрядчестве с тех пор как начала себя помнить, в православную церковь не ходит, ибо она грекороссийских священников не признает правочерными служителями церкви Божией и не исповедует святых Таинств Христовых, книг противных правому святой Церкви мудрованию нет у нее, а чтение производит по псалтырю существовавшей еще до Никона Патриарха или дораскольной святой православной веры на разные секты» [10, л. 276 об. – 277]. При этом следователям она заявила, что не упомнит, когда были у нее служащие Златоустовского завода. Она отправила служащих завода к крестьянам Тельминовым в деревню Гагарье Челябинского уезда, где у них был устроен молитвенный дом. А сама же она не стала «совращать в раскол»: «Не к чему, ибо она уже в преклонных летах и постоянного прибежища не имеет» [10, л. 277 об.].

Сведения о духовных наставниках поморской общины Челябинска в период 1830–1904 гг. отсутствуют, ввиду нелегального статуса общины и гонений со стороны господствующей церкви и светских властей. Согласно книге о бракосочетавшихся Челябинской старообрядческой общины поморского согласия, настоятелем у челябинских поморцев в 1904–1909 гг. был Петр Устюгов [11, л. 2]. Журналист В. А. Весновский в 1909 г. в справочнике «Весь Челябинск» также указал, что настоятелем у поморцев был Петр Матвеевич Устюгов [12, с. 51]. В 1912 г. настоятелем поморской общины был Сергей Васильевич Пильнов [13, л. 25–31]. В 1914–1919 гг. настоятелем поморской общины был Никита Сапогов [14, л. 2–3; 15, л. 2–19; 16, л. 2–4; 17, л. 2–6]. В 1918 г. в поморской общине служил наставником Козьма Урусов [18, л. 43, 46, 49]. Козьма Митрофанович Урусов в 1923 г. значился настоятелем общины поморцев, проживал в «новой постройке рядом со старообрядческой церковью», в 1926 г. – «исполняющий обязанности настоятеля» и «любительский настоятель» [18, л. 18, 25, 29]. В списке членов духовного совета христиан-поморцев брачного согласия г. Челябинска за 1927 г. в графе общественное положение напротив фамилии Урусова отмечено: «член совета и любительский настоятель» [18, л. 41]. Видимо, таким образом подчеркивался непрочный статус наставника или же отсутствие у него законного благословения. В 1928 г. решением совета общины он был снят с должности наставника, а на его место избран Андрей Федорович Орлов с присуждением ему жалованья пятнадцать рублей в месяц [18, л. 50].

По сведениям М. И. Сляднева, после закрытия моленной в 1930-е – 1940 гг. общиной руководила наставница Т. П. Имотина, а в 1940–1961 гг. – П. С. Шлемов [19]; с 1980 г. наставником общины стал Филипп Петрович Беляшов. Однако, по информации преданий самих поморцев [20], это далеко от действительности. Ф. П. Беляшов стал настоятелем после смерти Анфима Максимовича Каргополова в 1986 г. и пробыл в этом статусе четыре месяца. Кроме того, после П. С. Шлемова наставником стал М. И. Васильев и прослужил до 1975 г., когда его сменил А. М. Каргополов. После смерти Ф. П. Беляшова его место занял Д. И. Яковлев, он был настоятелем челябинской общины до 1995 г. После его смерти начался 19-летний период женского наставничества. Сначала общину до 1998–1999 гг. окормляла А. Р. Клюкина, а после нее до 2014 г. – З. И. Шведова. Почти 20-летний период женского наставничества прервал Д. А. Каргополов, а с 2019 г. по настоящее время – С. Н. Вахтомов.

В 1950–1970-е гг. в Копейске и Челябинске проходили соборы христиан-поморцев. Здесь наблюдается проявление духовной власти беспоповских наставников. Это выразилось в допуске к таинствам Христовым, посещении общей молитвы и дисциплинарных наказаниях.

В 1954 г. в Копейске состоялся собор беспоповцев-поморцев, где среди прочих вопросов обсуждалось наказание за миршение, пьянство и табакокурение. Миршение было признано великим грехом, но не ересью. Упорствующего в замирщении собор предлагает наказывать годом отлучения от молитвы, но не отказывает в принятии на покаяние. Рассматривался вопрос принятия на покаяние христиан, живущих в прелюбодеянии. Собор постановил не принимать христиан на покаяние, пока не расторгнут прелюбодейный брак. Как пояснил действующий поморский наставник С. Н. Вахтомов, прелюбодейный брак в то время понимали как брак второбрачных [20]. Кроме того, согласно решению собора, допустимо крестить младенцев, чьи родители находятся вне церкви. Кровосмесительные браки до четвертого колена предлагалось расторгать [21, л. 15 об. – 16].

В 1957 г. в Копейске прошел еще один собор поморцев. Среди прочего собор рассмотрел вопрос об исправлении младенцев. Собор постановил исправлять по вере родителей и восприемников или приносимых. Исправлять здесь означает чиноприем, в случае беспоповцев доступно перекрещивание либо покаяние. В случае младенцев собор поморцев считал правильным принимать их в церковь по вере родителей или приносимых. По вопросу о замирщенных предлагалось тех, кто находится в слабом замирщении, принимать на молитву с епитимью. Тех, кто по нужде служит на государственной работе или работает в колхозе, предлагалось принимать с малой епитимью; а тех, кто

брил бороду и курил табак, решено не принимать на общую молитву. Запрещалось погребение тех, кто всю свою жизнь не имел духовного отца, не являлся на покаяние и не посещал молитвенных собраний [22, л. 1–2].

В 1960 г. на совещании старцев старообрядцев-поморцев обсуждался вопрос легитимности первоначального благословения на отечество (наставничество) от старушки-наставницы, ввиду сомнений было принято решение о повторном благословении [21, л. 25 об.]. Этим действием поморские наставники продемонстрировали каноническую нелегитимность настоятельниц и их духовной власти, а сам факт женского наставничества мерой вынужденной, а не обыденной практикой.

В 1965 г. на соборе поморцев Челябинска рассматривался вопрос о принятии на молитву брадобрицев. Собор постановил: «Бреющих бороду, в каком бы возрасте не был, работающий или не работающий, на общую молитву не принимать разве покаяния предоставит, на усмотрение отцов духовных». О замирщении собор постановил: «Наказывать следующим образом, если кто бескрайней нужды общается с иноверными в ядении и питии должны быть подвергнуты епитимии с отлучением от общей молитвы сроком от одной недели до 6 недель» [23, л. 1]. Если же у кого крайняя нужда сообщаться с иноверными, собор в отношении тех постановил: снисхождение на усмотрение духовного отца.

На соборе поморцев в Челябинске в 1970 г. рассматривался вопрос прелюбодейного брака. Двое пожилых супругов, находящихся, как сказано в тексте, «в глубокой старости», обратились к собору с просьбой расторгнуть их незаконный брак и принять их на общую молитву, принесли перед всеми покаяние, признали свою вину. Поскольку оба супруга признали свой грех и не возражали, «брак их считать расторгнутым», а поскольку было принесено покаяние, то соборяне принимают их на общую молитву [24, л. 1].

В 1960-е и 1970-е годы общину окормлял «наездами» Маркиан (Мартемьян) Иванович Васильев, большую часть времени духовный отец находился в копейской общине. В связи с этим духовную власть в общине взяли на себя уставщики. Таковым уставщиком в 1970-е гг. в челябинской поморской общине был Фома Григорьевич Шведов. О духовной власти уставщика Ф. Г. Шведова сохранились подробные свидетельства в письмах челябинского беспоповца Григория Филатовича Логинова.

В письме к Ф. Г. Шведову Г. Ф. Логинов полемически упрекал уставщика в том, что он не допускал на молитву раскаявшихся тяжелобольных поморцев: «А посему вам Фома Г. надлежит показать от слов самого Спаса Христа, где сказано Им, покаявшегося и паки в грех впадшаго, не приемлю его второе покаяние» [25, л. 1 об.]. В сочинении «Чесо

ради в ереси впадают» Г. Ф. Логинов пишет о властных практиках уставщика Ф. Г. Шведова. Среди прочего он отметил, что уставщик «...требует наказывать опоздавших к началу службы, требует полностью выполнять службы моления по уставу, не считаясь с необходимостью уменьшить службу праздничную, по случаю дополнительных служб, которые отменить нельзя» [26, л. 31]. В «Объяснении отцу духовному Мартемьяну Ивановичу» он продолжил свидетельствовать о властных возможностях уставщика Ф. Г. Шведова. По словам Г. Ф. Логинова, Ф. Г. Шведов «...гордо запрещает отцу духовному решать вопросы духовные, без его разрешения» [26, л. 22]. «Он старший уставщик, – продолжал Г. Ф. Логинов, – по етому уставщики, и певцы клироса, должны строго выполнять-то, что будет приказано Фомой Григорьевичем» [26, л. 24]. По словам Г. Ф. Логинова, являясь человеком грамотным в уставе службы, Ф. Г. Шведов не пожелал заниматься уставом. Тогда отец духовный благословил его, чтобы он научил нескольких клирошан уставу. После этого, как пишет Г. Ф. Логинов, Ф. Г. Шведов присвоил себе звание старшего уставщика, а вслед за этим подчинил себе как уставщиков, так и певцов клироса. «Итак, Фома Григорьевич – в челябинском приходе, организовал незаконно рабовладельческий строй, никогда не существующий в Церкви Христовой», – констатировал Г. Ф. Логинов [26, л. 25]. Таким образом, рефлексия самих беспоповцев говорит о нелегитимном существовании бессвященной власти уставщиков, власти не только не вынужденной, в силу обстоятельств, а незаконной и тиранической по своему характеру.

Выводы

Священная власть представляет собой право очищения и посвящения профана, а также допуска его к сакральному акту. В этом свете беспоповская бессвященная власть имеет ряд ограничений, выраженных в отсутствии возможности исполнения ряда Христовых таинств, ограниченного права посвящения в церковные чины и полное отсутствие возможностей исполнения священнических хиротоний. При этом сохраняется функция посредника между миром профанного и сакрального.

Духовная власть беспоповских наставников основывается на благословении последних иереев, чья хиротония имела дораскольное рукоположение. Последний такой иерей скончался в 1704 г. в Прибалтике. С тех пор поморские наставники, избирая новых наставников, передавали им благословение своих последних священников. В качестве критериев для избрания наставников поморцы руководствуются правилами Кормчей книги. Все множество канонических препятствий к избранию священника, или в случае беспоповцев наставника, подразделяется на физические, духовные и социальные аспекты.

Появление беспоповцев поморского согласия на Южном Урале относится к концу XVIII века.

На основании выявленных исторических источников можно говорить о таком значительном явлении в жизни челябинских поморцев, как женское наставничество. Во времена религиозных гонений, это в первую очередь антистарообрядческая политика Николая I и антирелигиозная политика 1930-х гг., духовную власть в челябинской общине поморцев вынужденно брали на себя наставницы. Кроме управления общиной и ведения церковной службы наставницы отправляли бессвященную власть, совершая требы и благословляя на наставничество мужчин. Однако позднее, в 1960-е гг., община пришла к мнению о нелегитимности этих благословений. Таким образом, речь идет о признании самими челябинскими староверами вынужденного и незаконного характера женского наставничества.

В отсутствие постоянного настоятельства наставников в Челябинске в 1970-е гг. в общине поморцев появилась новая форма бессвященной власти – духовная власть уставщиков. Внутри самой старообрядческой общины отношение к этому явлению было резко негативным ввиду тиранического и жесткого характера этой формы духовной власти. Один из челябинских староверов характеризовал эту форму духовной власти как «рабовладельческий строй».

Иными словами, бессвященная власть в Челябинской старообрядческой поморской общине преодолела следующие стадии развития: иноческий период XVIII века, женское наставничество в эпоху религиозных гонений, период власти уставщиков в отсутствие постоянного окормления настоятелей. Современный период характеризуется возвращением духовной власти наставников-мирян. Сегодняшние акторы духовной власти у челябинских поморцев представляются им нормативом духовного положения власти в общине в нынешнюю эпоху власти духовного Антихриста, ставшего причиной исчезновения в мире канонически легитимного священства.

В выявленных рукописных источниках осталось мало сведений о конкретных функциях реализации духовной бессвященной власти наставницами. Единственное, что удалось зафиксировать, это благословение на наставничество мужчин. Исходя из общей практики беспоповцев следует, что наставницы занимались крещением и, возможно, исповедью. В качестве дисциплинарных практик наставницы могли решать вопросы о допуске на молитву, тем более что в 1990-е гг. хозяйкой здания моленной была А. Р. Ключкина.

Власть поморских уставщиков ограничивалась дисциплинарной властью: ведение службы и допуск на молитву. Остается не вполне ясным, как уставщик Ф. Г. Шведов ограничивал духовную власть отца духовного, то есть наставника, и было ли это в действительности.

Поморский наставник имеет духовную власть крестить, исповедовать, благословлять и расторгать браки, налагать епитимью, допускать на молитву, вести богослужение. С точки зрения самих поморцев, духовная власть наставников ничем не уступает священнической, а даже напротив, имеет меньше ограничений ввиду неподвластности правящему епископу, каковых, по мнению беспоповцев, больше не осталось в мире, как и самих православных священников.

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Государственное задание Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ FENU-2020-0021).

Литература

1. Мангилёв, П. И. Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / П. И. Мангилёв. – Челябинск, 2008. – 322 с.
2. Сляднев, М. И. Старообрядчество на Южном Урале (политика местных государственных органов по отношению к старообрядческим религиозным объединениям 1917–2002 гг.) / М. И. Сляднев // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2003. – № 2. – С. 248–254.
3. Кожурин, К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев / К. Я. Кожурин. – М., 2014. – 555 с.
4. Покровский, Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н. И. Покровский. – Новосибирск : Наука, 1974. – 396 с.
5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 2003. – 486 с.
6. Канонические постановления Православной Церкви о священстве / сост. Т. А. Копятевич. – М., 2015. – 252 с.
7. Žilko, A. Старообрядчество в Латвии: вчера и сегодня / A. Žilk, Ē. Mekšs // Revue des études slaves. – 1997. – Т. 69, fascicule 1–2, Vieux-croyants et sectes russes du XVIIe siècle à nos jours. – P. 73–88.
8. Поморские ответы выговских пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита (оригинал, предназначенный для подачи императору) // РГБ. – Ф. 98 «Собрание рукописных книг Е. Е. Егорова». – № 193. – 336 л.
9. Худошин, Т. А. О настоятелях и наставниках / Т. А. Худошин // Деяния Первого Всероссийского Собора Христиан-поморцев, приемлющих брак, происходившего в граде Москве в лето от сотворения мира 7417 мая в дни с первого по двенадцатое. – М., 1909. – С. 74–79.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. И-121. – Оп. 1. – Д. 11.
11. ОГАЧО. – Ф. И-226. – Оп. 4. – Д. 538.
12. Весновский, В. А. Весь Челябинск и его окрестности / В. А. Весновский. – Челябинск, 1911. – 138 с.
13. ОГАЧО. – Ф. И-226. – Оп. 4. – Д. 541.
14. ОГАЧО. – Ф. И-226. – Оп. 4. – Д. 773.
15. ОГАЧО. – Ф. И-226. – Оп. 4. – Д. 774.
16. ОГАЧО. – Ф. И-226. – Оп. 4. – Д. 804.
17. ОГАЧО. – Ф. И-226. – Оп. 4. – Д. 836.
18. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 4.
19. Сляднев, М. И. Поморцы / М. И. Сляднев // Челябинск : энциклопедия. – Челябинск, 2001. – С. 643.
20. Полевые исследования старообрядческой общины поморского согласия г. Челябинска, беседа № 3, А. М. Шестаков, 9 апреля 2021 г.
21. ЛАИ УрФУ. Курганское собрание. 204р/4052 : материалы соборов поморцев Южного Урала и Зауралья конца XIX–XX вв. (I и II Курганских 1924 г., Обуховского 1925 г., Чаусовского 1954 г., Еманжелинского 1955 г., Копейского 1957 г., Юргамышевского 1960 г., Озерского 1875 г., Колесовского 1906 г. и др.). Втор. пол. XX в. 4. – 143 л.
22. ЛАИ УрФУ. Курганское собрание. 175р/1628. Протокол собрания поморцев-брачников г. Копейска от 4 февраля 1957 г. – 2 л.
23. ЛАИ УрФУ. Курганское собрание. 169р/1622. Решения духовного совещания поморцев, состоявшегося в г. Челябинске в 1965 г. (О брадобритии и замирщении). 4. – 1 л.
24. ЛАИ УрФУ. Курганское собрание. 145р/1576. Протокол собрания поморцев г. Челябинска от 01.02.1970. 2. – 1 л.
25. ЛАИ УрФУ. Челябинское собрание. 278р/4351. Письмо М. И. Васильеву от Г. Ф. Логинова. Челябинск. 70-е гг. XX в. 4. – 2 л.
26. ЛАИ УрФУ. Челябинское собрание. 80р/1877. Сборник («О мирщении», «О брадобритии», «Объяснение отцу духовному Мартемьяну Ивановичу», «О церковном совете», «О правах отцов духовных», «О суде согрешающих», «О праздновании дня святой и единосущной Троицы», Ответное письмо в г. Курган 15.06.76.). Сост. Г. Ф. Логинов. Втор. пол. 70-х гг. XX в. 4. – 41 л.

Антипин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: antipin87@mail.ru. ORCID 0000-0003-4060-5955

Шестаков Александр Михайлович – аспирант, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: katechon74@gmail.com. ORCID 0000-0002-3361-184X

Поступила в редакцию 27 сентября 2022 г.

ILLEGAL AUTHORITY IN THE OLD BELIEVER POMORSK COMMUNITY OF CHELYABINSK

N. A. Antipin¹, A. M. Shestakov²

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

The anti-religious policy of the Soviet period caused the loss of the historical continuity of the Chelyabinsk Old Believers of the past and present. In this regard, studies of the history of the Old Believer community are of great importance in the process of building historical continuity. The underground existence of the Old Believers left its mark on the source base, as a result of which a representative corpus of sources was not formed at the local level. The historiography of the issue is represented by a small number of publications and indicates the fragmentation of the study of the history of the Chelyabinsk Old Believers. The solution to this problem is possible if new historical sources are introduced into scientific circulation. Based on the manuscripts of the Archaeographic Research Laboratory of the Ural Federal University, the article examines the phenomenon of power among the Chelyabinsk Bespopovtsy of Pomor consent. The author analyzes the powers of participation in the divine service of tutors and Pomor mentors presented in the works of the Chelyabinsk Pomor Old Believers of the second half of the 20th century. Through the analysis of doctrinal and conciliar documents and the writings of the Old Believers, the stages of the evolution of profane power among the Pomorian Old Believers of Chelyabinsk are formulated. As a result of the study, such stages of the transformation of non-consecrated power were formulated as (1) the period of lay mentors, (2) the period of power of the tutors, and (3) the period of women's mentoring. The current state of the Chelyabinsk Pomor community is characterized by the return of the authoritative institution of lay mentors. Therefore, the study of this issue is not only of scientific relevance but will also be of importance in the context of the modern revival of the church life of the Old Believers of Chelyabinsk.

Keywords: Old Believers, Bespopovtsy, power relations, Chelyabinsk, archaeography.

References

1. Mangilyov P.I. Staroobryadchestvo i krest'yanskaya knizhnost' Yuzhnogo Urala i Zaural'ya v XVIII – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk [Old Believers and Peasant Literacy of the Southern Urals and Trans-Urals in the 18th to Early 20th Centuries]. Chelyabinsk, 2008. 322 s.
2. Slyadnev M.I. Staroobryadchestvo na Yuzhnom Urale (politika mestnykh gosudarstvennykh organov po otnosheniyu k staroobryadcheskim religioznym obedineniyam 1917–2002 gg.) [The Old Believers in the Southern Urals (the Policy of Local State Bodies in Relation to the Old Believers' Religious Associations of 1917–2002)] // *Evrasijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij*. 2003. № 2. S. 248–254.
3. Kozhurin K.Y. Povsednevnyaya zhizn' staroobryadcev [Daily Life of the Old Believers]. M., 2014. 555 s.
4. Pokrovsky N.N. Antifeodal'nyj protest uralo-sibirskih krest'yan-staroobryadcev v XVIII v. [Anti-Feudal Protest of the Ural-Siberian Peasant-Old Believers in the 18th Century]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 396 s.
5. Kovalchenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research]. M.: Nauka, 2003. 486 s.
6. Kanonicheskie postanovleniya Pravoslavnoj Cerkvi o svyashchenstve [Canonical Decrees of the Orthodox Church on the Priesthood]. M., 2015. 252 s.
7. Žilko A., Mekšs Ē. Staroobryadchestvo v Latvii: vchera i segodnya [Old Believers in Latvia: Yesterday and Today] // *Revue des études slaves*. 1997. Vol. 69, fascicule 1–2, Vieux-croyants et sectes russes du XVIIe siècle à nos jours. P. 73–88.
8. Pomorskie otvety vygovskih pustynnozhitel'ej na voprosy ieromonaha Neofita (original, prednaznachennyj dlya podachi imperatoru) [Pomorian Answers of the Vygov Hermits to the Questions of Hieromonk Neophyte (Original, Intended to be Submitted to the Emperor)] // *RGB. F. 98 «Sobranie rukopisnykh knig E. E. Egorova»*. № 193. 336 s.
9. Hudoshin T.A. O nastoyatelyah i nastavnikah [About Pastors and Mentors] // *Deyaniya Pervogo Vserossijskogo Sobora Hristian-pomorcev, priemlyushchih brak, proiskhodivshego v grade Moskve v leto ot sotvorenija mira 7417 maya v dni s pervogo po dvenadcatoe*. M., 1909. S. 74–79.
10. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arkhiv Chelyabinskoy oblasti [United State Archive of the Chelyabinsk Region] (OGACHO [USACR]). F. I-121. Op. 1. D. 11.
11. OGACHO [USACR]. F. I-226. Op. 4. D. 538.
12. Vesnovskij V.A. Ves Chelyabinsk i ego okrestnosti [The Whole of Chelyabinsk and Its Surroundings]. Chelyabinsk, 1911. 138 s.

14. OGACHO [USACR]. F. I-226. Op. 4. D. 541.
15. OGACHO [USACR]. F. I-226. Op. 4. D. 773.
16. OGACHO [USACR]. F. I-226. Op. 4. D. 774.
17. OGACHO [USACR]. F. I-226. Op. 4. D. 804.
18. OGACHO [USACR]. F. I-226. Op. 4. D. 836.
19. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 4.
20. Slyadnev M.I. Pomorcy [Pomorians] // *Chelyabinsk: enciklopediya*. Chelyabinsk, 2001. S. 643.
21. Polevye issledovaniya staroobryadcheskoj obshchiny pomorskogo soglasiya g. Chelyabinska, beseda № 3, A. M. Shestakov, 9 aprelya 2021 g. [Field Research of the Old Believer Community of Pomor Consent in Chelyabinsk, Conversation № 3, A. M. Shestakov, April 9, 2021].
22. LAI UrFU [LAR UFU]. Kurganskoe sobranie. 204r/4052: materialy soborov pomorcev Yuzhnogo Urala i Zaural'ya konca XIX–XX vv. (I i II Kurganskikh 1924, Obuhovskogo 1925, Chausovskogo 1954, Emanzhelinskogo 1955, Kopejskogo 1957, Yurgamyshevskogo 1960, Ozerskogo 1875, Kolesovskogo 1906 i dr.). Vtor. pol. XX v. 4. 143 s.
23. LAI UrFU [LAR UFU]. Kurganskoe sobranie. 175r/1628. Protokol sobraniya pomorcev-brachnikov g. Kopejska ot 4 fevralya 1957 g. 2 s.
24. LAI UrFU [LAR UFU]. Kurganskoe sobranie. 169r/1622. Resheniya duhovnogo soveshchaniya pomorcev, sostoyavshegosya v g. Chelyabinske v 1965 (O bradobritii i zamirshchenii). 4. 1 s.
25. LAI UrFU [LAR UFU]. Kurganskoe sobranie. 145r/1576. Protokol sobraniya pomorcev g. Chelyabinska ot 01.02.1970. 2. 1 s.
26. LAI UrFU [LAR UFU]. Chelyabinskoe sobranie. 278r/4351. Pis'mo M. I. Vasil'evu ot G. F. Loginova. Chelyabinsk. 70-e gg. XX v. 4. 2 s.
27. LAI UrFU [LAR UFU]. Chelyabinskoe sobranie. 80r/1877. Sbornik («O mirshchenii», «O bradobritii», «Ob'yasnenie otcu duhovnomu Martem'yanu Ivanovichu», «O cerkovnom sovete», «O pravah otcov duhovnyh», «O sude sogreshayushchih», «O prazdnovanii dnya svyatoj i edinosushchnoj Troisy», Otvetnoe pis'mo v g. Kurgan 15.06.76.). Sost. G. F. Loginov. Vtor. pol. 70-h gg. XX v. 4. 41 p.

Nikolay A. Antipin – Associate Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), email: antipin87@mail.ru

Alexander M. Shestakov – Postgraduate Student, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: katechon74@gmail.com

Received September 27, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Антипин, Н. А. Бессвященная власть в старообрядческой поморской общине Челябинска / Н. А. Антипин, А. М. Шестаков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 6–13. DOI: 10.14529/ssh230101

FOR CITATION

Antipin N. A., Shestakov A. M. Illegal Authority in the Old Believer Pomorsk Community of Chelyabinsk. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 6–13. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230101

ОБЪЕМ КАК КРИТЕРИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ СОСУДОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТРОИЦК-7)

Е. О. Васючков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье проанализирован керамический комплекс могильника Троицк-7 с целью выделения групп сосудов с различным функциональным назначением. В качестве основного критерия для разделения сосудов на группы принят их объем. Для вычисления объема сосуд разделялся на ряд более простых геометрических фигур вращения – чаще всего нескольких усеченных конусов, для которых и определялся объем. Анализ объема показал отсутствие четкой стандартизации в размерности. Это хорошо иллюстрируют размытые границы между выделенными группами при учете только размерных показателей. В связи с этим проведен визуальный анализ поверхностей с помощью бинокулярного микроскопа для выявления следов использования. В результате было выделено три группы сосудов, отличавшихся по объему и характеру следов использования на их поверхности. Основным критерием для выделения групп с различным функционалом в бронзовом веке скорее всего будет являться их объем. Посуда изначально использовалась в бытовой сфере, а затем была помещена в погребения в качестве сопроводительного инвентаря. Это заключение не касается федоровских сосудов, которые вероятно являлись ритуальными. Также опробованы возможности метода, позволяющего вычислять объем для сильно фрагментированных сосудов, что открывает возможности для анализа поселенческой керамики.

Ключевые слова: бронзовый век, алакульская культура, петровская культура, федоровская культура, диагностирование функции сосудов.

Введение

Керамика является одним из наиболее массовых и информативных источников в археологии бронзового века. Керамические сосуды нередко выступают в качестве одного из главных маркеров при выделении археологических культур. Однако керамическая посуда кроме решения «традиционных» культурно-генетических вопросов может быть задействована при изучении гораздо более широкого круга проблем. В рамках данной статьи проведено исследование керамического комплекса могильника Троицк-7 с целью выделения групп сосудов, потенциально имеющих различный функционал.

Обзор литературы

На данный момент в археологии имеется большое число методов, применяемых для изучения древней керамики: например, анализ формовочных масс, из которых состояла посуда, или анализ липидов в стенках сосудов с помощью газовой хроматографии с целью изучения диеты древнего населения [1]. Исследователи делят методы для работы с керамикой на четыре основных группы: 1) методы выделения технологической информации; 2) методы изучения форм; 3) методы анализа орнамента; 4) методы реконструкции культурных традиций в гончарстве [2].

Для изучения керамики бронзового века на территории Южного Зауралья активно реализуется только часть методов, что потенциально сужает познавательные возможности источника. На данный момент оформилось несколько основных подходов.

Типологический метод позволяет отнести керамику к определенной культуре и выстроить ти-

пы сосудов в хронологической последовательности на основании главным образом морфологии и орнамента [3–4]. Сюда же следует отнести и формализованно-статистические методы, служащие, по сути, той же цели культурно-хронологических реконструкций [5].

Технико-технологический анализ керамики позволяет установить особенности производства сосудов с целью изучения культурных традиций, отраженных в навыках древних гончаров [6–7]. Применительно к материалам бронзового века Южного Зауралья данный подход применялся достаточно широко [8–11].

Существует также не до конца оформившийся подход, касающийся вопросов бытового использования керамических сосудов. Он связан с анализом объемов и различных следов использования на поверхностях сосудов, таких как пригары, затертости и царапины от перемещения посуды. Косвенно сюда же можно отнести исследования, связанные только с определением объемов либо для общего описания керамической коллекции [12–13], либо с целью выделения крупноразмерных сосудов для погребального пира [14]. Данный подход сфокусирован на вопросах использования емкостей и стремится к определению их специфических функций. Исследований в этом русле для Южного Зауралья пока немного. Рассматривались в основном керамические сосуды из синташтинских комплексов могильника Каменный Амбар-5 [15]. Стоит отдельно сказать о перспективности привлечения методов естественных наук для решения этих проблем. Для Южного Зауралья на данный момент уже

имеются отдельные опыты использования метода рентгенофлуоресцентной и масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой [16].

Перспективной темой в изучении системы питания коллективов эпохи бронзы можно считать дальнейшие штудии, связанные с изучением использования керамики в древности. Осложняет определение функционального назначения сосудов их относительно высокая гомогенность. С точки зрения некоторых исследователей, это связано с тем, что в некоторых древних обществах еще не было выработано устойчивой связи между «формой» и «функцией» [7, с. 167]. Кроме того, на большинстве сосудов местного бронзового века нет функциональных элементов вроде носиков, ручек или отверстий, которые могли бы указать на их предназначение. Исходя из этого одним из основных факторов для определения функционального назначения емкостей следует считать их объем. Этнографические данные подтверждают зависимость функционала сосуда от его объема [17, с. 20–21]. Кроме объема, важны различные следы использования, встречающиеся на поверхности керамики.

Методы исследования

Для анализа объемов сосудов бронзового века прежде всего необходимы целые формы, которые можно массово встретить только в материалах погребальных памятников. В качестве источника была отобрана керамическая коллекция могильника Троицк-7, имеющая большое число археологически целых сосудов.

Могильник Троицк-7 располагается на левом берегу р. Уй в пределах городской черты Троицка. Памятник локализуется в 0,25 км от русла р. Уй – в западной половине основания крупного мыса, образованного глубокой излучиной реки. Площадка могильника была связана с древней протокой, проходившей примерно через середину мыса. К началу археологических изысканий рельеф площадки могильника испытал значительное позднее антропогенное воздействие. Был снят гумус и произведена планировка поверхности под коттеджное строительство; вдоль улиц проложены коммуникационные траншеи. В результате активного хозяйственного освоения площадки памятника количество курганов и их локализация остаются параметрами не вполне проясненными. Возможности дешифрирования материалов аэрофотосъемки оказались не реализованными вследствие нестойкости грунтов, из которых были сложены курганы, и того, что аэрофотоснимки 1973 и 1980 гг. зафиксировали уже в значительной степени деформированный хозяйственной деятельностью рельеф [18–19].

В ходе полевых исследований памятника было раскопано 11 курганов (№ 1; № 3–9; № 13–15), материалы которых принадлежали к петровской, алакульской и федоровской культуре. В выборку были включены археологически целые сосуды и фрагменты шеек из погребений, а также жертвенников – все-

го удалось выделить 89 сосудов. Целые формы были представлены 46 археологически целыми сосудами. Среди них 40 сосудов горшечной формы и шесть сосудов были идентифицированы как банки.

Для подсчета объемов целых сосудов была применена следующая методика – сосуд рассматривается как совокупность геометрических фигур, чаще всего усеченных конусов (рис. 1). Объем подсчитывается для каждого из составных элементов в отдельности, а затем они суммируются. Такая методика допустима при подсчете объема археологически целых сосудов, у которых известен ряд характеристик, из которых самые важные – это высота, диаметр дна и устья шейки (горловины). Для сосудов усеченно-конической формы для определения объема этих данных достаточно, однако для более сложных форм, таких как биконические сосуды, требуются дополнительные измерения. Как правило, учитывается диаметр в местах наибольшего расширения (несмотря на то что в таком случае в объем будет входить и толщина стенок, очевидно, не заполнявшаяся при наполнении сосуда), то есть всегда берутся крайние точки. Нередко бывает, что сосуд сделан небрежно и имеет, например, подвальную горловину, в этом случае используется среднее арифметическое значение между самым большим и самым меньшим диаметром.

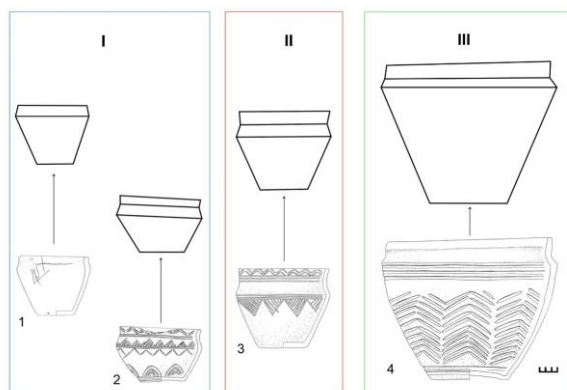

Рис. 1. Керамические сосуды могильника Троицк-7, разделенные по трем группам в соответствии с объемом, и их упрощенная графическая модель: 1 – курган 7, яма 12; 2 – курган 5, яма 2; 3 – курган 4, яма 8; 4 – курган 5, яма 5

Fig. 1. Ceramic vessels from Troitsk-7 divided into three groups according to volume and their graphical model: 1 – mound 7, pit 12; 2 – mound 5, pit 2; 3 – mound 4, pit 8; 4 – mound 5, pit 5

Кроме археологически целых форм в статистику решено было включить неполные сосуды, выделяемые по сохранившимся шейкам. Диаметр горловин неполных сосудов был достроен графически по фрагментам венчиков. Была проведена корреляция между диаметром горловины и объемом сосуда. Высчитанный с помощью функции в Microsoft Excel коэффициент корреляции для полных форм составил 0,93. Ориентируясь на данные, полученные по целым формам, был построен график, отражающий зависи-

мость между диаметром горловины сосуда и его объемом (рис. 2). На основании этих данных можно определить примерный объем неполных сосудов. Конечно, объем, вычисленный подобным образом, будет крайне неточным, и его использование уместно только для дополнения выводов, полученных по данным анализа целых форм.

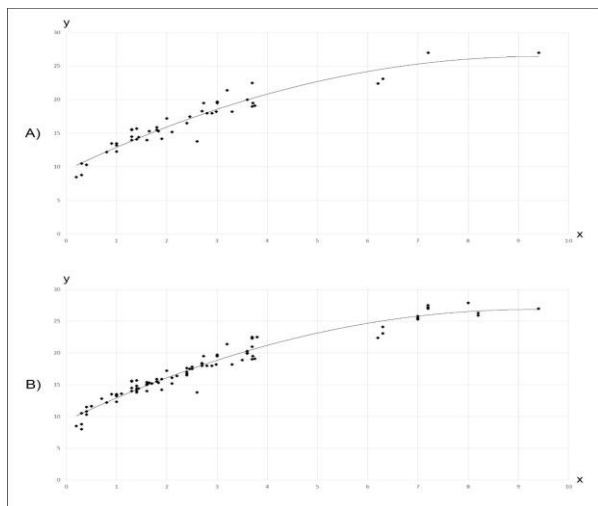

Рис. 2. График, отражающий зависимость объема сосуда от диаметра горловины: ось X – объем (л), ось Y – диаметр горловины (см). Точками обозначены сосуды – на графике А только полные формы; на В были наложены реконструированные сосуды

Fig. 2. Graph reflecting the dependence of the volume of the vessel on the diameter of the mouth: the X axis is the volume (l), the Y axis is the mouth diameter (cm). The dots indicate the vessels – on graph A, only full forms; reconstructed vessels were placed on B

Кроме объема в расчет приняты наличие / отсутствие пригаров и заметные с помощью микроскопа следы использования на поверхностях древней посуды. Использована модель – микромед MC-2-ZOOM var. 2 TD-1 с окулярами WF10X. Стоит упомянуть, что на данный момент пока не существует разработанной системы критериев для выделения тех или иных следов в качестве свидетельств использования сосудов эпохи бронзы по их прямому назначению в отличие от других эпох [20]. Главным образом рассматривалась степень изношенности поверхности дна, поскольку, на наш взгляд, именно на дне должны присутствовать визуально заметные следы, свидетельствующие о различных перемещениях посуды. Осмотр поверхностей сосудов позволил разделить следы пока главным образом на две категории.

1. Так называемая «затертость», представляющая уплощенные участки на дне, часто располагающиеся неравномерно и тяготеющие к периферии. По своей интенсивности тоже могут быть различны – от слабой (небольшие уплощенные участки с измененной цветовой гаммой вперемешку с «базовой поверхностью», не подвергнувшейся сильному износу) до интенсивной (сплошной уплощенный участок с цветовой гаммой, совпада-

ющей с керамикой в изломе). К сожалению, «затертость» является «накапливаемой» характеристикой и не только отражает интенсивность использования посуды в древности, но и перекрывается перемещениями уже в процессе камеральной обработки и последующего хранения в фондах. То есть интенсивные перемещения керамики при фондовом хранении могут исказить информацию.

2. Линейные следы в виде различных царапин. Лучше всего выделяются свежие царапины, как глубокие одиночные, так и целые серии неглубоких длинных однонаправленных следов. Несмотря на видимые отличия они маркируют перемещения артефактов во время камеральной обработки и во время хранения в фондах. Выделяются также следы, полученные, вероятно, на этапе изготовления и использования сосудов в древности. Следует сказать, что без дальнейших исследований, подтвержденных экспериментальными данными, достоверно разграничить эти виды царапин пока несколько проблематично.

Кроме следов использования на нижних поверхностях сосудов, в дальнейшем стоит обратить пристальное внимание на венчики, вполне вероятно имеющие следы затертостей от крышек, и на части сосудов, которые могли бы иметь следы от использования дополнительных приспособлений, связанных с извлечением сосудов из очагов и печей. Необходимо упомянуть, что некоторые сосуды могли храниться перевернутыми, что также стоит учитывать при анализе следов.

Следы ремонта на сосудах также иногда выделяются специалистами по другим периодам в качестве одного из критериев использования керамики [20]. Однако для сосудов эпохи бронзы есть сведения, позволяющие предполагать, что ремонт происходил до начала эксплуатации [21, с. 175].

Результаты и дискуссия

На основании анализа объемов и различных следов использования были выделены три группы сосудов (рис. 3):

1) 9 сосудов небольшого объема (от 0,2 до 1 л.), 20 % археологически целых форм. В эту группу вошли 6 баночных и 3 горшечных формы. Граница между первой и второй группами сосудов весьма условна, и решающим фактором для их разделения стало отсутствие сосудов менее одного литра, имеющих на поверхности нагар. Таким образом, все 9 сосудов не имеют нагара на внутренней или внешней поверхности. 7 из 9 сосудов (78 %) имеют следы использования в виде затертости и царапинок на дне, а баночные формы заметных следов использования не имели;

2) 33 сосуда горшечной формы среднего объема (от 1,3 до 3,7 л.), 72 % археологически целых форм. Это наиболее многочисленная категория сосудов. Нагар наблюдается на 16 из 33 сосудов (49 %) и зачастую сочетается со следами использования в виде затертости и царапин на дне

(15 сосудов). Вообще следы использования наблюдаются на 21 из 33 сосудов (64 %) как в виде интенсивной затертости с хорошо просматривающимися царапинами, так и в виде незначительной затертости с плохо заметными царапинами. 11 из 33 сосудов (33 %) не имели нагара и визуально фиксируемых следов использования;

3) 4 крупных сосуда горшечной формы объемом от 6,2 до 9,4 л., 8 % археологически целых форм. На трех из четырех сосудов (75 %) наблюдается нагар, сочетающийся с затертостью дна сосудов. Затертость могла быть различной – от слабо просматривающейся до хорошо заметной, сочетающейся с линейными следами в виде царапинок. Один из сосудов не имел ни нагара, ни следов затертости на дне.

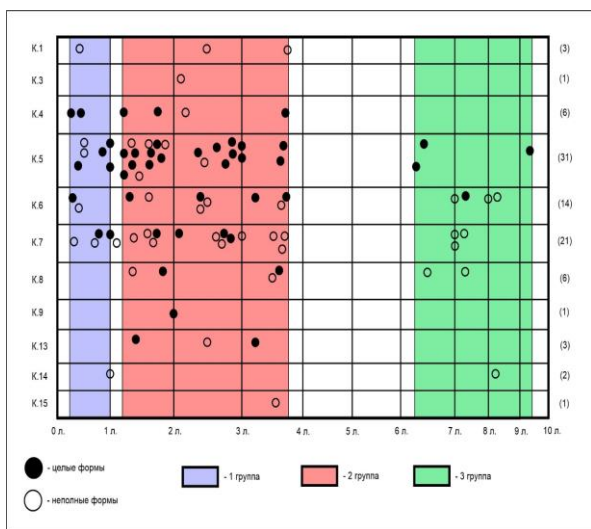

Рис. 3. Таблица распределения сосудов по группам в соответствии с объемом и следами использования. Слева указаны курганы, справа в скобках количество сосудов в каждом из курганов. В курганах № 9, 13 и 15 содержались федоровские сосуды. В остальных курганах находились петровские и алакульские сосуды

Fig. 3. Table of the distribution of vessels into groups in accordance with the volume and traces of use. On the left are numbered the mounds, on the right in brackets the number of vessels in each of the mounds. In the mounds № 9, 13 and 15 were Fedorovka vessels. The rest of the mounds contained Petrovka and Alakul vessels

Дополнить данные по целым сосудам можно результатами анализа неполных форм. Таких было выделено по материалам могильника 43 единицы. При аналогичной группировке данных и делении по объемам на 3 группы: к первой группе относятся 8 сосудов (19 %), ко второй группе относятся 26 сосудов (60 %), и к третьей группе было отнесено 9 сосудов (21 %).

В процентном соотношении выделенные группы почти совпадают как для археологически целых форм, так и для неполных. Небольшая диспропорция наблюдается только по третьей группе, что может быть вызвано худшей сохранностью относительно крупных сосудов. Общая тенденция

показывает количественное преобладание второй группы над первой и третьей. Стоит отметить, что и в синташтинское время в численном отношении также доминирует группа размерами 1–4 л. [15].

Сосуды первой группы (до 1 л.) чаще всего располагались в детских погребениях. Один сосуд находился в жертвеннике. Пара сосудов обнаружена в довольно крупной могильной яме. Таким образом, однозначно связывать сосуды небольших объемов только с детскими погребениями пока рано. Материалы алакульского могильника Кулевчи VI также демонстрируют наличие небольших форм как в детских, так и во взрослых погребениях [14, с. 56]. Для получения достоверных выводов касательно данной группы необходимо расширить выборку, приобщив комплексы с лучше сохранившимся антропологическим материалом.

Сосуды второй группы (1,3–3,7 л.) ввиду своей многочисленности могли выполнять самые различные функции: от приготовления до разогрева и употребления пищи. Встречаются как в детских, так и во взрослых погребениях. Среди этой группы сосудов следует отдельно упомянуть федоровские, сравнительно небольших объемов (1,4–3,3 л.) и не имеющие нагара и других заметных следов использования. Эта специфика посуды из федоровских комплексов может являться одним из аргументов в пользу ритуального характера федоровской погребальной посуды.

Сосуды, отнесенные к третьей группе, имеют наибольший объем (6,2–9,4 л.) и скорее всего могли использоваться для приготовления пищи, на что указывают часто встречающиеся нагары. В качестве вспомогательной функции также могли использоваться для хранения пищи, сырьевых продуктов или воды. Крупные сосуды чаще всего встречаются во взрослых захоронениях некрополя. В материалах могильника Кулевчи VI крупные горшечные формы также связаны с захоронениями взрослых индивидов [14, с. 55–56].

Необходимо отметить, что мы имеем дело с погребальной посудой и на данный момент нам пока полностью не известны принципы, в соответствии с которыми формировалась погребальная выборка. Поэтому слепо проецировать полученные результаты на поселенческие комплексы пока рано. Однако можно утверждать, что на половине сосудов (24 из 46 – 52 %) из могильника Троицк-7 отмечаются следы бытового использования керамики, что позволяет предположить ее изъятие напрямую из бытовой сферы. Сравнивая нашу выборку с сосудами синташтинского периода из могильника Каменный Амбар-5, следует отметить, что доля посуды со следами использования примерно та же (44 %) [15]. Скорее всего сосуды, не имеющие заметных следов использования, также являлись бытовой посудой, помещенной в погребальные комплексы, поскольку типологически не отличаются от упомянутых выше форм. Отсутствие следов может быть объяснено го-

раздо менее интенсивной эксплуатацией и более ранним изъятием из бытовой сферы.

При анализе объема сосудов становится очевидным отсутствие какой-либо четкой стандартизации в размерности. Основная причина заключается в том, что вся керамика, попавшая в выборку, является лепной. Следствием технологии производства являются размытые границы между выделенными группами при учете только показателей объема.

Следует сказать, что попытки выделения типов сосудов с разным функциональным назначением только на основании керамического материала не могут отражать всей полноты используемой в бронзовом веке посуды. В материалах могильника Троицк-7 встречены остатки одного деревянного блюда, которое располагалось в погребении № 1 кургана № 7. Блюдо было зафиксировано как участок древесного тлена округлой формы размером 30–35 см. Реальная типология используемой в древности посуды невозможна без учета емкостей, изготавливаемых из дерева и кожи.

Выводы

Таким образом, на основании анализа погребальной посуды было выделено три группы сосудов, различающихся по объему и характеру следов использования. Судя по всему, бытовые сосуды изначально использовались в бытовой сфере, а затем были использованы в качестве сопроводительного инвентаря при погребении. Исключением может быть федоровская посуда, которая вероятно целенаправленно создавалась в качестве ритуальной керамики. Об этом свидетельствует отсутствие следов эксплуатации посуды, а также ограниченность вариации объема (в выборке федоровские сосуды относились только ко второй группе).

В петровско-алакульский период не оформилось однозначной связи между формой и функциональным назначением сосуда. Скорее можно наблюдать начало процесса размежевания керамических сосудов на различные по своему функционалу группы. Однако отличаются сосуды друг от друга главным образом только своим объемом. Различия между баночными и горшечными сосудами на данном этапе не представляются значительными. Вполне вероятно, дальнейшие исследования помогут точнее определить назначение баночных сосудов и обособить их от горшечных форм.

Одной из приоритетных задач должна стать разработка системы анализа следов использования на поверхности керамики. Дальнейшая работа в этом направлении невозможна без приобщения результатов исследования фрагментов керамики из поселенческих коллекций и экспериментальных данных.

В рамках статьи были опробованы возможности реконструкции объема неполных сосудов посредством сопоставления с данными по археологически целым формам. Увеличение выборки гипотетически должно обеспечить большую точность описанному методу. Дальнейшие исследо-

вания целых форм погребальной посуды позволят анализировать сильно фрагментированные сосуды из поселенческих коллекций, явно служившие для утилитарных функций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021.

Литература

1. Malainey, M. E. A Consumer's guide to archaeological science : analytical techniques / M. E. Malainey, C. E. Orser, M. B. Schiffer. – Springer, 2010. – 603 p.
2. Молодин, В. И. Теория и практика исследования древней керамики: традиционные и новейшие методы / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова // Самарский научный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 122–127.
3. Сальников, К. В. Очерки древней истории Южного Урала / К. В. Сальников. – М. : Наука, 1967. – 408 с.
4. Кулевчи VI – могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов и др. – Челябинск : ЮУрГГПУ, 2020. – 556 с.
5. Генинг, В. Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии / В. Ф. Генинг. – Киев : Наукова Думка, 1992. – 188 с.
6. Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М. : Наука, 1978. – 272 с.
7. Цетлин, Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. – М. : ИА РАН, 2012. – 430 с.
8. Гутков, А. И. Технично-технологический анализ керамики поселения Устье I / А. И. Гутков // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск : Абрис, 2013. – С. 179–184.
9. Илюшина, В. В. Керамический комплекс могильника бронзового века Кулевчи VI: типология и технико-технологический анализ / В. В. Илюшина, И. П. Алаева, Н. Б. Виноградов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 3 (50). – С. 35–47.
10. Григорьев, С. А. Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье / С. А. Григорьев, Н. П. Салугина // Российская археология. – 2020. – № 2. – С. 45–59.
11. Дубовцева, Е. Н. Технологическое исследование керамики синташтинского типа из поселения Каменный Амбар / Е. Н. Дубовцева, Д. В. Киселева, С. Е. Пантелева // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53). – С. 99–110.
12. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / Г. Б. Зданович, А. К. Кириллов, А. И. Гутков [и др.]. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 2002. – 214 с.
13. Стефанов, В. И. Урефты I: зауральский

могильник в андроновском контексте / В. И. Стефанов, О. Н. Корочкова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

14. Алаева, И. П. Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья / И. П. Алаева // Вещь в контексте погребального обряда : материалы международной научной конференции. – М. : РГГУ, 2020. – С. 54–61.

15. Епимахов, А. В. О функциональности и нефункциональности погребальной посуды / А. В. Епимахов, М. Г. Епимахова // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода : сборник научных трудов ; ред. Д. Г. Зданович. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 2003. – 148 с.

16. Погребальная посуда и пищевые стратегии в древности / Е. А. Булакова и др. // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 4 (73). – С. 60–70.

17. Бобринский, А. А. Некоторые данные о технике и технологии куро-аракских гончаров (по материалам поселения Ново-Гапшах в Дагестане) / А. А. Бобринский, Ю. Б. Цетлин, И. А. Гей // Российская археология. – 2011. – № 4. – С. 15–28.

18. Костюков, В. П. Предварительные результаты исследования могильника эпохи бронзы Троицк-7 / В. П. Костюков, А. В. Епимахов // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. – Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург : УрГУ, 1999. – С. 66–70.

19. Krause, R. The Petrovka Bronze Age sites: issues in taxonomy and chronology / R. Krause, A. V. Epimakhov, E. V. Kupriyanova, I. K. Novikov, E. Stolarczyk // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. – 2019. – № 1 (47). – P. 54–63.

20. Краева, Л. А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана / Л. А. Краева // Самарский научный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 90–100.

21. Гутков, А. И. О традиции ремонта глиняной посуды / А. И. Гутков // Археологический источник и моделирование древних технологий : труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск : Аркаим ; Ин-т истории и археологии УО РАН, 2000. – С. 170–186.

22. Костюков, В. П. Отчет о спасательных раскопках могильника Троицк-7 в Челябинской области в 1995 году / В. П. Костюков. – Челябинск, 1996. – 60 с.

Васючков Егор Олегович – лаборант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: platonmnedrugnavernoe@gmail.com. ORCID 0000-0002-2378-3525

Поступила в редакцию 23 ноября 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230102

THE VOLUME OF CERAMIC VESSELS – CRITERION FOR THEIR PURPOSE (BASED ON THE MATERIALS OF THE BURIAL GROUND TROITSK-7)

E. O. Vasyuchkov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes the ceramic complex of the Troitsk-7 burial ground to identify groups of vessels with different functional purposes. Their volume is taken as the main criterion for dividing vessels into groups. To calculate the volume, the vessel was divided into a number of simpler geometric shapes – truncated cones. For them, the volume was determined. When analyzing the volume, it becomes apparent that there is no clear standardization in size. The consequence is the fuzziness of the groups. A visual analysis of the surfaces was carried out using a binocular microscope to identify traces of use on the vessels. As a result, three groups of vessels were distinguished, different in volume and character of traces. It can be said about the lack of connection between the form and function of vessels in the Petrovka and Alakul cultures. The main criterion for identifying groups with different functionality in the Bronze Age will be their volume. Vessels of Troitsk-7 were used in everyday life, and then were placed in burials. In addition to Fedorovka culture vessels, which were ritual. The possibilities of the method were tested, which allows calculating the volume for fragmented vessels, which allows analyzing vessels from settlements.

Keywords: Bronze Age, Alakul culture, Petrovka culture, Fedorovka culture, vessels function diagnostics.

References

1. Malainey M. E., Orser C. E., Schiffer M. B. A Consumer's guide to archaeological science: analytical techniques. Springer, 2010. 603 p.
2. Molodin V.I., Myl'nikova L.N. Teoriya i praktika issledovaniya Drevnej keramiki: tradicionnye i novejshie metody [Theory and Practice of the Study of Ancient Ceramics: Traditional and Latest Methods] // *Samarskij nauchnyj vestnik*. 2015. № 3 (12). S. 122–127.
3. Sal'nikov K.V. Ocherki drevnej istorii Yuzhnogo Urala [Essays on the Ancient History of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1967. 408 s.
4. Kulevchi VI – mogil'nik pozdnego bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Kulevchi VI – Late Bronze Age Burial Ground in the South Trans-Urals] / N.B. Vinogradov i dr. Chelyabinsk: YUrGGPU, 2020. 556 s.
5. Gening V.F. Drevnyaya keramika: metody i programmy issledovaniya v arheologii [Ancient Pottery: Methods and Research Programs in Archeology]. Kiev: Naukova Dumka, 1992. 188 s.
6. Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy: istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe: Sources and Methods of Study]. M.: Nauka, 1978. 272 s.
7. Cetlin Y. B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Ancient Pottery. Theory and Methods of the Historical and Cultural Approach]. M.: IA RAN, 2012. 430 s.
8. Gutkov A.I. Tehniko-tehnologicheskij analiz keramiki poseleniya Ust'e I [Technical and Technological Analysis of Pottery from the Settlement Ustye I] // *Drevnee Ust'e: Ukrepennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e*. Chelyabinsk: Abris, 2013. S. 179–184.
9. Ilyushina V.V., Alaeva I.P., Vinogradov N.B. Keramicheskij kompleks mogil'nika bronzovogo veka Kulevchi VI: tipologiya i tehniko-tehnologicheskij analiz [Ceramic Complex of the Bronze Age Burial Ground Kulevchi VI: Typology and Technical and Technological Analysis] // *Vestnik arheologii, antropologii i e'tnografii*. 2020. № 3 (50). S. 35–47.
10. Grigor'ev S.A., Salugina N.P. Petrovskaya i alakul'skaya keramika poseleniya Mochishhe v Yuzhnom Zaural'e [Petrovka and Alakul Ceramics of the Mochishche Settlement in the South Trans-Urals] // *Rossiyskaya arheologiya*. 2020. № 2. S. 45–59.
11. Dubovceva E.N., Kiseleva D.V., Panteleeva S.E. Tehnologicheskoe issledovanie keramiki sintashtinskogo tipa iz poseleniya Kamennyj Ambar [Technological Study of Ceramics of the Sintashta Type from the Settlement Kamennyj Ambar] // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2016. № 4 (53). S. 99–110.
12. Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaragansky Burial Ground) [Arkaim: Necropolis (Based on the Materials of Mound 25 of the Bolshekaragansky Burial Ground)] / G.B. Zdanovich i dr. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. 214 s.
13. Stefanov V.I., Korochkova O.N. Urefty I: zaural'skij mogil'nik v andronovskom kontekste [Urefty I: Trans-Ural Burial Ground in the Andronovo Context]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 160 s.
14. Alaeva I.P. Sosudy dlya pogrebal'nogo pira v zahoronenyah bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [Vessels for a Funeral Feast in the Burials of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals] // *Veshh' v kontekste pogrebal'nogo obryada: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M.: RGGU, 2020. S. 54–61.
15. Epimahov A.V., Epimahova M.G. O funkcional'nosti i nefunkcional'nosti pogrebal'noj posudy [On the Functionality and Non-Functionality of Burial Utensils] // *Drevnyaya keramika: problemy i perspektivy kompleksnogo podhoda: sbornik nauchnyh trudov*; red. D.G. Zdanovich. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 148 s.
16. Pogrebal'naya posuda i pishhevye strategii v drevnosti [Funerary Ware and Dietary Strategies in Antiquity] / E. A. Bulakova i dr. // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2021. № 4 (73). S. 60–70.
17. Bobrinskij A.A., Cetlin Y.B., Gej I.A. Nekotorye dannye o tehnike i tehnologii kuro-arakskih Goncharov (po materialam poseleniya Novo-Gapchah v Dagestane) [Some Data on the Technique and Technology of the Kuro-Arak Potters (Based on the Materials of the Novo-Gaptsakh Settlement in Dagestan)] // *Rossiyskaya arheologiya*. 2011. № 4. S. 15–28.
18. Kostyukov V.P., Epimahov A.V. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya mogil'nika e'pohi bronzy Troick-7 [Preliminary Results of the Study of the Burial Ground of the Bronze Age Troitsk-7] // *120 let arheologii vostochnogo sklona Urala. Pervye chteniya pamyati Vladimira Fedorovicha Geninga. Ch. 2. Novejshie otkrytiya ural'skih arheologov*. Ekaterinburg: UrGU, 1999. S. 66–70.
19. Krause R., Epimahov A.V., Kupriyanova E.V., Novikov I.K., Stolarczyk E. The Petrovka Bronze Age Sites: Issues in Taxonomy and Chronology // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2019. № 1 (47). P. 54–63.
20. Kraeva L.A. Bytovoie i sakral'noe ispol'zovanie keramiki u sarmatov Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazahstana [Household and Sacred Use of Ceramics among the Sarmatians of the Southern Urals and Western Kazakhstan] // *Samarskij nauchnyj vestnik*. 2015. № 3 (12). S. 90–100.
21. Gutkov A.I. O tradicii remonta glinyanoy posudy [On the Tradition of Repairing Pottery] // *Arheologicheskij istochnik i modelirovanie drevnih tehnologij: trudy muzeya-zapovednika Arkaim*. Chelyabinsk: Arkaim: In-t istorii i arheologii UO RAN, 2000. S. 170–186.

22. Kostyukov V.P. Otchet o spasatel'nyh raskopkah mogil'nika Troick-7 v Chelyabinskoj oblasti v 1995 godu [Report on Rescue Excavations at the Troitsk-7 Burial Ground in the Chelyabinsk Region in 1995]. Chelyabinsk, 1996. 60 s.

Egor O. Vasyuchkov – Laboratory Assistant of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: platonmnedrugnavernoe@gmail.com

Received November 23, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Васючков, Е. О. Объем как критерий функционального назначения сосудов бронзового века (по материалам могильника Троицк-7) / Е. О. Васючков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 14–21. DOI: 10.14529/ssh230102

FOR CITATION

Vasyuchkov E. O. The Volume of Ceramic Vessels – Criterion for their Purpose (Based on the Materials of the Burial Ground Troitsk-7). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 14–21. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230102

ПРЕДПРИЯТИЕ И ГОРОД В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1950–1980-х ГОДОВ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

О. Ю. Никонова^{1,2}

¹Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье охарактеризована актуальная историография проблемы взаимоотношений города и предприятия в позднесоветском обществе. Целью является анализ степени изученности проблемы, имеющей междисциплинарный характер, задачами – выявление основных историографических полей, в которых нашел отражение объект изучения, характеристика методологической основы исследований, привлеченных источников, полученных выводов. В фокусе внимания оказались российская и зарубежная историография, такие направления как: история бизнеса, историческая урбанистика, социальная история и ее субдисциплины – «новая рабочая история» и история повседневности. Основными методами выступили классификация и сравнение, внимание нацелено не только на эмпирические исследования и кейс-стади, но и на основные дискуссионные и теоретические проблемы историографии. Анализ историографии предшествует общий тезис о необходимости рассматривать взаимоотношения предприятия и города как систему «город – предприятие – человек», в которой основными акторами выступают государство, организации, субъекты, погруженные в институциональную среду. В статье сделаны выводы о том, что позднесоветское общество является наименее изученным периодом при рассмотрении проблемы взаимоотношений города и предприятия. Выбор обозначенной оптики его изучения позволит внести существенный вклад в решение вопроса о специфике феномена «советского», реконструкцию истории советского общества одновременно на нескольких уровнях – в области социально-экономических отношений, городской повседневности и культуры, политико-идеологической сферы.

Ключевые слова: позднесоветское общество, историография, взаимодействие предприятия и города.

Введение

Тесная взаимосвязь города с экономикой является аксиомой исторической урбанистики. Процессы модернизации традиционно сопровождалась урбанизацией, ростом числа городов и городского населения [1]. В обществах индустриального типа процент городов и городских агломераций, формирование и развитие которых было тесно связано с промышленными предприятиями, доминирует над городами других типов, процветание которых было основано на торговле, туризме или иных факторах. Индустриальные города, такие как Манчестер или Детройт, Лодзь или Магнитогорск, являются не только экономическими фактами и примерами промышленной урбанизации, но и яркими культурными образами.

В исторических исследованиях взаимосвязь города и предприятия нашла отражение в нескольких крупных историографических ландшафтах. Целью данной статьи является анализ степени изученности междисциплинарного объекта исторических исследований – взаимодействия предприятия и города в современной историографии. Составными элементами анализа является выявление основных историографических полей, в которых нашел отражение объект изучения, характеристика методологической основы исследований, привлеченных источников, полученных выводов.

Обзор литературы

Предложенный анализ является первой комплексной попыткой обобщения накопленных знаний по теме применительно к позднесоветскому обществу.

Методы исследования

Основными методами анализа являются классификация и сравнение. С помощью первого определяется историографическое направление (поле) и его особенности, с помощью второго определяются общее и особенное в методах и выводах различных научных дискурсов.

Результаты и дискуссия

Взаимодействие предприятия и города является существенной частью одной из магистральных тем современной business history – исторической субдисциплины, которая эмансипировалась от «материнской» экономической истории в конце 1930-х гг. и некоторое время развивалась в изоляции [2, р. 11–30]. В 1960–70-е гг. история бизнеса стала преодолевать свой обособленный статус благодаря смене приоритетов – росту интереса к изучению предприятия не только в широком экономическом, но и в социально-политическом контексте. На теоретическом уровне это проявилось в соединении социологической и экономической методологии для изучения предприятий и бизнес-процессов. В 2000 г. маркером парадигмального поворота стала смена названия одного из ведущих американских научных журналов данного направления «Business and Economic History» («История бизнеса и экономическая история») на «Enterprise and Society» («Предприятие и общество»). У. Лазоник характеризует новые теоретические подходы в бизнес-истории как «historical-transformation methodology» и отмечает: «I argue that the innovative enterprise is a social organization that is central

to the processes of change that results in economic development and that, as a social organization, its investment strategy, organizational structure, and productive capabilities reflect to some extent the institutional environment in which it operates»¹ [3, p. 33]. Для нашего анализа важна дефиниция предприятия как социальной организации и его связи с институциональной средой, в которой предприятие «оперирует».

В СССР результатом специфики советской индустриализации стало превращение предприятия в важнейший системообразующий элемент города. В случае с моногородами или крупными индустриальными центрами городское пространство и инфраструктура превращались в своеобразный «придаток» завода [4–5]. Градостроительные аспекты индустриализации не имели самостоятельного значения, обеспечивая индустриальный рынок любой ценой. При всем своеобразии советской цивилизации, подобное явление нельзя считать уникальным. Важным сегментом зарубежной исторической урбанистики стало направление, изучающее города, принадлежавшие корпорациям – так называемые «Company Towns» [6–10 и др.; аннот. библиогр. см.: 11; 12, p. 7–11; 13, p. 1–40]. Основными проблемами, вокруг которых выстраиваются исторические кейсы, являются специфические особенности корпоративных городов – пространственные, социальные, гендерные. В историографии 2000-х гг. географический акцент зарубежных исследований, сделанный на Северной Америке и промышленных городах периода индустриализации в Европе XIX в., сместился на изучение транснациональных аспектов данной темы [13, p. 4]. Для работ, сфокусированных на изучении корпоративных городов в капиталистических обществах, важными были их базовые характеристики – автономность данных видов поселений, их независимость от муниципалитетов, государства. Именно корпорация обеспечивала жителей города (которые одновременно были рабочей силой предприятия) жильем и всем необходимым. Исследователи отмечали причины появления корпоративных городов – политика предпринимателей, обусловленная как объективными факторами (например, близостью к источникам сырья), так и субъективными – пониманием необходимости патерналистских мер, обеспечивающих производство стабильной рабочей силой, нацеленная на повышение производительности труда работников. В современной историографии объектом изучения стали не только частнокапиталистические предприятия, основавшие города, но и государственные.

¹ Я утверждаю, что инновативное предприятие – это социальная организация, которая является главной в процессе изменений, приводящем к экономическому развитию, и оно, как социальная организация, его инвестиционная стратегия, организационная структура и производственные возможности в некоторой степени отражают институциональное окружение, в котором оно оперирует (перевод автора).

Это стимулировало также интерес к советскому и китайскому опыту [13, p. 62, прим. 6].

Будет не совсем правильно представлять взаимодействие предприятия и города в виде двухчастной формулы. Скорее его можно охарактеризовать как систему «город – предприятие – человек», элементами которой являются организации и акторы, погруженные в институциональную среду. Важнейшие акторы – государство, работодатели и работники. Институциональную среду, среди прочего, формируют социальные отношения с их конфликтами и контрактами, представления о социальном порядке и формах его организации, социальная политика и повседневные практики.

Для описания и интерпретации социально-производственных отношений и идеологии взаимодействия работодателей и работников в зарубежной историографии широко используется концепция «промышленного патернализма», которая разрабатывалась в европейских трудах по социальной истории и во французской школе истории предпринимательства в диалоге с идеями американского историка бизнеса Альфреда Д. Чандлера-мл. [14; 15, с. 149]. Французские исследователи использовали концепцию патернализма для описания трудовых отношений в условиях индустриализации [15, с. 152].

Советская историография 1960–80-х гг., развивавшаяся в условиях марксистско-ленинской методологической парадигмы, интерпретировала взаимоотношения между промышленниками и работниками в категориях эксплуатации и классовой борьбы. Сюжеты социального патернализма промышленников, обеспечения и стимулирования работников предприятий находились на периферии научного интереса, вытесненные проблемами стачечного и революционного движения рабочих. И все же в работах советских исследователей по истории рабочего класса периода империализма и социально-экономической истории российского капитализма нашли отражение вопросы формирования фабрично-заводского законодательства, страхового законодательства и бытовых условий трудящихся [16–17]. При обсуждении темы многоукладности российского капитализма представители «нового направления» в исторической науке (И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский, В. В. Адамов) обсуждали особые формы взаимоотношений промышленников и работников на предприятиях. Указание на патерналистский тип отношений (без использования данной концепции) на промышленных предприятиях применительно к дореволюционному периоду можно найти у В. В. Адамова в его рассуждениях об «оригинальном строе» уральской промышленности [18, с. 225–256; 19, с. 9–10]. В 1990–2000-е гг. проблема взаимоотношений между промышленниками и работниками, сюжеты предпринимательской психологии, благотворительности, корпоративной этики нашли от-

ражение в трудах исследователей истории российского предпринимательства и дореволюционного трудового законодательства [19–23].

И зарубежная, и российская историография несоциалистических обществ учитывала в исторических построениях государство как «третью» силу, которая в различной степени влияла на взаимоотношения предпринимателей и работников. Для изучения функционирования системы «город – предприятие – человек» эти исследования имеют значение при реализации диахронического сравнительного анализа. В частности, они позволяют выделить практики и методы стимулирования и сохранения рабочей силы, характерные для предпринимателей / менеджеров предприятий в различные исторические эпохи, в том числе основанные на патерналистской идеологии. Поиск широких аналогий в сфере управления бизнесом / предприятием неизбежно приводит к работе с понятием «патернализм», его концептуализации и реконструкции исторических вариантов применения [15] и одновременно приглашает к обсуждению общих и специфических черт патернализма.

Применительно к советскому периоду проблема взаимодействия предприятия и города нашла свое отражение в трудах представителей двух этаблированных направлений исторической науки – исторической урбанистики и «новой рабочей истории» [24–27], а также в целом ряде исследований по социальной политике советского государства.

Наименее продуктивной пока выглядит ситуация в исторической урбанистике, где присутствуют интересные концепты и разработаны отдельные аспекты темы, но ощущается нехватка эмпирических исследований, сфокусированных на реконструкции взаимоотношений предприятий и городских институтов. В. Глазычев предложил для описания индустриальных трансформаций города термин «слободизация», подразумевая под ним появление промышленных сел и мощных фабричных окраинных слобод больших городов [28]. Наряду с целым рядом характеристик (например, отсутствием свободы, вытесненной «тотальной зависимостью от работодателя»), исследователь подчеркивал ярко выраженную автаркию слобод, внеположенность культурного производства слободскому пространству. В общих работах по советской урбанизации отмечается, что при ограниченности ресурсов главным условием модернизации экономики стали дешевизна промышленного и бытового строительства, своеобразная система организации социальной и производственной жизни, сутью которой была минимизация расходов на человека в городе путем жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве, социально-культурной сфере, городском транспорте. В условиях, когда город не сформировался как социальное пространство, обеспечивающее воспроизводство человека в повседневной жизни, эту функцию взял на себя завод

[4–5]. Даже облик советского города, по мысли планировщиков, должен был выглядеть как «город-комбинат» [29, с. 72]. В культурно-исторически ориентированной урбанистике есть попытки рефлексии культурных образов городов, являющихся проекциями репрезентаций промышленной или оборонной мощи [30–31]. С точки зрения обобщения эмпирического материала наиболее изученной является тема жилищной политики и жилищного строительства. В этом же сегменте сформулированы интересные концепции об использовании жилищной политики для управления людьми [32–33].

Темы социальных функций предприятий, конфликтных взаимоотношений руководства и работников, способов и форм мотивации труда применительно к довоенному периоду истории СССР артикулируются в трудах Д. Фильцера, Ст. Коткина, С. В. Журавлева, М. Ю. Мухина, Н. Б. Лебиной и др. [34–37]. Позднесоветское общество пока представлено единичными трудами, основанными на общесоюзном материале [38], по истории отдельных отраслей, предприятий или регионов [23; 39–40], или в рамках кейс-стади [41–43]. Социальная ответственность советских предприятий в упомянутой историографии рассматривается в дискуссии с советской концепцией «заботы» коммунистической партии об улучшении материально-бытовых условий жизни. Современные исследователи подчеркивают негативные аспекты социальных программ – формирование прочной, «кабальной» связи работника с предприятием, выработка чувства зависимости и инфантильности у советского человека [44]. Тем самым исследователи советского общества включаются в обсуждение теоретических проблем «индустриального патернализма» – его взаимосвязи с ограничением свободы и автономии субъекта [45–46], а также размышляют о сути советских корпораций и корпоративизма, открывающейся при отказе от марксистских категорий анализа [47].

Советским промышленным предприятиям уделено значительное внимание в историографии социальной политики в СССР [48–50]. Исследователи отмечают, что важная особенность политики «...состояла в ее прочной экономической связи с так называемыми градообразующими предприятиями крупных индустриальных центров» [51, с. 21]. Анализ всеохватного характера социальной политики за счет использования предприятия в качестве ее проводника и инструмента позволил Г. М. Ивановой применить к позднесоветскому обществу концепт «государства всеобщего благосостояния» [52]. При этом период «позднего социализма», за исключением нескольких работ, остается наименее изученным [53].

Выводы

В советском обществе завод представлял собой не просто производственную организацию. Предприятие было одновременно системным, функционально широким и достаточно автоном-

ным институтом социальной жизни, благодаря которому советские люди могли реализовать свои ключевые потребности в социальной, политической, культурной и духовной сферах. Современные исследователи ищут причины эволюции завода в социальный организм в сложном переплетении длительной социокультурной традиции с большевистским модернизмом, в котором важное место занимали европейские и американские идеи организации производственной и социальной жизни (Оуэн, Форд и др.). Заложенная в годы индустриализации модель организации социально-производственной жизни оказалась чрезвычайно устойчивой, пережила политические и экономические кризисы и продолжила свое существование во второй половине XX века. Как отмечают исследователи, «...предприятия играли значительную роль в жизни советских городов, трудно было найти такую сферу жизни города, которая не была бы связана с промышленностью» [54, с. 168]. Начиная с эпохи Н. С. Хрущева, советская экономика стала более социально ориентированной, что позволило ученым говорить о формировании «социалистического государства благосостояния» [52, с. 13]. Возрастание роли государства, однако, не привело к сужению социальных функций заводов и фабрик. Напротив, предприятия использовались как устоявшийся и эффективный институт оказания социальной помощи. Как показывает анализ историографии, рассмотрение советского общества через призму взаимодействия предприятия и города позволяет произвести «срез» истории советского общества одновременно на нескольких уровнях – в области социально-экономических отношений, городской повседневности и культуры, политико-идеологической сферы. Новым словом в историографии может стать детальная реконструкция повседневных практик адаптации и приспособления, а также выявление формировавших идентичность элементов взаимоотношений «предприятия–город», релевантных для понимания феномена «советского».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20168, «Предприятие и город в позднесоветском обществе 1950–1980-х годов: институты, акторы и практики взаимодействия (на материалах Челябинской области)».

Литература

1. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.
2. Galambos, L. Identity and the Boundaries of Business History: An Essay on Consensus and Creativity / L. Galambos // *Business History around the World* ; eds. F. Amatori, G. Jones. – Cambridge University Press, 2003. – 425 p.
3. Lazonick, W. Understanding Innovative Enterprise. Toward the Integration of Economic Theory and Business History / W. Lazonick // *Business History around the World* ; eds. F. Amatori, G. Jones. – Cambridge University Press, 2003. – 425 p.
4. Пивоваров, Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность / Ю. Л. Пивоваров // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 6. – С. 101–113.
5. Сенявский, А. С. Советская модель индустриальной модернизации: историко-теоретические проблемы / А. С. Сенявский // *Уральский исторический вестник*. – 2010. – № 3 (28). – С. 64–73.
6. Porteous, J. D. The Nature of the Company Town / J. D. Porteous // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 1970. – № 51. – P. 127–142.
7. Garner, J. S. The Model Company Town: Urban Design through Private Enterprise in Nineteenth-Century New England / J. S. Garner. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1984. – 288 p.
8. Candee, R. M. New Towns of the Early New England Textile Industry / R. M. Candee // *Perspectives in Vernacular Architecture*. – 1982. – № 1. – P. 31–50.
9. Prude, J. The Coming of Industrial Order: Town and Factory Life in Rural Massachusetts, 1810–1860 / J. Prude. – New York : Cambridge University Press, 1983. – 364 p.
10. Carlton, D. Mill and Town in South Carolina, 1880–1920 / D. Carlton. – Baton Rouge, LA : Louisiana State University Press, 1982. – 328 p.
11. Porteous, J. D. The Single-Enterprise Community in North America: a bibliography / J. D. Porteous // *Council of Planning Librarians. Exchange bibliography*. – 1971. – 18 p.
12. Knight, R. Work Camps and Company Towns in Canada and the United States : an Annotated Bibliography / R. Knight. – Vancouver : New Star Books, 1975. – 80 p.
13. Borges, M. J. Company Towns: Concepts, Historiography, and Approaches / M. J. Borges, S. B. Torres // *Company Towns. Labor, Space, and Power Relations across Time and Continents* ; ed. M. J. Borges, S. B. Torres. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – 276 p.
14. Le patronat de la seconde industrialisation, études rassemblées par M. Lévy-Leboyer. – Paris : Editions Ouvrières, 1979. – 320 p.
15. Лефевр, С. Социальная роль предприятий в России: случай патернализма? / С. Лефевр // *Мир России*. – 2008. – № 3. – С. 149–170.
16. Кирьянов, Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.) / Ю. И. Кирьянов. – М. : Наука, 1979. – 287 с.
17. Куприянова, Л. В. Российские предприниматели и проблемы социального страхования. 1880–1905 годы / Л. В. Куприянова // *Отечественная история*. – 1996. – № 5. – С. 50–65.
18. Адамов, В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала / В. В. Адамов // Во-

просы истории капиталистической России: (Проблемы многоукладности); ред. коллегия: В. В. Адамов (отв. ред.) и др. – Свердловск, 1972. – 376 с.

19. Друзин, М. В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Друзин. – СПб., 2013. – 30 с.

20. Поткина, И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917 / И. В. Поткина. – М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. – 383 с.

21. Володин, А. Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. / А. Ю. Володин. – М.: РОССПЭН, 2009. – 207 с.

22. Куликов, В. А. Корпоративный порядок и общество в заводских и рудничных посёлках Юга Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. / В. А. Куликов // *Tractus Aevorum*. – 2018. – № 5 (1). – С. 76–90.

23. Праця, виснаження та успіх: промислові мономіста Донбасу / М. Гльченко, К. Кузіна, В. Куліков [и др.]; за ред. В. Кулікова й І. Склякної. – Львів: Шумилович Б., 2018. – 243 с.

24. Социальная история: ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2004. – 459 с.

25. Соколов, А. К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях / А. К. Соколов // Труды Института российской истории. Вып. 9; отв. ред. А. Н. Сахаров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. – М.; Тула, 2010. – С. 174–224.

26. Ван дер Линден, М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения / М. ван дер Линден // Социальная история: ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 206–216.

27. Камынин, В. Д. Проблема мотивации труда в промышленности СССР в 20–30-е гг. XX столетия в современной историографии / В. Д. Камынин // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: АМБ, 2007. – Т. 1. – С. 51–55.

28. Глазычев, В. Слободизация страны Гардарики / В. Глазычев. – URL: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (дата обращения: 15.11.2022).

29. Коньшева, Е. В. Советское градостроительное проектирование середины 1930-х гг.: на переломе эпох / Е. В. Коньшева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 30 (247). – С. 71–77.

30. Бугров, К. Д. Рабочий или интеллигентский? Основные социально-культурные модели развития советского Свердловска 1930–1980-х гг. / К. Д. Бугров // Муниципалитет: экономика и управление. – 2021. – № 4. – С. 64–77.

31. Бугров, К. Д. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев, Л. В. Маштакова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. – 302 с.

32. Бессонова, О. Э. Жилье: рынок и раздача /

О. Э. Бессонова; отв. ред. Т. И. Заславская. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. – 158 с.

33. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937 / М. Г. Меерович. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 300 с.

34. Filtzer, D. A. The hazards of urban life in late Stalinist Russia: health, hygiene, and living standards, 1943–1953 / D. Filtzer. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 379 p.

35. Kotkin, St. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization / St. Kotkin. – Berkeley: University of California Press, 1995. – 639 p.

36. Журавлев, С. В. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. / С. В. Журавлева, М. Ю. Мухин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 238 с.

37. Лебина, Н. Б. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы / Н. Б. Лебина // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность; под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – М.: ЦСПГН: Вариант, 2007. – С. 21–67.

38. Лебский, М. А. Рабочий класс СССР. Жизнь в условиях промышленного патернализма / М. Лебский. – М.: Горизонталь, 2021. – 247 с.

39. Славкина, М. В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е гг. / М. В. Славкина. – М.: Наука, 2002. – 220 с.

40. Сигельбаум, Л. Машины для товарищей: биография советского автомобиля / Л. Сигельбаум; пер. с англ. М. И. Лейко. – М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина: РОССПЭН, 2011. – 428 с.

41. Пискунов, М. Микрополитика позднесоветского завода: общее «своеволие» и борьба за дисциплину труда (случай выборгского целлюлозно-бумажного завода 1982–1985 годы) / М. Пискунов // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – № 15 (2). – С. 217–234.

42. Копылов, Н. К. Опыт реализации социальной политики государства на промышленных предприятиях Курской области в 1960–1980-е годы / Н. К. Копылов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 5. – С. 218–226.

43. Власов, С. А. Развитие бытового обслуживания в Приморском крае в контексте советской социально-экономической политики (1960–1980-е гг.) / С. А. Власов // Историко-экономические исследования. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 132–149.

44. Кудюкин, П. Производственная квазиобщина как центр жизненного мира / П. Кудюкин // СССР. Жизнь после смерти; под ред. И. Глущенко, Б. Кагарлицкого, В. Куренного. – М.: Изд. дом Вышш. шк. экономики, 2012. – С. 44–54.

45. Claeys, G. Mill and paternalism / G. Claeys, R. Holloway. – University of London. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 255 p.

46. Paternalism: theory and practice / edited by

Christian Coons and Michael Weber. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 283 p.

47. Ореховский, П. А. Советские корпорации: «прокляты и забыты»? (границы современного авторитетного экономического дискурса) / П. А. Ореховский // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 3. – С. 7–31.

48. Даньшина, В. В. Социальная ответственность промышленных предприятий в СССР / В. В. Даньшина, В. В. Соловьева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 67–74.

49. Шахбанов, А. М. Механизм реализации социальной политики Советского государства в 70-е годы XX века / А. М. Шахбанов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 4 (18). – С. 197–200.

50. Лукьяненко, В. В. Социальная политика в СССР в 60–80-е гг. XX в. / В. В. Лукьяненко // Проблемы современного российского законодательства.

Ч. 1. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, 2012. – С. 25–29.

51. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Е. Ярская-Смирнова и др. ; под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М. : Вариант, 2008. – 373 с.

52. Иванова, Г. М. На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов) / Г. М. Иванова. – М. : Ин-т российской истории, 2011. – 282 с.

53. Здравомыслов, А. Г. Человек и его работа в СССР и после : учебное пособие для вузов по специальности «Социология» / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект-пресс, 2003. – 484 с.

54. Кабалина, В. И. Предприятие – Город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ / В. И. Кабалина, Т. Ю. Сидорина // Мир России: Социология, этнология. – 1999. – Т. 8, № 1–2. – С. 167–198.

Никонова Ольга Юрьевна – доктор исторических наук, участник проекта «Предприятие и город в позднесоветском обществе 1950–1980-х годов: институты, акторы и практики взаимодействия (на материалах Челябинской области)» (грант РНФ № 22-28-20168, <https://rscf.ru/project/22-28-20168/>), Челябинский государственный университет; доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: olga-nikonova@yandex.ru. ORCID 0000-0002-0100-6581

Поступила в редакцию 12 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230103

ENTERPRISE AND CITY IN LATE SOVIET SOCIETY, 1950s–1980s: MODERN HISTORIOGRAPHY

O. Y. Nikonova^{1,2}

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article describes the actual historiography of the problem of relations between city and enterprise in late Soviet society. The aim is to analyze the degree of study of the problem which is interdisciplinary in nature. The objectives are to identify the main historiographical fields in which the object of study is reflected, characterize the methodological basis of research, the sources involved, and the conclusions obtained. Russian and foreign historiography formed the focus of attention. The areas included: the history of business, historical urbanism, social history and its subdisciplines – «new working history» and the history of everyday life. The main methods were classification and comparison. Attention was focused not only on empirical research and case studies, but also on the main debatable and theoretical problems of historiography. Analysis of historiography is preceded by the general thesis on the need to consider the relationship between enterprise and city as a system «city – enterprise – person», in which the main actors are the state, organizations, subjects, all of whom are immersed in the institutional environment. The article concludes that late Soviet society is the least studied period when considering the problem of relations between the city and the enterprise. The choice of the designated optics of such a study will allow for a significant contribution to answering the question of the specificity of the phenomenon of what is perceived as «Soviet», as well as the reconstruction of the history of Soviet society simultaneously at several levels: in the sphere of socio-economic relations, urban everyday life and culture, as well as the political and ideological sphere.

Keywords: late Soviet society, historiography, interaction of the enterprise and the city.

References

1. Poberezhnikov I.V. Perekhod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii. [The Transition from Traditional to Industrial Society: Theoretical and Methodological Problems of Modernisation]. M.: ROSSPEN, 2006. 240 s.
2. Galambos L. Identity and the Boundaries of Business History: An Essay on Consensus and Creativity // *Business History around the World*; eds. F. Amatori, G. Jones. Cambridge University Press, 2003. 425 p.
3. Lazonick W. Understanding Innovative Enterprise. Toward the Integration of Economic Theory and Business History // *Business History around the World*; eds. F. Amatori, G. Jones. Cambridge University Press, 2003. 425 p.
4. Pivovarov Y.L. Urbanizaciya Rossii v XX veke: predstavleniya i real'nost' [Urbanisation of Russia in the Twentieth Century: Perceptions and Reality] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. № 6. S. 101–113.
5. Senyavskij A.S. Sovetskaya model' industrial'noj modernizacii: istoriko-teoreticheskie problem [The Soviet Model of Industrial Modernisation: Historical and Theoretical Problems] // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2010. № 3 (28). S. 64–73.
6. Porteous J.D. The Nature of the Company Town // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1970. № 51. P. 127–142.
7. Garner J.S. The Model Company Town: Urban Design through Private Enterprise in Nineteenth-Century New England. Amherst: University of Massachusetts Press, 1984. 288 p.
8. Candee R.M. New Towns of the Early New England Textile Industry // *Perspectives in Vernacular Architecture*. 1982. № 1. P. 31–50.
9. Prude J. The Coming of Industrial Order: Town and Factory Life in Rural Massachusetts, 1810–1860. New York: Cambridge University Press, 1983. 364 p.
10. Carlton D. Mill and Town in South Carolina, 1880–1920. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1982. 328 p.
11. Porteous J.D. The Single-Enterprise Community in North America: a bibliography // Council of Planning Librarians. Exchange bibliography. 1971. 18 p.
12. Knight R. Work Camps and Company Towns in Canada and the United States: an Annotated Bibliography. Vancouver: New Star Books, 1975. 80 p.
13. Borges M.J., Torres S.B. Company Towns: Concepts, Historiography, and Approaches // *Company Towns. Labor, Space, and Power Relations across Time and Continents*; ed. M.J. Borges, S.B. Torres. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 276 p.
14. Le patronat de la seconde industrialisation, étudesrassemblés par M. Lèvy-Leboyer. Paris: Editions Ouvrières, 1979. 320 p.
15. Lefevr S. Social'naja rol' predpriyatij v Rossii: sluchaj paternalizma? [The Social Role of Enterprises in Russia: a Case of Paternalism?] // *Mir Rossii*. 2008. № 3. S. 149–170.
16. Kir'yanov Y.I. Zhiznennyj uroven' rabochih Rossii (konec XIX – nachalo XX v.) [Living Standards of Workers in Russia (Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries)]. M.: Nauka, 1979. 287 s.
17. Kupriyanova L.V. Rossijskie predprinimateli i problemy social'nogo strahovaniya. 1880 – 1905 gody. [Russian Entrepreneurs and the Problems of Social Insurance. 1880–1905] // *Otechestvennaya istoriya*. 1996. № 5.
18. Adamov V.V. Ob original'nom stroe i nekotoryh osobennostjakh razvitija gornozavodskoj promyshlennosti Urala [On the Original Structure and Certain Features of the Development of the Mining Industry in the Urals] // *Voprosy istorii kapitalisticheskoy Rossii: (Problemy mnogoukladnosti)*; red. kollegija: V.V. Adamov (otv. red.) i dr. Sverdlovsk, 1972. 376 s.
19. Druzin M.V. Ural'skie gornozavodchiki i vlast' v konce XIX – nachale XX veka. [Ural Mining Producers and Power in the late 19th and early 20th centuries]; avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. SPb., 2013. 30 s.
20. Potkina I.V. Na Olimpe delovogo uspeha: Nikol'skaja manufaktura Morozovyh, 1797–1917 [On the Olympus of Business Success: the Morozovs' Nikolskaya Manufactory, 1797–1917]. M.: Izd-vo Glavarhiva Moskv, 2004. 383 s.
21. Volodin A.J. Istorija fabrichnoj inspekcii v Rossii 1882–1914 gg. [History of the Factory Inspectorate in Russia, 1882–1914.]. M.: ROSSPEN, 2009. 207 s.
22. Kulikov V.A. Korporativnyj porjadok i obshchestvo v zavodskih i rudnichnyh posyolkah Yuga Rossijskoj imperii v poslednej treti XIX – nachale XIX v. [Corporate Order and Society in the Factory and Mine Settlements of the South of the Russian Empire in the Last Third of the 19th and Early 20th Centuries] // *Tractus Aevorum*. 2018. № 5 (1). S. 76–90.
23. Pracja, visnazhennja ta uspih: promislovi monomista Donbasu [Labour, Exhaustion and Success: Industrial Monotowns of Donbas] / M. Il'chenko, K. Kuzina, V. Kulikov [i dr.]; za red. V. Kulikova i J. Sklokinoi. L'viv: Shumilovich B., 2018. 243 s.
24. Social'naja istorija: ezhegodnik [Social History: Yearbook]. M.: ROSSPEN, 2004. 459 s.
25. Sokolov A.K. Problemy motivacii truda na sovetskih predpriyatijah [Problems of Work Motivation in Soviet Enterprises] // *Trudy Instituta rossijskoj istorii*. Vyp. 9; otv. red. A.N. Saharov. M.: Tula, 2010. S. 174–224.

26. Van der Linden M. Motivacija truda v rossijskoj promyshlennosti: nekotorye predvaritel'nye suzhdenija [Work Motivation in Russian Industry: Some Preliminary Judgments] // *Social'naja istorija: ezhegodnik*. M.: ROSSPJeN, 2000. S. 206–216.

27. Kamynin V.D. Problema motivacii truda v promyshlennosti SSSR v 20–30-e gg. XX stoletija v sovremennoj istoriografii [The Problem of Labour Motivation in Soviet Industry in the Twenties and Thirties in Modern Historiography] // *Ural industrial'nyj*. Bakuninskie chtenija. Ekaterinburg: AMB, 2007. T. 1. S. 51–55.

28. Glazychev V. Slobodizacija strany Gardariki [Slobodisation of the Country of Gardarica]. URL: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm>.

29. Konyshcheva E.V. Sovetskoe gradostroitel'noe proektirovanie serediny 1930-h gg.: na perelome jepoh [Soviet Urban Planning in the Mid-1930s: At the Turn of an Era] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2011. № 30 (247). S. 71–77.

30. Bugrov K.D. Rabochij ili intelligentskij? Osnovnye social'no-kul'turnye modeli razvitiya sovetskogo Sverdlovskaja 1930–1980-h gg. [Workers or Intellectuals? The Main Socio-Cultural Patterns of Development in Soviet Sverdlovsk in the 1930s and 1980s.] // *Municipalitet: ekonomika i upravlenie*. 2021. № 4. S. 64–77.

31. Bugrov K.D., Kiselev M.A., Mashtakova L.V. Stanovlenie opornogo kraja. Industrial'nyj Ural v mobilizacionnoj kul'ture 1930–1940-h gg. [Formation of the Backbone Region. The Industrial Urals in the Mobilisation Culture of the 1930s and 1940s.]. Ekaterinburg, 2022. 302 s.

32. Bessonova O.J. Zhil'e: rynek i razdacha [Housing: Market and Distribution]; otv. red. T.I. Zaslavskaja. Novosibirsk, 1993. 158 s.

33. Filtzer D.A. The Hazards of Urban Life in late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. New York: Cambridge University Press, 2010. 379 p.

34. Kotkin St. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.

35. Meerovich M.G. Nakazanie zhilishhem: zhilishhnaja politika v SSSR kak sredstvo upravlenija ljud'mi. 1917–1937 [The Punishment of Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Controlling People. 1917–1937]. M.: ROSSPEN, 2008. 300 s.

36. Zhuravlev S.V., Muhin M.J. «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivacija truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. [«The Fortress of Socialism»: Everyday Life and Work Motivation in the Soviet Enterprise, 1928–1938.]. M., 2004. 238 s.

37. Lebina N.B. Zabota i kontrol': social'naja politika v sovetskoj dejstvitel'nosti, 1917–1930-e gody [Care and Control: Social Policy in Soviet Reality, 1917–1930s] // *Sovetskaja social'naja politika 1920–1930-h godov: ideologija i povsednevnost'*; pod red. P.V. Romanova, E.R. Jarskoj-Smirnovoju. M., 2007. S. 21–67.

38. Lebskij M.A. Rabochij klass SSSR. Zhizn' v uslovijah promyshlennogo paternalizma [The Working Class in the USSR. Life under Conditions of Industrial Paternalism]. M.: Gorizonta', 2021. 247 s.

39. Slavkina M.V. Triumf i tragedija: Razvitie neftegazovogo kompleksa SSSR v 1960–1980-e g. [Triumph and Tragedy: The Development of the USSR Oil and Gas Complex in the 1960s and 1980s.]. M.: Nauka, 2002. 220 s.

40. Sigel'baum L. Mashiny dlja tovarishhej: biografija sovetskogo avtomobilja [Cars for Comrades: the Biography of the Soviet Car]; per. s angl. M.I. Lejko. M.: Prezidentskij centr B.N. El'cina: ROSSPEN, 2011. 428 s.

41. Piskunov M. Mikropolitika pozdnesovetskogo zavoda: obshhee «svoevolie» i bor'ba za disciplinu truda (sluchaj vyborgskogo celljulozno-bumazhnogo zavoda 1982–1985 gody) [Late Soviet Plant Micropolitics: General «Willfulness» and the Struggle for Labour Discipline (the Case of the Vyborg Pulp and Paper Plant 1982–1985)] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2017. № 15 (2). S. 217–234.

42. Kopylov N.K. Opyt realizacii social'noj politiki gosudarstva na promyshlennyh predpriyatijah Kurskoj oblasti v 1960–1980-e gody [Experience in Implementing the Social Policy of the State at Industrial Enterprises in Kursk Region in the 1960s and 1980s] // *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*. 2020. T. 10, № 5. S. 218–226.

43. Vlasov S.A. Razvitie bytovogo obsluzhivanija v Primorskom krae v kontekste sovetskoj social'no-jekonomicheskoj politiki (1960–1980-e gg.) [Development of Domestic Services in Primorsky Krai in the Context of Soviet Socio-Economic Policy (1960s–1980s)] // *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*. 2022. T. 23, № 1. S. 132–149.

44. Kudjukin P. Proizvodstvennaja kvaziobshhina kak centr zhiznennogo mira [Production Quasi-Community as the Centre of the Lifeworld] // *SSSR. Zhizn' posle smerti*; pod red. I. Glushhenko, B. Kagarl'ckogo, V. Kurenogo. M.: Izd. dom Vyssh. shk. jekonomiki, 2012. S. 44–54.

45. Claeys G., Holloway R. Mill and paternalism. University of London. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 255 p.

46. Paternalism: theory and practice / edited by C. Coons and M. Weber. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 283 p.

47. Orehovskij P.A. Sovetskie korporacii: «prokljaty i zabyty»? (granicy sovremennogo avtoritetnogo jekonomicheskogo diskursa) [Soviet Corporations: «Cursed and Forgotten»? (The Limits of Contemporary Authoritative Economic Discourse)] // *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. 2022. № 3. С. 7–31.
48. Dan'shina V.V., Solov'yova V.V., Social'naya otvetstvennost' promyshlennyh predpriyatij v SSSR [Social Responsibility of Industrial Enterprises in the USSR] // *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 2015. № 3. S. 67–74.
49. Shahbanov A.M. Mehanizm realizacii social'noj politiki Sovetskogo gosudarstva v 70-e gody XX ve-ka [Social Policy Implementation Mechanism of the Soviet State in the 1970s] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2012. № 4 (18). S. 197–200.
50. Luk'janenkova V.V. Social'naja politika v SSSR v 60–80-e gg. XX v. [Social Policy in the USSR in the 1960s and 1980s.] // *Problemy sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva*. Ch. 1. Irkutsk, 2012. S. 25–29.
51. Sovetskaja social'naja politika: sceny i dejstvujushhie lica, 1940–1985 [Soviet Social Policy: Scenes and Actors, 1940–1985] / E. Jarskaja-Smirnova i dr.; pod red. E.R. Jarskoj-Smirnoj, P.V. Romanova. M.: Variant, 2008. 373 s.
52. Ivanova G.M. Na poroge «gosudarstva vseobshhego blagosostojanija». Social'naja politika SSSR (seredina 1950-h — nachalo 1970-h godov) [On the Threshold of the «Welfare State». Soviet Social Policy (Mid-1950s to Early 1970s)]. M.: In-t rossijskoj istorii, 2011. 282 s.
53. Zdravomyslov A.G., Yadov. Chelovek i ego rabota v SSSR i posle [The Man and His Work in the USSR and After]. M.: Aspekt-press, 2003. 484 s.
54. Kabalina V.I., Sidorina T.J. Predpriatie – Gorod: transformacija social'noj infrastruktury v period reform [Enterprise-City: Transforming Social Infrastructure in a Period of Reform] // *Mir Rossii: Sociologija, jetnologija*. 1999. T. 8, № 1– 2. S. 167–198.

Olga Y. Nikonova – D. Sc. (History), Participant in the Project «Enterprise and City in Late Soviet Society in 1950–1980s: Institutions, Actors and Practices of Interaction (on materials of Chelyabinsk Oblast)» (grant RFF № 22-28-20168, <https://rscf.ru/project/22-28-20168/>), Chelyabinsk State University; Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Received December 12, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Никонова, О. Ю. Предприятие и город в поздне-советском обществе 1950–1980-х годов: современная историография / О. Ю. Никонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 22–30. DOI: 10.14529/ssh230103

FOR CITATION

Nikonova O. Y. Enterprise and City in Late Soviet Society, 1950s-1980s: Modern Historiography. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 22–30. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230103

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ «ГОРНОГО ПЕЙЗАЖА» В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

С. А. Жук, О. Н. Кузнецова

Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Российская Федерация

В статье актуализируется важный для истории изобразительного искусства России вопрос генезиса горного пейзажа в истории русской живописи. Актуальность этого вопроса также обусловлена крайне редкими научными публикациями по данной теме. Авторская концепция относительного этого вопроса связывает историю зарождения данного пейзажного жанра с XVIII – началом XIX века. Именно этот период является той точкой отсчета, когда зарождается искусство пейзажной живописи в России.

Именно в это время жанр горного пейзажа привлекает внимание русских художников, которые проходят обучение в Италии. Поэтому живопись итальянских и французских мастеров, работающих в стиле классицизма, заметно повлияла на формирование пейзажного жанра в работах русских художников, где горный пейзаж занимает особое место. Однако в истории искусства этой теме не уделяется достаточного внимания. Поэтому основная задача данной статьи заключается в том, чтобы представить краткий обзор процесса становления данного жанра в названный исторический период в России. В качестве исследуемого материала выступает творчество художников: С. Ф. Щедрина, Ф. Я. Алексеева, Ф. М. Матвеева, В. П. Петрова. Методологическая база исследования, наряду с общенаучными подходами и методами, представлена некоторыми методами и приемами герменевтической логики, которая является универсальной методологией для всего спектра наук гуманитарного цикла, что сообщает статье методологическую значимость. Публикация данной работы предполагает в дальнейшем цикл статей, посвященных пейзажной тематике в отечественной живописи.

Ключевые слова: горный пейзаж, живопись, изобразительное искусство, национальный пейзаж, художники.

Введение

Статья посвящена вопросу генезиса жанра горного пейзажа в изобразительном искусстве России XVIII – начала XIX века. Актуальность этого вопроса обусловлена крайне редкими научными публикациями по данной теме, в то время как именно рубеж XVIII–XIX веков является той точкой отсчета, когда зарождается искусство пейзажной живописи в России.

Жанр пейзажа всегда представлял интерес для художников всех направлений и стилей. Горный пейзаж в общем жанровом ряду всегда занимал особое место и эстетически соотносился с категорией возвышенного. Вершины гор, улетающие в небо, всегда сообщают зрителю состояние некоего «космизма», свойственного живописным полотнам русских художников. Достаточно вспомнить картины Н. Рериха с их символикой выражения запредельных основ мироздания, с их сияющим «звучанием» узнаваемой цветовой палитры, свойственной живописи этого художника.

Поэтому цель данной работы заключается в том, чтобы представить краткий обзор процесса становления данного жанра в названный исторический период в России. Для этого обратимся к персоналиям художников, которые внесли свою лепту в развитие жанра горного пейзажа в процес-

се творчества. То есть наша задача – проследить появление и развитие горного пейзажа (предмет исследования) в живописных работах российских художников XVIII – начала XIX века (объект исследования): С. Ф. Щедрина, Ф. Я. Алексеева, Ф. М. Матвеева, В. П. Петрова.

Обзор литературы

Прежде чем говорить о литературе, необходимо сделать небольшой экскурс в историю отечественного изобразительного искусства и отметить, что сюжеты ландшафтной живописи, написанные по установленным законам, условно появились еще в древнерусской иконописи. Пейзаж на иконах изображался условно и служил фоном для создания образа святых. Горы обычно изображались абстрактно в виде геометрических форм «лещадками» и «кремешками» [1]. Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что русские иконописцы уже имели опыт в написании гор.

Время в контексте истории определяет возникновение пейзажного жанра в России XVIII – начала XIX века. Так, по мнению Е. Варламовой, сентиментализм стал отправной точкой для развития пейзажа как самостоятельного жанра [2, с. 2].

Искусствоведами подмечено, что взлет и статичность в развитии пейзажа тесно связаны с развитием науки и техники.

Так, А. А. Федоров-Давыдов относит к гравюре петровских времен начало появления видового пейзажа в России [3, с. 13].

Декоративное направление в живописи послужило той силой, которая объединила цветовые и светотеневые качества в пейзаже. Методику преподавания пейзажной живописи в декоративном ключе продолжили трое итальянских художников: Перезинотти (1708–1778), Градици-отца (ум. 1770), Валериани (ум. 1762).

Под руководством этих мастеров «...воспитывалось много молодых русских художников. Они сохраняли в декоративной живописи иллюзорный перспективизм, столь развитый в Италии XVII века» [4, с. 19]. По данному разделу можно сделать выводы, отметив обобщающий характер работ упомянутых авторов, в которых пейзажный жанр рассматривается как таковой, не акцентируя внимание на горном пейзаже.

Методы исследования

Приступая к рассмотрению творчества художников с целью выявления истоков горного пейзажа в истории русской живописи, обозначим ту методологическую базу, специфика которой соответствует характеру исследуемого материала. История искусства предусматривает использование исторического подхода с использованием двух его основных методов: синхронного (исследуется горизонтальный срез истории искусства) и диахронного, который применяется при рассмотрении исторической «вертикали».

Сегодня в современной методологии передовые позиции принадлежат системному подходу. Ни одну научную проблему нельзя рассматривать в жесткой автономии, не связывая ее с целым спектром общественных, исторических, общенаучных явлений. Поэтому с целью воспроизведения целостной панорамы истории возникновения и формирования горного пейзажа в русской живописи в статье используется системный подход.

Традиционные, общенаучные методы анализа, синтеза, описания, сравнения, обобщения также используются в данной работе.

Кроме этого, специфика искусства требует специального методологического инструментария, в качестве которого здесь используются некоторые приемы герменевтической логики: «вживания», «вчувствования», а также приемы «интерпретации», «абстрагирования» и «идеализации».

Результаты и дискуссия

В этой части рассматривается конкретный материал, представленный работами художников, историей их создания с целью выявления истоков горного пейзажа в контексте истории русской живописи. Приступая к представлению персоналий мастеров и их творчества, в первую очередь нужно назвать имя русского художника Щедрина Семена Федоровича (1745–1804). Его творчество находилось в сопричастности жанров декоративного пей-

зажа XVIII века и академического пейзажа в духе классицизма. С. Щедрин немало времени посвятил педагогической деятельности, вел группу пейзажной живописи, и в связи с вышеизложенным можно предположить, что русский академический пейзаж начинается с его творческой и преподавательской работы. Изучая истоки русской пейзажной живописи и горного пейзажа, можно с уверенностью называть основоположником Щедрина Семена Федоровича [5, с. 187].

Так, в своем программном произведении «Полдень» (1778, ГРМ) художник обращается к жанру горного пейзажа, в котором трактует традиционную тему условного «ландшафта со скотиною» (рис. 1).

Рис. 1. Щедрин Семен Федорович «Полдень» 1778, холст, масло, 108x89 см. Государственный Русский музей
Fig. 1. Semyon Shchedrin «Noon» 1778, oil on canvas, 108x89 cm. State Russian Museum

На картине мы видим далекий горный пейзаж, в центре которого изображена небольшая роща. Деревья расположены так, что между стволами проходит небольшая дорожка, а сплетенные ветви кроны на светлом небе выглядят цельным, броским, единым пятном. Следующим планом является озеро, которое замыкается узкой полосой берега и невысокими горами. С правой стороны картины расположен разрушенный античный храм с мостиком и статуей.

На мостике изображены два осла с поклажей и погонщиком. Под деревьями расположился пастух со своим стадом. Здесь формируется как бы вторая пастораль, входом в которую служит ручей. Таким образом, композиция картины, центром которой выступает группа величавых деревьев, включает ближний, собственно сюжетный

план, и дальний план – изображения гор, нечеткие, светлые силуэты которых мы видим словно сквозь плотную, воздушную пелену. Прием «пейзаж в пейзаже» (открытый французским художником классицистом Клодом Лорреном) с центрированием декоративной группы деревьев придает композиции картины гармоническое единство.

Горный пейзаж также находит свое отражение в лучших произведениях художника академического пейзажа Ф. М. Матвеева. Как классицист, он преисполнен верности традициям этого стиля в своих картинах, а именно: цветовой «организации» художественного пространства картины [4, с. 21]. Если говорить обобщенно, то ближний план его картин обязательно коричневый (условно! земля), средний зелёный (зелёные кущи деревьев), дальний голубой (голубые небеса, морские просторы). Однако широкое тональное «интонирование» этих основных цветов значительно разнообразит традиционную для классицизма «трёхцветку». Кроме того, особенностью живописной манеры художника является и то, что, детально прописывая листья крон деревьев, он использует приём «подсвеченной» листвы, что создает эффект естественного освещения [3, с. 81].

С учетом отмеченных особенностей пейзажной живописи Ф. М. Матвеева его программной работой можно назвать картину «Вид на Лаго-Маджоре» (1808, ГРМ), на которой горы расположены на третьем плане, и их масса довольно значительна относительно переднего плана. Световоздушная перспектива сглаживает контуры гор, уводя их в глубину картины, но зритель видит точный рисунок горных массивов, что свидетельствует о том, что Ф. М. Матвеев писал с натуры, в условиях, где какие-то академические ограничения и предписания невольно могут быть опущены. При этом отметим то, что он по-прежнему учится мастерству живописи, копируя работы мастеров классического пейзажа Н. Пуссена и К. Лоррена, изучая их приёмы организации пространства, линейной, воздушной и цветовой перспективы, освещения, продолжая при этом свое настоящее обучение в «мастерской» немецкого пейзажиста Я.-Ф. Хаккерта [6]. Безусловно, европейская пейзажная живопись уже в XVIII – начале XIX века укоренилась на почве отечественного искусства, обогатившись впоследствии реалистичным подходом и особой эмоциональной окрашенностью, обусловленной спецификой русской ментальности.

Дальнейшим этапом развития горного пейзажа в творчестве Ф. М. Матвеева было отступление от приема «рядоположенного» сочетания отдельных видов в одной картине. Произошел переход к целостному, панорамному изображению, в котором композиционная повествовательность уводит

зрителя в глубину картины. Пространственные глубины открываются последовательно: от плана к плану. Поэтому для пейзажей Матвеева, как и для пейзажей других художников-классицистов, характерно использование такого приема, как «кулисное» обрамление левой и правой сторон картины раскидистыми кущами деревьев. Деревья-«кулисы» сразу концентрируют внимание зрителя на подробно выписанном первом плане и определяют вектор развития пространства в глубину картины [7].

Пейзажи Матвеева воспринимаются единой, целостной композицией, в которой отдельные мотивы подчиняются главной идее произведения. Таким образом, пейзаж у Матвеева окончательно приобретает видовой характер, при соблюдении общих требований классицизма.

Ярким примером такого пейзажа у Ф. М. Матвеева является «Вид в Сицилии. Горы» (1811) (рис. 2).

Рис. 2. Матвеев Федор Михайлович «Вид в Сицилии. Горы» 1811, холст, масло, 108x159 см.

Государственная Третьяковская галерея
Fig. 2. Fyodor Matveyev «A view in Sicily. Mountains» 1811, oil on canvas, 108x159 cm. The State Tretyakov Gallery

При этом следует отметить очень точный, детализированный рисунок; не плоскостное, силуэтное изображение гор, но вполне убедительный, объемный вид горной гряды; использование «твёрдого», насыщенного колорита, что делает картину более гармоничной и живой. Авторское, самобытное исполнение и профессиональное мастерство Ф. М. Матвеева, несомненно, является новым явлением в пейзажной живописи рассматриваемого периода.

Во второй половине XVIII века в России наблюдается очередной подъем в искусстве

и культуре в целом. В пейзаже намечаются пока еще робкие реалистические черты, художники в своем творчестве обращаются к родному русскому пейзажу. Сюжеты и мотивы российских деревень, городов, лесов и рек становятся главной темой живописных произведений.

Указанная черта очень характерна для творчества Алексея Федора Яковлевича (1753–1824). Творчество Алексея не ограничиваетсяписанием городских пейзажей, он много работает непосредственно с натуры над живописным горным пейзажем, будучи художником при Екатерине II в путешествии по Крыму. Свободный, непосредственный взгляд на мир, зарождение романтического восприятия природы способствовали появлению такого пейзажа, в котором художнику удалось запечатлеть все обаяние естественной, неприхотливой жизни природы, показать ее связь с человеком, с его настроением и переживанием. Поэтически-возвышенные представления о человеческой личности, воплотившиеся в жанре портрета, нашли свое отражение и в пейзаже, наполнив его новым содержанием, способствуя рождению в нем более эмоциональных и свободных форм воплощения идеи единства человека и природы [3, с. 131].

Творческое наследие другого русского художника Петрова Василия Петровича (1770–1810) связано в первую очередь с его знаменитым циклом «итальянских видов». Все картины этого цикла несут в себе романтический образ природы Сицилии, чья идеальная красота, воспетая еще поэтами классической древности, всегда являлась источником вдохновения для европейских художников.

Горный пейзаж, исполненный этим мастером живописи в романтическом стиле, нашел отражение в таких работах, как «Вид Тавриды» (1791), «Пейзаж с рекой и стадом» (1800, ГРМ), «Итальянский пейзаж» (1806) (рис. 3).

Его работа «Итальянский пейзаж» выполнена в соответствии с требованиями классицизма. Для композиции характерны такие черты, как симметричность, уравновешенность, четкое обозначение первого, второго и третьего планов, боковые «кулисы», в качестве которых традиционно выступают кроны деревьев, обрамляющих картину с двух сторон. Такое построение композиции способствует восприятию художественного произведения живописи как гармоничного, ясного, понятного для зрителя, чего, собственно, и требуют каноны классицизма. Колорит классического письма требует также отображения локального, собственного цвета предметов, без каких-либо изменений под воздействием света или воздуха. Кроме того, на этой картине художник демонстрирует скульптурную трактовку формы как дань классицизму. Все это делает пейзажи, в которых присутствуют

горы, идеальными, возвышенными, соответствующими духу классицизма.

Рис. 3. Петров Василий Петрович «Итальянский пейзаж» 1806, холст, масло, 186x237 см.

Государственная Третьяковская галерея
Fig. 3. Vasily Petrov «Italian Landscape»
1806, oil on canvas, 186x237 cm. State Tretyakov Gallery

Однако при всей своей идеальности и возвышенности пейзажи Петрова Василия Петровича не превращаются в застывшую схему, они несут в себе живое чувство, живые человеческие эмоции. Именно профессиональным мастерством художника, его трепетной чуткостью по отношению к миру обусловлено это живое чувство природы, которое невозможно не увидеть в его картинах.

В. П. Петров в своей знаменитой работе «Итальянский пейзаж» в очередной раз проявляет себя в качестве непревзойденного мастера с особым умением писать дальние планы, видимые сквозь воздушную пелену. Далекие голубые горы, их очертания несколько размыты, они вибрируют в потоках воздуха, который обнаруживает себя и свои свойства благодаря визуальному эффекту огромного расстояния между зрителем и уходящими под небеса вершинами. И вдруг мы понимаем, что специальной терминологии недостаточно, чтобы говорить об этой картине. Требуются еще какие-то, более точные, метафорические категории, способные передать то непосредственное, спонтанное чувство, которое возникает у зрителя. Это так далеко и высоко, что ... захватывает дух. Это мир необъятных, не «прозраемых» человеком пространств и недостижимых высот, где нет места человеку. Это и есть переживание возвышенного, где только ... молчание.

Молчание... В состоянии покорного, молитвенного молчания перед входом в маленькую часовенку (слева) опустились на колени две маленькие фигурки. Услышат ли их земные, человеческие молитвы такие высокие, недостижимые, молчаливые Небеса? Картина носит, безусловно, философский характер, и это выводит ее на уровень мировоззренческого осмысления, что сообщает ей дополнительную статусную ценность.

Образно-смысловая ткань картины при ее гармоничной целостности, безусловно, имеет дипольный характер: верх – низ. Ближний, земной план наполнен привычной, суетной жизнью человека, которая выписана автором подробно, детализированно, с явной симпатией. Обращают на себя внимание две группы людей и животных, которые можно рассматривать в позиции условной, образно-смысловой симметрии относительно друг друга (диагональ), благодаря разновекторной, прямо противоположной направленности их движения.

Первая группа расположена в левом нижнем углу и находится ближе к зрителю. Мы успеваем в деталях рассмотреть двух осликов, на одном из которых восседает девушка. Трое ее путников следуют рядом. Один из них палкой подгоняет заупрямившееся животное. Одежды путников аккуратны, возможно, праздничны: на девушке всаднице кокетливый головной убор белого цвета, на мужчине безукоризненный черный пиджак. Вероятно, их путь лежит в село. Такой вывод можно сделать, поскольку на мосту (в левой части картины) мы видим группу коров с пастухом, следующих на пастбище, то есть, идущих в противоположную сторону от уже упомянутой группы.

При первом взгляде на картину описываемые группы действительно воспринимаются в состоянии их передвижения. Однако, всматриваясь, мы обнаруживаем эффект «стоп-движение» в первой группе (кроме одного животного!), обусловленный упрямым осликом. Группа, находящаяся на мосту, также прервала свое движение (кроме пастуха!), поскольку коровы никуда не идут, они дружно повернули головы в сторону ли зрителей, или их внимание привлечено криками людей и ревом упрямого животного в первой группе. Картина «живет», картина «звучит».

Эти жизненные, сложные, взаимодействующие сюжетные коллизии делают картину живой, повествовательной, понятной и близкой зрителю. Здесь уже нет сельской пасторали в духе классицизма. Это та собственно «человеческая» составляющая картин-пейзажей В. П. Петрова, о которой упоминалось выше. По сути, картина «Итальянский пейзаж» – это модель мироздания, где органично сопряжены все планы бытия: недостижимое

и близкое; божественное и человеческое; духовное и телесное.

Однако лучшими произведениями В. П. Петрова официально признаны живописные картины видов Алтайских гор. По именному Указу от 8 июня 1801 года за личной подписью Александра I художник назначен на Уральские, а также Сибирские заводы и рудники для «снятия видов».

Находясь на Алтае и в Восточной Сибири, В. П. Петров значительно совершенствует свое художественное мастерство. Выполненные здесь такие картины, как «Горный пейзаж», «Озеро Колывань», в полной мере свидетельствуют о стремлении мастера точно и достоверно изобразить сибирский пейзаж, абстрагируясь от своего устоявшегося романтического стиля. Художник вырабатывает свою особую манеру почти пунктирного рисования, в которой он очень хорошо передает складки, трещины гор, листву деревьев [9, с. 29]. Если сравнить изображения гор на картинах, написанных на Алтае, с видами Италии, то мы заметим, что рисунок и цвет стали более реалистичными. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что В. П. Петров, являясь первопроходцем в художественном освоении Горного Алтая, избрал реалистическую линию развития пейзажной живописи, что оказало существенное влияние на дальнейшее становление пейзажного жанра в художественной жизни России.

Период конца XVIII и начала XIX века в России можно назвать особенной, знаменательной эпохой в истории русской пейзажной живописи. К этому времени пейзаж выделяется в самостоятельный, особый жанр, вырастает первое поколение мастеров, работающих исключительно в жанре городских и природных видов. Воспитанники Академии художеств восприняли и продолжили общеевропейскую классическую традицию. Имена самых прославленных из них: С. Ф. Щедрин, Ф. Я. Алексеев, Ф. М. Матвеев, В. П. Петров.

Преследуя цели и задачи настоящей статьи, но учитывая ограниченные возможности этого жанра, мы лишь «эскизно» отметим имена других художников, которые внесли свою существенную лепту в историю становления пейзажной живописи, в частности в развитие горного пейзажа, в России в интересующий нас период. Имена этих художников известны не только специалистам в области искусства и культуры, но и широкой, просвещенной общественности. Это Мартынов Андрей Ефимович (1768–1826), Щедрин Сильвестр Феодосиевич (1791–1830), Брюллов Карл Павлович (1799–1852), Иванов Александр Андреевич (1806–1858). Творчество этих художников, рассматриваемое в русле обозначенной нами проблемы, представляет

для истории развития «горного» пейзажа в России огромный интерес [10].

Выводы

Краткий обзор процесса становления жанра горного пейзажа в творчестве русских живописцев, предпринятый в рамках нашей статьи, позволяет констатировать тот факт, что именно в период XVIII – начала XIX века в изобразительном искусстве в России закладываются основы и происходит развитие жанра «горного» пейзажа как романтического, так и реалистического «звучания».

В связи с этим актуализируется тема национальной «художественной школы», поскольку именно представители «русской академической школы», как было продемонстрировано выше, сыграли важную роль в формировании национальных особенностей, художественных традиций русской пейзажной живописи.

Чувство родины, ее образ, связанный с бескрайними горизонтами и мощью горных хребтов, представленные в картинах художников «русской академической школы», нашли дальнейшее развитие, авторское осмысление и реалистическое отражение в творчестве И. Шишкина, Ф. Васильева, А. Саврасова, Л. Каменева, И. Левитана. Именно творчество художников «передвижников» явилось вершиной в становлении русской пейзажной школы и «горного» пейзажа, в частности.

Литература

1. Варламова, В. А. Русская Иконопись : методические указания по выполнению практической работы / авт.-сост. В. А. Варламова. – URL: <http://nesusvet.narod.ru/ico/ref/varlamova/>.
2. Варламова, Е. Н. Пейзаж в русской живописи XVIII–XIX веков / Е. Н. Варламова. – М. : Изобразительное искусство, 1989. – 71 с.
3. Федоров-Давыдов, А. А. Русский пейзаж XVIII – начала XX века / А. А. Федоров-Давыдов. – М. : Советский художник, 1986. – 304 с.
4. Лясковская, О. А. Пленэр в русской живописи XIX века / О. А. Лясковская. – М. : Искусство, 1966. – 316 с.
5. Грабарь, И. Э. История русского искусства : в 13 т. Т. I / И. Э. Грабарь ; под ред. И. Э. Грабаря, В. Н. Лазарева и В. С. Кеменова. – М. : Изд-во АН СССР, 1953–1969. – 576 с.
6. Мальцева, Ф. С. Мастера русского пейзажа / Ф. С. Мальцева. – М. : Галактика, 1999. – 234 с.
7. Мочалов, Л. В. Развитие жанров в советской живописи / Л. В. Мочалов. – Л. : Художник, 1979. – 320 с.
8. Сокольников, Н. М. История изобразительного искусства : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 2 т. Т. 1. / Н. М. Сокольников. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2007. – 304 с.
9. Степанская, Т. М. Первый видописец Барнаула В. П. Петров / Т. М. Степанская. – Барнаул : Музей «Город», 2009. – 48 с.
10. Степанская, Т. М. Очерки истории искусства Алтая / Т. М. Степанская. – Барнаул, 2009. – 220 с.
11. Токарев, В. П. Художники Сибири. XIX век / В. П. Токарев. – Новосибирск : Наука, 1993. – 114 с.
12. Усачева, С. «Наследство» пейзажиста Андрея Мартынова / С. Усачева // Наше Наследие. – 2007. – № 82. – URL: <http://www.nasledieru.ru/podshivka/8203.php>.
13. Чижмак, М. Государственный Русский музей. Т-10 / М. Чижмак. – М. : Директ-Медиа, 2011. – 95 с.
14. Эдоков, В. И. Очерки истории изобразительного искусства Горного Алтая Г. И. Чорос-Гуркин / В. И. Эдоков. – Барнаул : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1981. – 95 с.
15. Ягодковская, А. О. О пейзаже / А. О. Ягодковская. – М. : Советский художник, 1963. – 73 с.

Жук Сергей Анатольевич – кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Кузнецова Ольга Николаевна – доктор искусствоведения, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: onk2007@mail.ru

Поступила в редакцию 5 декабря 2022 г.

THE ORIGIN OF «THE MOUNTAIN LANDSCAPE» IN RUSSIAN PAINTING OF THE 18th TO EARLY 19th CENTURIES

S. A. Zhuk, O. N. Kuznetsova

Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russian Federation

This article discusses the genesis of the mountain landscape in the history of Russian painting, which is important for the history of fine arts in Russia and which has been rarely studied. The article connects the history of the origin of this landscape genre with the period of the 18th to early 19th centuries. At the turn of the 18th century, the art of landscape painting was born in Russia. It was at this time that the mountain landscape genre attracted the attention of Russian artists who had been trained in Italy. Therefore, the painting of Italian and French masters, working in the style of classicism, significantly influenced the landscape genre in the works of Russian artists, where the mountain landscape occupies a special place. As the history of this topic has not been given enough attention, the main task of this article is to provide a brief overview of the formation of this genre in Russia. The material studied are the works of the artists Semyon Shchedrin, Fyodor Alekseev, Fyodor Matveyev, and Vasily Petrov. The methodological basis of the study, along with general scientific approaches and methods, is represented by hermeneutic logic, which is a universal methodology for the entire spectrum of sciences in the humanities. The publication of this work assumes a series of articles on landscape themes in Russian painting.

Keywords: mountain landscape, painting, visual arts, national landscape, artists.

References

1. Varlamova V.A. Russkaya Ikonopis' [Russian Icon Painting]: metodicheskiye ukazaniya po vy-polneniyu prakticheskoy raboty; avt.-sost. V.A. Varlamova. URL: <http://nesusvet.narod.ru/ico/ref/varlamova/>.
2. Varlamova Y.V. N. Peyzazh v russkoy zhivopisi XVIII–XIX vekov [Landscape in Russian Painting of the XVIII–XIX Centuries]. M.: Izobrazitel'noye iskusstvo, 1989. 71 s.
3. Fedorov-Davydov A.V. A. Russkiy peyzazh XIII – nachala XX veka [Russian Landscape of the XIII – Early XX Century]. M.: Sovetskiy khudozhnik, 1986. 304 s.
4. Lyaskovskaya O.V. A. Plener v russkoy zhivopisi XIX veka [Plein Air in Russian Painting of the XIX Century]. M.: Iskusstvo, 1966. 316 s.
5. Grabar' I.E. Istoriya russkogo iskusstva: v 13 t. T. I. [The History of Russian Art]; pod red. I.E. Grabarya, V.N. Lazareva i B.C. Kemenova. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953–1969. 576 s.
6. Mal'tseva F.S. Mastera russkogo peyzazha [Masters of the Russian Landscape]. M.: Galaktika, 1999. 234 s.
7. Mochalov L.V. Razvitiye zhanrov v sovetskoy zhivopisi [Development of Genres in Soviet Painting]. L.: Khudozhnik, 1979. 320 s.
8. Sokol'nikova N.M. Istoricheski izobrazitel'nogo iskusstva [History of Fine Art]: uchebnyy dlya stud. vyssh. ped. ucheb. obrazovaniya: v 2 t. T. 1. 2-e izd., ster. M.: Akademiya, 2007. 304 s.
9. Stepanovskaya T.M. Pervyy vidopisets Barnaula V.P. Petrov [The First Species Writer of Barnaul V.P. Petrov]. Barnaul: Muzei «Gorod», 2009. 48 s.
10. Stepanovskaya T.M. Ocherki istorii iskusstva Altaya [Essays on the History of Altai Art]. Barnaul, 2009. 220 s.
11. Tokarev V.P. Khudozhniki Sibiri. XIX vek [Artists of Siberia. XIX Century]. Novosibirsk: Nauka, 1993. 114 s.
12. Usacheva S. «Nasledie» peyzazhista Andrey Martynova [«Legacy» by Landscape Painter Andrey Martynov] // *Nashe Nasledie*. 2007. № 82. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8203.php>.
13. Chizhakov M.V. Gosudarstvennyy Russkiy muzey. T-10 [State Russian Museum. T-10]. M.: Direkt-Media, 2011. 95 s.
14. Edokov V.I. Ocherki istorii izobrazitel'nogo iskusstva Gornogo Altaya G.I. Choros-Gurkin [Essays on the History of the Fine Arts of Gorny Altai G.I. Choros-Gurkin]. Barnaul: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izdatel'stva, 1981. 95 s.
15. Yagodovskaya A.O. O peyzazhe [About the Landscape]. M.: Sovetskiy khudozhnik, 1963. 73 s.

Sergey A. Zhuk – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul), e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Olga N. Kuznetsova – D. Sc. (Art History), Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul), e-mail: onk2007@mail.ru

Received December 5, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Жук, С. А. К вопросу о зарождении «горного пейзажа» в русской живописи XVIII – начала XIX века / С. А. Жук, О. Н. Кузнецова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 31–38. DOI: 10.14529/ssh230104

FOR CITATION

Zhuk S. A., Kuznetsova O. N. The Origin of «the Mountain Landscape» in Russian Painting of the 18th to Early 19th Centuries. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 31–38. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230104

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗНАКИ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖИВОПИСИ В КОНТЕКСТЕ ИХ ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ

Ю. А. Крейдун¹, Е. М. Реутова^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

²Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, г. Омск, Российская Федерация

Статья посвящена владельческим знакам, сохранившимся на живописных произведениях и содержащим информацию по различным аспектам, связанным с историей бытования произведений.

В публикации приводятся примеры как распространенных, так и редких, уникальных владельческих знаков. Сделана попытка их систематизации, проанализированы источниковедческие возможности их использования при реконструкции истории бытования картин, обозначены особенности владельческих знаков как исторического источника. Данный аспект до сих пор не становился предметом специального изучения, что обуславливает актуальность заявленной темы.

Изучение, анализ и расшифровка информации выявленных надписей составили основу содержательных выводов публикации. В результате исследования был сделан вывод о высокой научной ценности владельческих знаков как историко-искусствоведческого источника, который дает сведения наравне с другими письменными документами, что становится отправным пунктом для дальнейшего изучения произведения. Прочтение и изучение подобных надписей также создает основу для более широких научных выводов.

В результате исследования были введены в научный оборот ранее неизвестные и неопубликованные владельческие знаки.

Ключевые слова: владельческий знак, живопись, коллекция, бытование, источник.

Введение

Искусствоведение и науки искусствоведческого цикла опираются на широкий круг источников, главное место среди которых занимают собственно произведения искусства, оригиналы и подлинники.

Первые сведения о произведении специалист получает уже при его осмотре. Внимание исследователей прежде всего привлекают эстетические и художественные свойства предмета. Однако на многих картинах, графических листах, скульптуре, предметах ДПИ нередко имеется ряд уникальных внешних признаков в виде различных подписей, надписей, текстов, печатей, клейм и других знаков, содержащих информацию по разным аспектам, связанным с данным объектом, и представляющих несомненный интерес. Перед исследователем встает задача фиксации, изучения, правильной трактовки и интерпретации этих знаков. Само определение происхождения конкретной надписи и понимание того, где, когда и кем она была оставлена, требует знаний и опыта анализа подобных текстов.

В данной статье речь пойдет о группе владельческих знаков на живописных произведениях – разнообразных надписях и ярлыках, фиксирующих владельческую принадлежность, а также содержащих сведения, связанные с бытованием и функционированием предмета внутри определенной части коллекции.

В предлагаемой работе делается попытка обратиться в первом приближении некоторое количество примеров, систематизировать их, прокомментировать и показать возможности использования подоб-

ных знаков в качестве источника по реконструкции истории бытования произведений, а также инструмента атрибуции. Тем самым в статье определяется ценность и выявляются особенности владельческих надписей как исторического источника.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена тем фактом, что исследователи до сих пор не предпринимали попыток системного описания владельческих знаков на живописных произведениях. Также не делались попытки их теоретического анализа как вида источника и рассмотрения вопроса об их научной ценности и информативности.

Объектом настоящего исследования стали живописные произведения, хранящиеся в Омском областном музее изобразительных искусств имени М. А. Врубеля (ООМИИ), до революции и последовавшей за ней национализации принадлежавшие императорской семье, а также представителям крупнейших аристократических фамилий – Юсуповых, Шуваловых, Горчаковых, Долгоруких, Воронцовых-Дашковых и др. Предмет исследования – сохранившиеся на них владельческие надписи, знаки, этикетки и тексты. Данный материал не становился предметом специального изучения, что обуславливает его новизну. Введение в научный оборот нового фактологического материала, который содержат произведения, оказавшиеся в коллекции регионального музея, способствует более детальному рассмотрению данной проблемы.

Обзор литературы

О важной роли владельческих знаков при изучении провенанса произведений отечественные исследователи активно заявили в начале XX в. Так,

Э. Ф. Голлербах отмечал, что «...с момента поступления частной коллекции в музей коллекционерский знак уже перестает быть знаком частной собственности, а является документом, обозначающим происхождение данной вещи, нередко указывающим на ее историю и облегчающим наведение всякого рода справок» [1, с. 186]. А. В. Чаянов также подчеркивал, что «...особенного внимания собирателя заслуживают всякие надписи и пометки, нанесенные на оборотную сторону листа ... прежними обладателями...» [2, с. 29].

В то время как изучение существовавшей практики помечать владельцами принадлежавшие им графические листы и книги специальными коллекционными марками и книжными знаками нашло отражение в многочисленных исследованиях [3–5 и др.], специальных научных публикаций, посвященных владельческим знакам на произведениях живописи, на сегодняшний день нет.

Между тем фиксация и изучение всех сохранившихся подписей и надписей являются неотъемлемой частью изучения памятника, а также каталогизации музейной коллекции, что свидетельствует о большом значении, которое исследователи придают сохранившейся в них информации.

В современной музейной практике подобные сведения принято фиксировать в научных каталогах. В качестве примера можно привести научные издания крупнейших российских музеев – Государственного Эрмитажа (ГЭ) [6–7], Государственного Русского музея (ГРМ) [8], Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (ГМИИ) [9] и др. Упоминание и описание некоторых владельческих знаков можно встретить в статьях, посвященных изучению и атрибуции отдельных произведений [10–12 и др.].

Вышеперечисленные факторы подчеркивают актуальность обращения к обозначенной теме.

Методы исследования

С учетом специфики предмета данного исследования, а также его цели в качестве основных методов были выбраны общенаучные методы описания, анализа и синтеза, сравнения, обобщения, аналогии.

Основу методологического аппарата составил системный подход.

Результаты и дискуссия

Функционирование частной коллекции произведений искусства неотъемлемо связано с деятельностью по ее сохранению, учету, изучению, каталогизации и экспонированию, что нередко отражено в соответствующих надписях, сохранившихся на предметах. Они могут располагаться на самом произведении – лицевой или оборотной стороне картины, на подрамнике, раме, а также могут быть прикреплены к произведению в виде ярлыка.

Эти знаки могут быть просты и практически не требуют дополнительного изучения, другие

становятся понятными только после привлечения дополнительных источников, третьи сами дают повод для изучения фактов, связанных с ними.

Знаки, указывающие на принадлежность произведения тому или иному лицу или коллекции

К наиболее многочисленной группе владельческих знаков относятся различные отметки, отражающие принадлежность произведения к определенной коллекции. Надписи, типографские и рукописные наклейки с текстом, сургучные печати с фамильными гербами нередко напрямую называют имя предыдущего владельца.

В собрании ООМИИ на картине неизвестного художника XVIII в. «Христос в терновом венце», поступившей в музей в 1927 г. из собрания ГЭ, имеется бумажная наклейка с текстом: «Принадлежит Княгине Марии Александровне Долгорукой 1883 г.», а на копии XIX в. с картины Рембрандта «Портрет старушки», выполненной неизвестным художником XIX в. – «№ 4/ Оранienбаумский Дворец/ Его Высочества/ Михаила Георгиевича/ Герцога Мекленбург-Стрелицкого» (рис. 1).

Рис. 1. Владельческая бумажная наклейка на копии с картины Рембрандта Харменса ван Рейна «Портрет старушки»
Fig. 1. Owner's paper sticker on a copy of the painting by Rembrandt Harmensz van Rijn «Portrait of an old woman»

Подобные надписи содержат краткую, исчерпывающую информацию и не требуют дополнительного изучения.

Однако зачастую тексты владельческих знаков можно использовать лишь при условии привлечения дополнительных источников.

На работах, до революции принадлежавших графине Е. А. Воронцовой-Дашковой, сохранились отпечатанные в типографии бумажные этикетки, с указанием номера, названия или краткого описания картины, ее размера, а в отдельных случаях – места хранения во дворце, который располагался на Английской набережной, 10 в Петербурге.

Так, на картине неизвестного венецианского художника XVIII в. «Большой канал в Венеции» на подобной наклейке указано: «№ 51 / Видь Венеци / В гостиной Графини / Ширина 1 арш. 9 верш. / Вышина 1 арш. ½ вершка», а на работе известного мариниста К. Ж. Верне (1714–1789) «Вечер на море» имеется прекрасно сохранившаяся этикетка:

«№ 69/ «Буря» Иосифа Вернет/ Ширина арш. 14 $\frac{3}{4}$ верш./ Вышина арш. 11 $\frac{1}{2}$ верш.» (рис. 2).

Рис. 2. Владельческая бумажная наклейка на картине К. Ж. Верне «Вечер на море»
Fig. 2. Owner's paper sticker on the work of C. J. Vernet «Evening at Sea»

В этикетках приводятся ценные для исследователя сведения, в частности, об атрибуции произведений на момент их нахождения в коллекции, однако не указывается имя предыдущего владельца, что требует привлечения дополнительных источников. В результате публикации и введения в научный оборот в данном контексте этих владельческих знаков станет возможным идентифицировать принадлежность к коллекции Е. А. Воронцовой-Дашковой произведений, хранящихся в других музеях.

На обороте картины французского живописца Т. Гюдена (1802–1880) «Морской берег в Схевенингене» (1846), а также на работе швейцарского мастера А. Калама (1810–1864) «Горный ручей» (1847) (рис. 3) сохранились красные сургучные печати с фамильным гербом князей Горчаковых, что позволило сделать предположение об их предыдущем местонахождении. Произведения из омской коллекции принадлежали светлейшему князю А. М. Горчакову (1798–1883), известному государственному деятелю и выдающемуся дипломату, который на протяжении нескольких десятилетий занимался коллекционированием живописных произведений и создавал свою ставшую знаменитой на весь мир картинную галерею.

Рис. 3. Сургучная печать с гербом князей Горчаковых
Fig. 3. Wax seal with the coat of arms of the princes Gorchakovs

На женском портрете кисти голландского живописца П. де Греббера (1600–1653) сохранился

отпечаток герба герцогов Саксен-Альтенбургских, на двух других произведениях – красные сургучные печати с гербом Юсуповых.

Изучение герба и идентификация его с конкретной фамилией позволяет определить принадлежность произведений к определенному собранию без обращения к архивным документам, что может стать отправной точкой для дальнейших исследований.

Нередко в рамках одной частной коллекции можно обнаружить разные виды владельческих знаков. В 1920-е гг. в омский музей поступил целый комплекс экспонатов, принадлежавших представителям княжеского рода Юсуповых. Среди них около 20 живописных произведений, приобретенных в разное время князьями Н. Б. Юсуповым Старшим и Н. Б. Юсуповым Младшим, княгинями Зинаидой Ивановной и Зинаидой Николаевной.

Вероятно, каждый владелец выработал свою систему учета и маркировки произведений. Сургучными печатями были отмечены «Портрет старухи» кисти Б. Деннера (1685–1749) и копия с произведения Ф. Я. ван Мириса Старшего (1635–1681) «Ученый», которые являлись приобретениями Н. Б. Юсупова Младшего (1827–1891).

На обороте большей части картин из собрания Юсуповых сохранились небольшие бумажные наклейки с буквами «ХК». На специальных типографских этикетках с ажурным краем и голубым окаймлением или на простых фрагментах бумаги чернилами от руки выведены буквы «ХК» («художественная коллекция» – Ю. К., Е. Р.) и номер (рис. 4). Эти этикетки присутствуют как на работах, появившихся в коллекции в конце XVIII в. при ее основателе князе Юсупове Старшем, так и на более поздних приобретениях его потомков. Подобная система маркировки произведений свидетельствовала о существовании крупного собрания и определенной культуре собирательства.

Рис. 4. Маркировка произведений из коллекции князей Юсуповых
Fig. 4. Labeling of works from the Yusupov collection

Бумажные наклейки с литерами «ХК» на сегодняшний день являются хорошо узнаваемым владельческим знаком, а их наличие на произведении подтверждает принадлежность к данной коллекции. В 1927 г. в собрание омского музея поступил «Натюрморт с апельсином» (1852) бельгийского мастера Ж.-Б. Роби (1821–1910) и жанровая

композиция «Девушка с кошкой» немецкого художника Р. Ю. Бейшлага (1838–1903). Информация об их предыдущем местонахождении долгое время отсутствовала. Однако присутствие на оборотах этих картин бумажных наклеек с буквами «ХК» позволило уже на современном этапе отнести их к коллекции князей Юсуповых, что позже было подтверждено и архивными сведениями.

Произведения из художественного собрания Юсуповых, формировавшегося несколькими поколениями семьи, сохранили и другие исторические свидетельства, касающиеся истории их бытования. На отдельных картинах имеются указания дворцов, в которых они хранились. Семья в разное время владела особняками в Москве, Петербурге, Царском Селе, Крыму и др. Надпись синим карандашом «БД» на обороте копии XIX в. с «Портрета Саскии ван Эйленбурх» Рембрандта свидетельствует о том, что она находилась в Большом доме в усадьбе «Архангельское». Аналогичные отметки черным графитом – «Литейного Дома Гр ФФ», присутствующие на копии с произведения Мириса Старшего «Ученый» и работе немецкого живописца Й. Г. Ламберта (1740–1804) «В овощной лавке» указывают на их размещение в Литейном доме Юсуповых (Литейный, 42). Можно предположить, что буквы «Гр ФФ» означают имущество последнего владельца дворца, носившего титул – князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон.

Таким образом, традиция маркировки живописных произведений, характерная для владельцев частных коллекций в дореволюционный период, нашла отражение в многочисленных сохранившихся надписях и ярлыках, содержащих разного рода краткие, но ценные сведения. Эта информация в большинстве случаев носит объективный характер и не требует привлечения дополнительных источников.

Владельческие знаки, свидетельствующие о способе поступления в коллекцию

Формирование и пополнение частных коллекций происходило разными способами. Работы приобретались собирателями на выставках, аукционах, в художественных галереях и лавках, у дилеров и маршанов, они могли быть подарены по случаю или получены по наследству. Данного рода информация содержится в различных письменных документах – описях коллекций, письмах и дневниках владельцев, подобные сведения нередко зафиксированы на самих произведениях.

В 1927 г. в собрание омского музея поступила картина Ф. И. Байкова (1818–1890) «Солдаты в деревне» (1844), на обороте которой сохранилась надпись, свидетельствующая о том, что в 1845 г. она была подарена великому князю Михаилу Николаевичу его братом Николаем Николаевичем. В фондах ГРМ и ГЭ хранятся другие работы этого художника, выполненные в 1844–1846 гг. Все они на обороте имеют указания на то, что находились в коллекции

великого князя Михаила Николаевича. Так, на картине «У кузницы» (1844, ГРМ) имеется надпись: «Байковъ Куплено Его Императорскимъ Высочествомъ Михаиломъ Николаевичемъ. Апреля 1844» [13, с. 53]. В интерьерах Ново-Михайловского дворца в Петербурге, владельцем которого был Михаил Николаевич, произведения искусства на военную тематику кисти Ф. И. Байкова были представлены широко, они составляли часть знаменитой военно-исторической коллекции великого князя, которую он формировал с юных лет.

«Купальщица» (1859) Т. А. Неффа (1805–1876) пополнила собрание Ново-Михайловского дворца после смерти императрицы Александры Федоровны, матери великого князя Михаила Николаевича. Картина была передана ему по наследству, о чем свидетельствует надпись графитным карандашом на обороте холста: «96 Майорат отъ Императ. Александр. Феодор.»

В XIX в. торговлю предметами искусства и антиквариата активно вели многочисленные художественные галереи, которые занимались их экспонированием и продажей. На ряде живописных произведений XIX в. можно встретить соответствующие печати. Так, на обороте картины французского художника В.-К. Бокеня (1847–1913) «Батальная сцена из франко-прусской войны» (1897) сохранился трафаретный знак знаменитой галереи Леона Жерара в Париже, занимавшейся торговлей произведениями современного искусства: «TABLEAUX MODERNES/ AQUARELLES/ LEON GERARD/ PARIS/ 18. RUE DROUOT». На деревянной основе жанровой композиции «Девушка, пекущая блины» (1873) немецкого мастера О. Пильца (1846–1910) имеется печать художественного магазина известного берлинского арт-дилера Ван Барле (Берле): «Honrath L Van Baerle Kunsthandlung Moderner Gemalde Berlin U. U. d. Linden 8».

Отметки об экспонировании

На протяжении XIX в. публичность изобразительного искусства становилась все более широкой, все чаще в процессе коллекционирования перед владельцами вставал вопрос о показе и экспонировании своих произведений. Заметной тенденцией этого времени стало предоставление картин на многочисленные выставки, организуемые в России и Европе.

Упомянутая выше картина О. Пильца «Девушка, пекущая блины» из собрания князей Юсуповых сохранила печатную этикетку выставки «Век немецкого искусства» («Deutsche Jahrhundert-Ausstellung»), которая проходила в 1906 г. в Национальной галерее Берлина (рис. 5). На масштабной экспозиции, подводившей итог развития немецкого искусства за 100 лет, было представлено более 2000 картин и 3000 рисунков мастеров немецкоязычных стран из музеев и частных коллекций мира. Картина О. Пильца не вошла в выставочный каталог, в котором были собраны чуть более 2000

произведений [14], а сохранившаяся этикетка стала единственным свидетельством, подтверждающим экспонирование картины на данной выставке.

Рис. 5. Выставочный ярлык на картине О. Пильца
Fig. 5. An exhibition label on a painting by O. Pils

Значительно чаще в музейной практике можно встретить надписи и наклейки, свидетельствующие об участии произведений на российских выставках. На обороте холста А. Васнецова (1856–1933) «Деревня Ляутербруннен» (1912) имеется наклейка «Выставка картин Союз русских художников. А. М. Васнецовъ “Деревня” № 91. Собствен. А. В. Касьянова. Москва Спасо-Песковская площадь соб. домъ». Изучение каталогов выставок СРХ позволило установить, что речь идет о 10 выставке, которая проходила в 1912–1913 гг. в Москве и Петербурге. Там же экспонировалась картина Коровина «Розы. Букет у моря» (1912), о чем свидетельствуют не только данные каталога, но и сохранившаяся идентичная наклейка: «“Букет”. № 205; А. В. Касьянова Москва Спас-Песковская пл.».

Изучение истории экспонирования произведений является важной частью каталогизации. Сохранившиеся на картинах выставочные этикетки и надписи, фиксирующие факт участия произведения в той или иной выставке, нередко остаются единственным подтверждением экспонирования картины и являются важным историческим свидетельством.

Надписи, свидетельствующие о проведенной реставрации

Сохранение и при необходимости восстановление произведений искусства всегда являлось одной из важных задач, стоящих перед коллекционером. Неблагоприятные условия хранения, войны, стихийные бедствия и другие факторы способствовали обращению владельцев к услугам реставраторов.

Эта проблема становилась особенно актуальной применительно к собраниям, существующим на протяжении длительного времени, к которым без сомнения можно отнести художественную коллекцию князей Юсуповых.

Члены княжеского рода регулярно приглашали специалистов для обследования состояния сохранности своих картин. В 1890-е гг. реставраторы Эрмитажа выполнили переводы многих произведений данной коллекции на новую основу, о чем

сохранились соответствующие отметки на картинах. На «Портрете Екатерины II» (1792) кисти И. Б. Лампи Старшего (1751–1830) имеется надпись: «Переведень со старого на новый холстъ. Реставр. И. Сидоровъ. 1893». Такая же запись присутствует на «Благовещении» неизвестного итальянского художника XVII в. Кроме того, судя по надписям, подобная реставрационная процедура была проведена в отношении копии с картины Рафаэля «Святое семейство» в 1892 г. тем же реставратором, а работа неизвестного итальянского художника XVI в. «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» была переведена с дерева на холст. Подобные надписи о проведенной реставрации на произведениях искусства в музейной практике встречаются нечасто, чем вызывают особый интерес.

Все упомянутые произведения являлись приобретениями князя Н. Б. Юсупова Старшего, стоявшего у истоков семейного живописного собрания [15, л. 39, 66, 147; 16, л. 126]. Коллекция, собранная им, считалась наиболее ценной частью семейного наследия. Вступив в наследство, З. Н. Юсупова и ее супруг Ф. Ф. Сумароков-Эльстон обратили особое внимание на эту часть собрания. В 1890-е годы сложной реставрацией картин юсуповской коллекции регулярно занимались мастера из известной династии эрмитажных реставраторов Сидоровых.

Несмотря на то что факт проведенной реставрации достаточно легко обнаружить при осмотре произведения искусства, сохранившиеся надписи дают возможность дополнить и уточнить эти сведения, свидетельствуют о методах работы и уровне культуры обращения с произведениями искусства реставраторов.

Сюжетные надписи, надписи-комментарии

В музейной практике можно встретить примеры уникальных по своему содержанию владельческих надписей и текстов.

В 1927 г. из ЛОГМФ в собрание музея поступили три небольшие картины на тему античного быта кисти С. В. Бакаловича (1857–1947) «Дискобол», «С голубями» и «Ода» (1889). В обрамлении картин, объединенных в триптих, на металлических пластинах воспроизведены стихотворные строки (рис. 6).

Рис. 6. С. В. Бакалович. Триптих. Дискобол. С голубями. Ода. 1889. ООМНИИ им. М. А. Врубеля
Fig. 6. S. V. Bakalovich. Triptych. Discus thrower. With doves. Oh yeah. 1889. Omsk museum named after M. A. Vrubel

Их изучение позволило установить, что строки принадлежат перу поэта, который во II половине XIX в. публиковался под криптонимом «КР», за которым скрывалось имя великого князя Константина Константиновича. Три поэтических отрывка, вошедших в цикл «Гексаметры», были написаны им в июне – июле 1888 г. в Петергофе и Красном Селе.

Обращение к дневнику Константина Константиновича позволило в полной мере раскрыть историю появления как указанных живописных произведений, так и поэтических строк. 19 июня 1888 г. великий князь сделал следующую запись: «Вчера мне пришлось в голову написать стихи в подражание древним. Придумал взять картину, виденную в лагере, переделав ее на греческий лад. Солдата, играющего с резиновым мячом, можно превратить в отрока-грека дискобола. Но пока я только в общих чертах и мысленно, а не на бумаге наметил это онтологическое стихотворение...» [17, запись от 19 июня]. Вскоре появился и первый стихотворный отрывок: «... готово стихотворение, о котором я упоминал вчера. Давно уже мечтал я написать что-нибудь в подражание древним, даже целый ряд таких небольших стихотворений, и вот, наконец, написал стихи. Вот они...» [17, запись от 21 июня]:

Любо глядеть на тебя, черноокий приветливый отрок,
В ясное утро, когда ты диском играешь блестящим.
Спину согнув, опершись в колено левой рукою,
Правою ловко ты круг увесистый бросишь далеко... [18, с. 139–140].

Следом появились еще два стихотворных отрывка из цикла «Гексаметры». Строки были отредактированы известным поэтом и другом Константина Константиновича А. А. Фетом и в таком варианте опубликованы в одном из сборников под авторством «КР».

На сюжеты стихотворных произведений великий князь заказал художнику С. В. Бакаловичу картины, которые были написаны, объединены в триптих и обрамлены в бронзовую раму, на которой разместили стихи. Триптих долгие годы хранился в приемной в Мраморном дворце.

Поэтические строки на раме, обрамляющей копию XIX в. с картины венецианского мастера Дж. Беллини (ок. 1430–1516) «Мадонна с деревцами», позволили не только восстановить историю ее создания, но и установить автора полотна:

С какою кротостью и скорбью нежной
Пречистая взирает с полотна!
Грядущий час печали неизбежной
Как бы предчувствует Она!
К груди Она Младенца прижимает
И Им любуется, о Нем грустя...
Как Бог, Он взором вечность проникает
И беззаботен, как дитя!

Как и в случае с произведениями С. В. Бакаловича, было выявлено, что стихи принадлежат перу великого князя Константина Константиновича. Строки, вошедшие в цикл «На чужбине», были написаны им в мае 1882 г. в Гмундене.

Из страниц дневника великого князя следует, что копия с «Мадонны» Дж. Беллини, которая

произвела на Константина Константиновича глубокое впечатление, была заказана во время его путешествия по Венеции в 1882 г. художнику-акварелисту П. П. Соколову (1821–1899). Чуть позже родились стихи, посвященные этому образу, которые по заказу великого князя разместили на дубовой раме, специально заказанной во Флоренции. На протяжении всей жизни владельца картина хранилась в его кабинете в Мраморном дворце.

Выводы

Владельческие знаки на произведениях искусства являются важным историко-искусствоведческим источником, который содержит сведения наравне с другими письменными документами. Они фиксируют краткую, часто фрагментарную и несистематическую, но конкретную, прикладную информацию. Сколь бы узкой и локальной ни была их тема, они дают исключительно ценные сведения, которые зачастую не зафиксированы в других источниках. Эти ненамеренные свидетельства, часто оставленные без прицела на будущее, носят объективный характер и при правильной интерпретации могут использоваться в исследовании.

Приведенные в статье примеры демонстрируют, что тексты владельческих надписей не только позволяют определить предыдущее местонахождение произведения, но и открывают дополнительные возможности для изучения среды, в которой рождалось и существовало произведение, его бытования; определяют особенности мировоззрения владельцев и специфики их предпочтений, а нередко становятся инструментом атрибуции. Зачастую именно они становятся отправным пунктом дальнейшего изучения произведения и обозначают направление исследования, в результате чего специалист обращается к архивным материалам, письмам, дневникам, воспоминаниям. Все это определяет высокую научную ценность данного источника.

Рассредоточенность произведений с владельческими надписями одного происхождения по разным коллекциям делает актуальным вопрос о подготовке специальных изданий, посвященных владельческим знакам. По мнению авторов статьи, они должны вводиться в научный оборот как в виде отдельных публикаций, так и общего справочника или каталога, к работе над которым должны подключиться исследователи. Каждое обращение к ранее не изученным владельческим знакам делает наше понимание подобных текстов более глубоким и системным. Это будет способствовать реконструкции собраний, части которых хранятся в разных учреждениях.

Важность введения в научный оборот владельческих надписей продиктована и таким их свойством, как изнашиваемость со временем. В ходе реставрации при дублировании холстов или замены подрамника, а также в процессе хранения произведений многие надписи исчезают, теряются или угасают, вследствие чего многие из

них сохранились только благодаря публикациям или описанию в инвентаре. Одно из перспективных направлений в решении данной проблемы – подготовка обобщающего труда.

Литература

1. Голлербах, Э. Ф. Коллекционерский знак / Э. Ф. Голлербах // Советский коллекционер. – 1931. – № 7. – С. 185–190.
2. Чайнов, А. В. Старая западная гравюра. Краткое руководство для музейной работы / А. В. Чайнов. – М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1926. – 95 с.
3. Власова, О. В. Владельческие знаки на гравюрах и литографиях: на материале отдела гравюры Государственного Русского музея / О. В. Власова, Е. Л. Балашова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 148 с.
4. Гребенюк, Т. Б. Владельческие книжные знаки в отделе редких книг Российской государственной библиотеки. Каталог. Кн. 1–5 / Т. Б. Гребенюк. – М. : Пашков дом, 2010–2021.
5. Иллюстрированный каталог книжных знаков частных библиотек, книжных магазинов и переплетных мастерских в фонде сектора редких изданий Национальной библиотеки Республики Адыгея. – Майкоп, 2015. – 87 с.
6. Гудыменко, Ю. Ю. Русская живопись XIX века : каталог коллекции / Ю. Ю. Гудыменко. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. – 424 с.
7. Соколова, И. А. Вкус коллекционера. Голландская и фламандская живопись XVI–XVII веков из собрания П. П. Семенова-Тян-Шанского / И. А. Соколова. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. – 280 с.
8. Государственный Русский музей. Генеральный каталог музейного собрания. Живопись :

в 15 т. – СПб. : Palace Edition, 1998–2015.

9. Маркова, В. Э. Италия VIII–XVI веков : собрание живописи / В. Э. Маркова. – М. : Галарт, 2002. – 336 с.
10. Немилова, И. С. О старых надписях на старых картинах / И. С. Немилова // Загадки старых мастеров. – М. : Изобразительное искусство, 1989. – С. 207–264.
11. Добрая палитра // Заветная нить поиска. – Омск : Омское книжное издательство, 1988. – С. 31–33.
12. Букреева, Е. М. История бытования трех живописных портретов Я. П. Кульнева из собраний Государственного Исторического музея и Государственного мемориального музея А. В. Суворова / Е. М. Букреева, А. Н. Лукирский, О. В. Сотчихина // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXI Международной научной конференции. – М., 2018. – С. 89–100.
13. Государственный Русский музей. Живопись. Первая половина XIX века (А–И). Каталог. – СПб.: Palace Edition, 2002. – 256 с.
14. Ausstellung deutscher Kunst aus der Zeit von 1775–1875 in der Königlichen National galerie, Berlin 1906. 2 Bände. – München : Verlag F. Bruckmann, 1906.
15. Государственный музей-усадьба «Архангельское» (ГМУА). – Инв. 1013-гф. – Galerie d'Archangelski 1827. – Т. 1.
16. ГМУА. – Инв. 1017-гф. – Galerie du palais de Moscou 1827.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 660. – Оп. 1. – Д. 34.
18. К.Р. (Константин Романов). Избранное : стихотворения, переводы, драма. – М. : Советская Россия, 1991. – 336 с.

Крейдун Юрий Александрович – доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры культуры и дизайна, Алтайский государственный университет (Барнаул), e-mail: krey70@mail.ru

Реутова Елена Михайловна – старший научный сотрудник, хранитель коллекции зарубежной живописи, Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля (Омск); аспирант, Алтайский государственный университет (Барнаул), e-mail: elenareu@mail.ru

Поступила в редакцию 27 июня 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230105

MARKS OF OWNERSHIP ON PAINTINGS IN THE CONTEXT OF THEIR HISTORY

Y. A. Kreydun¹, E. M. Reutova^{1,2}

¹Altai State University, Barnaul, Russian Federation

²Omsk Regional Museum of Fine Arts named after M. A. Vrubel, Omsk, Russian Federation

The article is devoted to marks of ownership on paintings which contain information on the history of the works.

The paper provides examples of common and rare marks of ownership. An attempt was made to systematize the marks. A source study was completed on their applications in recon-

structing the history of the paintings; the features of the marks of ownership as a historical source were identified. This aspect has not yet been thoroughly studied, which determines the relevance of our research.

The study, analysis, and interpretation of information from the identified inscriptions formed the basis of our conclusions on the high scientific value of marks of ownership as a historical source, which provide information on the same level as other written documents. This can serve as the starting point for further study. Reading and studying such inscriptions also provides the basis for broader scientific conclusions.

As a result of the study, previously unknown and unpublished marks of ownership were introduced into the literature.

Keywords: marks of ownership, painting, collection, existence, source.

References

1. Gollerbakh E.F. Kollektionerskiy znak [Collector's Badge] // *Sovetskiy kollektioner*. 1931. № 7. S. 185–190.
2. Chayanov A.V. Staraya zapadnaya gravюра. Kratkoe rukovodstvo dlya muzeynoy raboty [Old Western Engraving. A Brief Guide to Museum Work]. M., 1926. 95 s.
3. Vlasova O.V., Balashova E.L. Vldel'cheskie znaki na gravyrakh i litografiyakh: na materiale ot dela gravюry Gosudarstvennogo Russkogo muzeya [Ownership Marks on Engravings and Lithographs: Based on the Material of the Engraving Department of the State Russian Museum]. SPb., 2003. 148 s.
4. Grebenyuk T. B. Vldel'cheskie knizhnye znaki v otdel redkikh knig Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki. Katalog. Kn. 1–5 [Ownership Bookmarks in the Department of Rare Books of the Russian State Library. Catalog. Book. 1–5]. M., 2010–2021.
5. Ilyustrirovanny katalog knizhnykh znakov chastnykh bibliotek, knizhnykh magazinov i perepletnykh masterskikh v fonde sektora redkikh izdaniy Natsional'noy biblioteki Respubliki Adygeya [Illustrated Catalog of Book Signs of Private Libraries, Bookstores and Bookbinding Workshops in the Fund of the Sector of Rare Editions of the National Library of the Republic of Adygea]. Maykop, 2015. 87 s.
6. Gudymenko J. J. Russkaya zhivopis' XIX veka: katalog kollektsii [Russian Painting of the 19th Century: Collection Catalog]. SPb., 2017. 424 s.
7. Sokolova I.A. Vkus kollektsionera. Gollandskaya i flamandskaya zhivopis' XVI–XVII vekov iz sobraniya P. P. Semenova-Tjan-Shanskogo [Collector's Taste. Dutch and Flemish Paintings of the 16th–17th Centuries from the Collection of P. P. Semenov-Tyan-Shansky]. SPb., 2006. 280 s.
8. Gosudarstvennyy Russkiy muzej. General'nyy katalog muzejnogo sobraniya. Zhivopis': v 15 t. [State Russian Museum. General Catalog of the Museum Collection. Painting. In 15 Volumes]. SPb.: Palace Edition, 1998–2015.
9. Markova V.J. Italija VIII–XVI vekov. Sobranie zhivopisi Markova [Italy VIII–XVI Centuries. Collection of Paintings]. M.: Galart, 2002. 336 s.
10. Nemilova I.S. O staryh nadpisjah na staryh kartinah [About Old Inscriptions on Old Paintings // *Nemilova I. S. Zagadki staryh masterov*. M., 1989. S. 207–264.
11. Dobraya palitra [Good Palette] // *Zavetnaya nit' poiska*. Omsk, 1988. S. 31–33.
12. Bukreeva E.M., Lukirskiy A.N., Sotchiagina O.V. Istorija bytovaniya treh zhivopisnykh portretov J.P. Kul'neva iz sobranij Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja i Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeja A.V. Suvorova [The History of the Existence of Three Picturesque Portraits of Y.P. Kulnev from the Collections of the State Historical Museum and the State Memorial Museum of A.V. Suvorov] // *Otechestvennaya vojna 1812 goda: Istochniki. Pamjatniki. Problemy: materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. M., 2018. S. 89–100.
13. Gosudarstvennyy Russkiy muzej. Zhivopis'. Pervaya polovina XIX veka (A–I). [Katalog State Russian Museum. Painting. First Half of the 19th century (A–I). Catalog]. SPb.: Palace Edition, 2002. 256 s.
14. Ausstellung Deutscher Kunst aus der Zeit von 1775–1875 in der Königlichen National Galerie, Berlin 1906. 2 Bände. – München: Verlag F. Bruckmann, 1906.
15. Gosudarstvennyy muzej-usad'ba «Arhangel'skoe» (GMUA) [State Museum-Estate «Arkhangelskoe» (SMEA)]. Inv. 1013-gf. Galerie d'Arhangel'ski 1827. T. 1.
16. GMUA [SMEA]. Inv. 1017-gf. Galerie du palais de Moscou 1827.
17. Gosudarstvennyy arhiv Rossijskoj Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 660. Op. 1. D. 34.
18. K.R. (Konstantin Romanov). Izbrannoe: stihotvorenija, perevody, drama [K.R. (Konstantin Romanov). Favorites: poems, translations, drama]. M., 1991. 336 s.

Yuri A. Kreydun – D. Sc. (Art History), Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Design, Altai State University (Barnaul), e-mail: krey70@mail.ru

Elena M. Reutova – Senior Researcher, Curator of Foreign Painting, Omsk Regional Museum of Fine Arts named after M. A. Vrubel (Omsk); Postgraduate Student, The Altai State University (Barnaul), e-mail: elenareu@mail.ru

Received June 27, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Крейдун, Ю. А. Владельческие знаки на произведениях живописи в контексте их истории бытования / Ю. А. Крейдун, Е. М. Реутова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 39–47. DOI: 10.14529/ssh220105

FOR CITATION

Kreydun Y. A., Reutova E. M. Marks of Ownership on Paintings in the Context of their History. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 39–47. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220105

ТЕМБРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «СОНАТЫ С ДВУХ НОТ» ДЛЯ ДОМРЫ И ФОРТЕПИАНО Е. М. ПОПЛЯНОВОЙ

М. А. Лебедева

*Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск,
Российская Федерация*

В статье рассматривается творчество челябинского композитора Елены Михайловны Попляновой. Основное содержание исследования составляет анализ новой версии «Сонаты с двух нот» для домры и фортепиано в исполнительской редакции Марии Александровны Лебедевой. Цель статьи основывается на исследовании данного произведения, в определении тембровых особенностей ансамбля домры и фортепиано. Акцентируется по-новому воплощенные музыкальных образов благодаря применению сложных ритмов, скачков, динамических оттенков и использованию всех регистров в сольных партиях инструментов. Одним из важных элементов построения сонаты становятся индивидуальные особенности творческого мышления композитора, которые раскрывают художественный образ лирического и гротескового персонажей. В статье обращается внимание на ритмическую устойчивость, опорой которой становятся специфические артикуляционные и выразительные средства. Раскрыты главные аспекты: характерные черты жанра сонаты, черты концертности, содержание, композиционная структура. И самое главное – исполнение, выполнение задач музыкантом: координация действий рук и звукоизвлечение на домре выходят на первый план. Исполнение всех музыкальных приемов становится одним из основных способов передачи образного содержания «Сонаты с двух нот».

Ключевые слова: композитор, соната, домра, тембр, исполнительское искусство.

Введение

Композитор Елена Михайловна Поплянова родилась 11 июля 1961 года в Челябинске. В 1980 году окончила теоретическое отделение Челябинского музыкального училища им. П. И. Чайковского, класс композиции Ю. Е. Гальперина. Окончила Ленинградскую государственную консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова, класс профессора В. А. Успенского (1986). Член Союза композиторов России (1998), лауреат Всероссийского конкурса «Классическое наследие» (Москва, 2001), дипломант Всероссийского конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова» в номинации «Промышленность» (Москва, 2006). Е. М. Поплянова награждена медалью «За вклад в отечественную культуру» (Москва, 2006), грамотой Королевского посольства Дании за музыку к сказке Андерсена «Дюймовочка» (2006). Является заслуженным работником культуры РФ (2008).

Среди сочинений Е. М. Попляновой – опера-сказка для детей «Шагал один Чудак», одноактная опера по мотивам рассказов А. П. Чехова «Смерть чиновника, или эпизоды из жизни милостивейших государей», музыкальная сказка «Дюймовочка», симфония для камерного оркестра, «Русский концерт» памяти С. С. Прокофьева для фортепиано и камерного оркестра, соната для флейты и фортепиано, «Соната с двух нот» для фортепиано, Концерт для гитары и камерного оркестра, соната для шестиструнной гитары соло, десять пьес для гита-

ры соло, три прелюдии для флейты и гитары, «Румба» для ксилофона и оркестра русских народных инструментов, «Милонга. Танго. Румба» три пьесы для домры и фортепиано. Ею сочинены «Отче наш» для женского хора а capella, «Веселый праздник Пам-Парам» – кантата на стихи Н. Шилова для детского хора, солистов и фортепиано. Е. М. Поплянова является также автором «Песни Мэри» на стихи А. Пушкина из маленькой трагедии «Пир во время чумы», «Трех песен Лауры» на стихи М. Цветаевой, «Шести стихотворений Анны Ахматовой» для меццо-сопрано и фортепиано, а также музыки для детей «Тигр вышел погулять» – цикл песен на стихи Э. Успенского, музыки к спектаклю «Слоненок» по Р. Киплингу, «Ой, люшеньки-люшки», «Возвращайся, песенка!» – цикл песен на стихи В. Татаринова и т. д.

Целью данной статьи является анализ «Сонаты с двух нот» челябинского композитора Е. М. Попляновой, определение тембровых особенностей ансамбля домры и фортепиано. В ходе исследования решается ряд задач: раскрытие характеристики жанра «Сонаты с двух нот», ее содержания и структуры.

Обзор литературы

Тенденции развития репертуара для домры и первые шаги формирования репертуара подробно освещены в книге С. В. Семакова, И. Б. Семаковой [1, с. 316]. Концертный репертуар для домры огромен и включает в себя самые разные жанры, среди них интереснейшим представляется

жанр сонаты. Этот жанр привлекателен большим разнообразием драматургических и композиционных решений. В XX веке происходит воплощение сонаты в музыке для народных инструментов. Многообразие образцов жанра, а также специфика их решений позволяют говорить об определенной роли этого направления в эволюции сонаты.

Музыкальный язык «Сонаты с двух нот» Елены Попляновой для домры и фортепиано продолжает следовать лучшим традициям отечественной музыки, открывает новые тембровые возможности для развития творческой фантазии исполнителя и обогащает народно-исполнительское искусство новым репертуаром. Что касается исполнительства на домре, то оно опирается на две основные характеристики звукоизвлечения на инструменте: «...кантилену и техническую подвижность <...> токатность, маркатность, механичность, что позволяет отражать в произведениях для домры не только лирико-романтическую, народно-жанровую сферы, но и широкую палитру образов новейшей музыки» [2, с. 11].

Столь широкое распространение жанра позволяет говорить о сонате для народных инструментов как о самостоятельном направлении в целом. Обладая специфическими чертами и высокохудожественным взглядом, соната должна занять достойное место в истории развития жанра в XX–XXI веках. Соната – камерный жанр, который максимально раскрывает возможности домры как академического инструмента. Индивидуальные свойства творческого мышления композитора обогащают художественный образ, драматургию, проникают в тончайшие сферы внутреннего мира человека. По поводу этого есть высказывание кандидата искусствоведения Е. А. Моревой: «Сонатная форма как образец драматургии становится композиционной идеей в тех инструментальных произведениях, где необходимо отражение наиболее сложных музыкально речевых смысловых взаимодействий» [3, с. 140]. Сюжетность раскрывается за счет анализа музыкального произведения.

«Соната с двух нот» была написана челябинским композитором Еленой Михайловной Попляновой в 2000 году для фортепиано, затем композитор сделала ее версию для дуэта флейты и фортепиано. И сегодня эта соната звучит на домре, версия и исполнительская редакция нот с согласия автора сделаны мною, Марией Александровной Лебедевой, лауреатом международных конкурсов, солисткой Государственного русского народного оркестра «Малахит», исполнительницей на домре. Вот что говорила о сонате в своей книге Т. М. Синцакая: «...с точки зрения композиторской техники

в этом сочинении существует жесткий принцип самоограничения: минимум тематических элементов в сочетании с многообразием вариантов их развития» [4, с. 268].

Елена Михайловна Поплянова прокомментировала свое сочинение так: «Из двух беззаботных нот, как из деталей мозаики, складывается тема и оживает образ. Он непредсказуем, изменчив и динамичен. Рассыпаясь и складываясь в новый образ, тема как бы примеряет на себя различные маски: злодея и добродетеля, лирического и гротескового персонажей. Они спорят и взаимодействуют, сопротивляются друг другу и сочувствуют... Как от порыва ветра разлетаются во все стороны детали бумажной мозаики, так к финалу сонаты рассыпаются осколки темы по всему диапазону рояля и домры. Когда соната возвращает нас к двум первоначальным нотам. Только теперь они не кажутся такими уж бесхитростными...»

Методы исследования

В основу методологии исследования входит комплекс теоретических и эмпирических методов, где комплексный и сравнительный анализы позволяют раскрыть структуру, содержание образов и тембровые особенности «Сонаты с двух нот» для домры и фортепиано Е. М. Попляновой.

Результаты и дискуссия

Одночастная «Соната с двух нот» для домры и фортепиано – это современное прочтение произведения, с включением новых ритмических формул, к которым относятся принципы временной нерегулярности, аperiodичности в противоположность принципам тактометричности. Асимметричные размеры 5/16, 7/16, 9/16 требуют от исполнителя четкой ритмической пульсации, внимательности и легкости. Сложные ритмы подразумевают правильное распределение ударов, это касается координации и смен струн. «Поскольку звукоизвлечение на домре осуществляется двумя руками одновременно, большое значение в этих условиях приобретает координация действий рук в различных приемах, <...> совпадение во времени импульсов-контактов левой и правой руки в быстрых темпах, изменение траектории движения правой руки при соединении звуков на разных струнах» [5, с. 113]. Именно при помощи координации и соблюдения правил исполнения ударов на домре можно достигнуть сложных асимметричных размеров в исполнении «Сонаты с двух нот».

Для открытия индивидуального образа композитора необходимо знать закономерности строения музыкальных форм, трактовки жанра сонаты, стиль. «Пути эволюции сонатной формы в современной музыке были различными, что привело к появлению многочисленных “сонатных” разно-

видностей. Сонатные формы Шенберга, Веберна, Хиндемита, Шостаковича или Лютославского различительно отличаются друг от друга материалом, принципами его развития, структурой, функциональными отношениями разделов и т. п. Порой кажется, что перед нами не разновидности одной и той же типовой формы, а формы качественно разные, не имеющие между собой точек соприкосновения. <...> Так возникают формы, подобные сонатной лишь по структуре, но кардинальным образом переосмысливающие ее функциональность, – формы, структурно эквивалентные сонатной» [6, с. 46].

Каждый композитор видит свое произведение осознанно и индивидуально, потому что вынашивает его, прежде чем приступить к работе. От его решения зависит все: идея сочинения, образы, а в дальнейшем восприятие музыки слушателями. Интересным решением композитора Елены Попляновой является развернутое вступление (рис. 1, 2), где представлено соло двух инструментов: домры (22т) и фортепиано (17т). Развернутые вступления среди классических инструментальных сонат впервые появились у Л. Бетховена в 8-й «Патетической». В сонате Попляновой из 2 нот постепенно, как из разноцветных стеклышек мозаики, складывается тема вступления, присоединяются ритмические мотивы, из которых сольются два солирующих инструмента в главной партии. Можно смело сказать, что в сонате присутствуют признаки концертности, которые определяются как солирующие и самостоятельные для двух инструментов, подтверждающих наличие принципов инструментального контраста, типичные для жанра концерта.

Тембровые особенности двух солирующих инструментов воплощаются за счет сложных ритмов и звуковой высоты: домра – верхний регистр, фортепиано – низкий. В таком сочетании регистров (верхний, низкий), отчетливо слышны мелодические и стилевые линии в ансамбле домры и фортепиано. Тембру сегодня уделяется большое внимание. «Тембр – один из самых существенных компонентов музыкальной системы XX века. Становясь по значимости в один ряд с такими элементами, как гармония, ритмика, тембр выступает не только мощным формообразующим, но зачастую и темообразующим, а подчас и стилеобразующим фактором» [7, с. 3].

Главная тема продолжает развитие, которое было задумано во вступлении. Тема является носителем образного драматургического содержания и основой всего произведения, своего рода доминирующим «ядром». Художественные образы и интонационная насыщенность темы, несомненно, способствуют выявлению

темброколеристических особенностей инструментов. Активная ритмическая моторика, ясное осознание движения каждого звука выстраивают смысловой порядок. «Интонация как материальный носитель художественного смысла, как единство содержания и формы не может быть ограничена определенными конструктивными рамками. В художественном произведении интонационно все, все его элементы: и мелодия, и гармония, и форма, и инструментовка, и т. д.» [8, с. 12]. Главную тему сонаты Попляновой можно охарактеризовать как скерцо, игривое, легкое, задорное, именно эти черты придают теме скачки, как в партии домры, так и фортепиано.

По мнению Б. В. Асафьева: «Понятие тема – глубоко диалектично. Тема – одновременно и себедовлеющий четкий образ, и динамически “взрывчатый” элемент. Тема – и толчок и утверждение. Тема концентрирует в себе энергию движения и определяет его характер и направление. Несмотря, однако, на свое главное свойство – рельефность, тема обладает способностью к различным метаморфозам. Ее функции – контрастны. Своим становлением тема вызывает отрицающие ее новые образы и, противопоставляя им, утверждает себя. Тема – это яркая, находчивая творческая мысль, богатая выводами идея, в которой противоречие является движущей силой» [9, с. 121]. И с этим высказыванием невозможно не согласиться.

Побочная партия совершенно иная, она не игривая, не шутивная, а лирическая, размер 6/8 (10т). Первая тема – ровная пульсация восьмых в партии фортепиано и тремоло в партии домры, которые рожают новый темброво-лирический образ. В мелодике темы слышны отголоски главной партии – это скачки. Вторая драматургическая сфера функционально подчинена главной. Побочная партия статична, что структурно отражено в ее замкнутой трехчастности. Вторая тема, размер 3/8 (22т), неожиданно появляется в побочной партии и напоминает основной образ. Эта тема полностью идентична теме, которая будет во втором разделе разработки. Третья тема вновь лирическая (как первая), размер 6/8 (9т).

Замечательная по мастерству выполнения разработка динамична. Она состоит из 2 разделов, которые имеют интенсивное развитие. Первый раздел очень мощный по фактуре, его тембровые функции достигают огромной остроты благодаря низкому диапазону фортепиано (от большой октавы до субконтроктавы) и верхнему диапазону домры (третья октава). Геннадий Баншиков считает, что «...различные одновременно звучащие функции ткани должны отличаться друг от друга своим тембровым оснащением или характером зву-

чания» [10, с. 31]. Видимо, можно говорить о тембровом контрасте.

Функции артикуляции многогранны и зачастую связаны с ритмом, темпом, динамикой, тембром и другими музыкально-выразительными средствами. В данной сонате важную роль играет артикуляция ритма, которая подчинена общему характеру, пульсу и стилю исполняемого произведения. И. Браудо утверждал, что «...под артикуляцией разумеется искусство исполнять музыку, и прежде всего мелодию, с той или иной степенью расчлененности или связанности ее тонов, искусство использовать в исполнении все многообразие приемов легато и стакато» [11, с. 3].

Артикуляционное искусство ритма опирается на специфические артикуляционные выразительные средства. Эти средства произношения помогают исполнителю овладеть вниманием слушателя. Новые ритмические решения, фортиссимо и широкий диапазон инструментов придают напряженное столкновение, приводящее к яркой кульминации. Данная драматургия – «сонатный стержень» произведения. «Особую значимость для исторических построений приобретают выявленные инструментоведами закономерности взаимосвязи между конструкцией, эргологией, способом употребления инструментов и артикуляционными, интонационными, ритмическими, композиционными особенностями исполняемой на них музыки, а всего ее комплекса – с артикуляцией, фонетикой, ритмикой, лексикой и структурой речи. Человек играющий (*homo ludens*) ведь одновременно – и человек говорящий (*homo movens*)» [12, с. 12].

Второй раздел разработки в сочинении Елены Попляновой более спокойный, страсть постепенно затихает и растворяется на *piano*. Если говорить об интерпретации музыкального произведения, то реальное звучание обретает соната только в процессе исполнения. Отличительной чертой интерпретации является гармония и красочность оттенков, а динамическая палитра отличается многообразием в области как *forte*, так и *piano*. Также важны приемы исполнительской техники (штрихи, атака звука, темп). Правильное артикуляционное интонирование нотного текста, раскрытие художественного содержания является главной задачей исполнителя. «Осуществление артикуляционных приемов требует громадной чуткости и точности. Малейшее изменение меры – и штрих, задачей которого было выявление смысла музыки, превращается в свою противоположность – он затемняет смысл музыки. Знаменитое чуть-чуть с необычайной яркостью проявляет свое действие в искусстве артикуляции» [11, с. 193–194].

Артикуляция здесь играет важную роль, правильную подачу звука в ансамбле домры

и фортепиано. Подтверждение этого тезиса есть в работе М. Имханицкого: «Яркое артикуляционное проявление чувства исполнителями, в свою очередь, оказывает воздействие на само его усиление. Интенсивность акцентности в исполнительском проявлении моторики не только рождает и усиливает слушательскую энергию. <...> Чем активнее звукообразование, тем оно сильнее в своем воздействии на всю нервную и мускульную системы исполнителя. Соответственно, явно проявится и его реакция на выражение им же деликатной пластики “взятия” звука» [13, с. 115].

Совершенно иная форма представлена в репризе Еленой Михайловной Попляновой. Происходит модификация экспозиции. Главная партия имеет развитие, звучит по-новому и включает в себя элементы заключительной темы, которая появится после побочной партии. Несколько изменена побочная партия, в ней всего 8 тактов, но лирический образ сохранился. Появление заключительной партии в конце репризы можно считать новым элементом, т. к. в экспозиции заключительной партии не было. Композитор Елена Поплянова специально добавила в раздел репризы заключительную партию, которая не завершает раздел, а продолжает интенсивное ритмическое движение. Новая тема звучит как напоминание, сохранив в себе элементы главной партии из экспозиции, затем идет второе проведение заключительной партии, только на секунду вверх, прием скольжения на домре (*gliss*) помогает постепенно растворить все звуки до полного исчезновения на *pp*. Глиссандо – музыкальный штрих, который является тембровым оттенком, как колористический эффект.

Функциональный раздел коды – смысловая нагрузка для весомого заключения, результат, высказывание, вывод из всего произведения. Строевание коды имеет два раздела. Первый раздел (10т) построен на побочной партии, который возвращает теме черты лирического образа. Финальный раздел коды наполнен совершенно другими красками. Совсем иное видение и решение 2 беззаботных нот, которые рассыпаются по всему диапазону домры и роаяля. Таким образом, «Воплощение музыкального образа достигается данным звуковысотным текстом в единстве с данным тембром... замысел автора обуславливает музыкальный образ во всех его закономерностях, в том числе и тембровой» [14, с. 21]. Не нужно забывать о человеческих качествах в музыкальном пространстве, ведь каждый композитор, музыкант-исполнитель, дирижер вносят открытия и находки в мировой поток музыки. Бертольд Ауэрбах, немецкий писатель XIX века, считал: «Музыка одна является мировым языком и не нуждается в переводе, ибо говорит душе» [15, с. 213].

Соната с двух нот

Исполнительская редакция М. Лебедевой
Е. Поплянова

Домра, играючи (♩ = 120)

Домра

Ф-но

5

9

Fig. 1. Elena Poplyanova. Sonata with two notes for domra and piano. Domra intro

14

19

24

и фортепиано. Вступление фортепиано
Fig. 2. Elena Poplyanova. Sonata with two notes for domra and piano. piano a intro

Выводы

Композитор Елена Михайловна Поплянова предприняла попытку симфонизации жанра сонаты. Стиль и направление композиционной структуры «Сонаты с двух нот» можно смело назвать минимализмом. Путь индивидуальных особенностей композиторской техники и раскрытие содержания в единстве с формой проходят через лаконичность и легкость выразительных средств, динамических оттенков, которые играют важную роль в раскрытии образов, от *ff* до *pp*. Использование двух нот приводит к алгоритму развертывания всех разделов сонаты.

«Соната с двух нот» имеет четкую форму, драматургическое развитие, присутствие театральной концертности в содержании, что говорит об образности и характерности музыкальных воплощений. Стилевая специфика достигается за счет ритмической устойчивости и разнообразия скачков, если говорить о тесситуре, то использован весь диапазон домры и фортепиано. Яркие тембровые особенности ансамбля домры и фортепиано достигаются за счет приемов игры, ритма, динамики, регистров. Исполнительский анализ сонаты имеет и теоретическую значимость, а она позволяет выявить особенности стиля композитора Елены Попляновой.

Если говорить об исполнительских задачах, то ритмическая устойчивость выходит на первый план, а затем следует воплощение лирических образов. Исполнитель должен обладать большим темпераментом, проникновенностью, техникой, чтобы охватить все многообразие красок произведения.

Литература

1. Семаков, С. В. Домра в России: из истории становления и развития музыкального инструмента / С. В. Семаков, И. Б. Семакова. – Петрозаводск, 2022. – 470 с.
2. Волчков, Е. А. Концерт для трехструнной домры в творчестве отечественных композиторов : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Е. А. Волчков. – Ростов-н/Д. : РИО РГЛ им. С. В. Рахманинова, 2011. – 26 с.
3. Морева, Е. А. Соната как вид музыкально-

речевой практики: структурный подход / Е. А. Морева // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 11 (16). – С. 137–142.

4. Синецкая, Т. М. Композиторы Южного Урала / Т. М. Синецкая. – Челябинск : Дом печати, 2003. – 352 с.

5. Зеленый, В. П. О звукоизвлечении на домре. Классификация артикуляционных обозначений и приемов игры / В. П. Зеленый // Русские народные инструменты (история, теория, методика) : сборник научных статей. – Красноярск, 1993. – С. 100–119.

6. Рыжкова, Н. О некоторых тенденциях формообразования в современной советской музыке / Н. Рыжкова // Традиции музыкального искусства и музыкальная практика современности : сборник научных трудов. – Л., 1981. – С. 43–59.

7. Манафова, М. М. Темброкolorистические свойства оркестровой ткани в музыке второй половины XX века (на примере творчества Э. Денисова) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / М. М. Манафова. – СПб., 2011. – 22 с.

8. Ручьевская, Е. А. Функции музыкальной темы / Е. А. Ручьевская. – Л., 1977. – 158 с.

9. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев. – Л., 1971. – 376 с.

10. Банщиков, Г. Основы функциональной инструментовки / Г. Банщиков. – 2-е изд. – СПб., 1999. – 240 с.

11. Браудо, И. Артикуляция (о произношении мелодии) / И. Браудо. – Л., 1961. – 199 с.

12. Мацеевский, И. В. Инструментализм и этнокультурная история / И. В. Мацеевский // Вопросы инструментоведения : материалы Шестой Международной инструментоведческой конференции «Благодатовские чтения». Вып. 6. – СПб., 2010. – С. 8–12.

13. Имханицкий, М. И. Новое об артикуляции и шприхах в музыкальном интонировании / М. И. Имханицкий. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2014. – 232 с.

14. Веприк, А. Трактовка инструментов оркестра / А. Веприк. – М., 1961. – 300 с.

15. Энциклопедия мысли : сборник мыслей, изречений, афоризмов. – М. : ГЕРРА : Книжная лавка – РТР, 1996. – 496 с.

Лебедева Мария Александровна – солистка государственного русского народного оркестра «Малахит», Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: lebedevadomra3x@mail.ru. ORCID 0000-0001-5594-5907

Поступила в редакцию 27 июня 2022 г.

**TIMBRE FEATURES OF THE «SONATA WITH TWO NOTES»
FOR DOMRA AND PIANO, BY ELENA POPLYANOVA****M. A. Lebedeva***Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation*

This article examines the work of the Chelyabinsk composer Elena Mikhailovna Poplyanova. The main content of the study is the analysis of a new version of «Sonata with two notes» for domra and piano in the performed version of Maria Lebedeva. The article is based on the analysis of this work, determining the timbre features of the ensemble of domra and piano. The composer's desire to feel the embodiment of musical images in a new way is emphasized, thanks to the use of complex rhythms, jumps, dynamic shades and the use of all registers in the solo parts of the instruments. One of the important elements of the construction of the sonata is the individual properties of the creative thinking of the composer, which reveals the artistic image of lyrical and grotesque characters. The article emphasizes the peculiarity of the rhythmic stability, where specific articulatory expressive means become a support. The main aspects revealed are the characteristic features of the sonata genre, the features of concerto, the content, and the compositional structure. Most important is the performance: what tasks are set for the musicians, the coordination of hand actions and sound extraction on the domra come to the fore. The performance of all musical techniques becomes one of the main ways to convey the figurative content of the «Sonata from Two Notes».

Keywords: composer, sonata, domra, timbre, performing arts.

References

1. Semakov S.V., Semakova I. B. Domra v Rossii: iz istorii stanovleniya i razvitiya muzykal'nogo instrumenta [Domra in Russia: from the History of the Formation and Development of a Musical Instrument]. Petrozavodsk, 2022. 470 s.
2. Volchkov E.A. Kontsert dlya trekhstrunnoy domry v tvorchestve otechestvennykh kompozitorov [Concert for Three-Stringed Domra in the Works of Domestic Composers]: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniy. Rostov-n/D., 2011. 26 s.
3. Moreva E.A. Sonata kak vid muzykal'no-rechevoy praktiki: strukturnyy podkhod [Sonata as a Type of Musical Speech Practice: A Structural Approach] // *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*. 2016. S. 137–142.
4. Sinetskaya T.M. Kompozitory Yuzhnogo Urala [Composers of the Southern Urals]. Chelyabinsk: Dompechaty, 2003. 352 s.
5. Zelenyi V.P. O znodoizlecheniya na domre. Classification of articulatory designations and techniques of the game [About Sound Extraction on Domra. Classification of Articulatory Designations and Playing Techniques]. Krasnoyarsk, 1993. S. 100–119.
6. Ryzhkova N. O nekotorykh tendentsiyakh formoobrazovaniya v sovremennoy sovetskoy muzyke [About Some Tendencies of Shaping in Contemporary Soviet Music]. Leningrad, 1981. S. 43–59.
7. Manafova M. M. Tembrcoloristicheskie sobsti orcheskoi fabrica v muzyka vtoraya polya XX veka (na priem tvorchestva E. Denisova) [Timbrocoloristic Properties of Orchestral Fabric in the Music of the Second Half of the Twentieth Century]. SPb., 2011. 22 s.
8. Ruchievskaya E. A. Funktsii muzykal'noy temy [Theme Music Function]. L., 1977. 158 s.
9. Asaf'ev B.V. Muzykal'naya formaka kak protsess [Music Form as a Process]. Leningrad, 1971. 376 s.
10. Banshchikov G. Osnovy faktivnoi instrumentki [Fundamentals of Functional Instrumentation]. 2-e izd. SPb., 1999. 240 s.
11. Braudo I. Artikulyatsiya (o proiznoshenii melodii) [Articulation (on the Pronunciation of a Melody)]. L., 1961. 199 s.
12. Matsievskiy. I. V. Instrumentalizm i etnokul'turnaya istoriya [Instrumentalism and Ethnocultural History]. SPb., 2010. S. 8–12.
13. Imkhanitskiy M.I. Novoe o articulatsii i shtrikih v muzykal'nogo intonation [What's New about Articulation and Strokes in Musical Intonation]. M.: RAM im. Gnesinykh, 2014. 232 s.
14. Veprik A. Traktovka instrumentov orkestra [Interpretation of Instruments on Domra]. M., 1961. 300 s.
15. Entsiklopediya mysli : sbornik mysley, izrecheniy, aforizmov [Collection of Thoughts, Sayings, Aphorisms]. M.: TERRA: Bookshop – RTR, 1996. 496 s.

Maria A. Lebedeva – Soloist of the State Russian Folk Orchestra «Malachite», Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: lebedevadomra3x@mail.ru

Received June 27, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Лебедева, М. А. Тембровые особенности «Сонаты с двух нот» для домры и фортепиано Е. М. Попляновой / М. А. Лебедева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 48–55. DOI: 10.14529/ssh230106

FOR CITATION

Lebedeva M. A. Timbre Features of the «Sonata with Two Notes» for Domra and Piano, by Elena Poplyanova. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 48–55. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230106

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ТВОРЧЕСТВЕ КИТАЙСКОГО ЖИВОПИСЦА ЦЗИНЬ ШАНЬИ

Тяньцюань Лю

Институт национального искусства и культурной политики КНР, г. Пекин, Китайская Народная Республика

В статье рассматривается творчество китайского художника Цзинь Шань (р. 1934) – одного из родоначальников масляной живописи в Китае. Творческие эксперименты мастера, знание европейских традиций в области изобразительного искусства, а также освоение русской художественной школы вписали имя Цзинь Шань в галерею лучших художников современного Китая. В статье рассматриваются основные направления творчества мастера, упоминаются самые яркие работы в его художественном наследии, анализируются этапы развития таланта. Важным аспектом изучения творчества художника является обращение к его литературным записям, направленным на анализ творческих задач, которые ставил перед собой Цзинь Шань. Изучая язык масляной живописи, активно внедряя данную технику в художественное образование своей страны, Цзинь Шань сумел рационально переосмыслить и выделить самое ценное в западноевропейской реалистической системе, в российском реализме и западноевропейском модернизме. Важнейший итог его творчества состоит в том, что он постоянно находился в диалоге с национальными традициями Китая. Его собственные художественные исследования привели к появлению нового стиля «неоклассики», который в дальнейшем приобрел широкую популярность в живописном искусстве Китая.

Ключевые слова: Цзинь Шань, китайское изобразительное искусство, живопись, модерн, художник, Китай, советское искусство, творческий эксперимент, копирование.

Введение

Разностороннее внимание к китайскому искусству в российском искусствознании повышается по мере усиления взаимодействия двух великих культур в творчестве, науке, политике, экономике, промышленности. Вопрос выявления и анализа процессов взаимовлияния китайской и российской художественных школ рассматривается исследователями в разных аспектах, но до сих пор не исчерпан. В связи с этим обращение к жизни и творчеству Цзинь Шань (р. 1934) – ведущего мастера второй половины XX века, бывшего ректора Пекинской академии изящных искусств (CAFA, 1987–2001) – представляет актуальный научный интерес, так как является ярким примером творческого взаимодействия китайских мастеров с российскими и общеевропейскими традициями, показывает основные этапы развития масляной живописи в Китае. В данной статье вводятся в научный обиход и анализируются материалы, практически неизвестные в российском контексте, потому что принадлежат преимущественно китайским ученым. Кроме того, используются цитаты из воспоминаний художника, переведенные автором исследования, что значительно расширяет представление о масштабах уникальной личности живописца Цзинь Шань. Цель данного исследования – показать неопределимый вклад живописца в развитие изобразительного искусства Китая XX – начала XXI века и технику китайской масляной живописи. Следовательно, задачами становятся выявление основных этапов его творчества и определение ключевых аспектов влияний, заимствований и пе-

реработок различных тенденций искусства Запада и России на основе китайского мироощущения.

Обзор литературы

Сначала советское, а позже российское искусство оказало значительное влияние на китайских мастеров, работающих в технике маслом. В течение нескольких десятков лет многие специалисты проводили междисциплинарные исследования китайского искусства в целом, а также отдельных проблем сложения искусства масляной живописи. Из наиболее фундаментальных трудов российско-го искусствознания отметим работы Н. Виноградовой [1]. Западноевропейская традиция изучения китайского искусства наиболее интересно представлена в трудах коллекционера и искусствоведа Майкла Салливана [2]. Основательный труд по истории китайской живописи принадлежит Юй Дин и Чжао Ли, несмотря на то что в основном рассматривается традиционное искусство, в искусстве XX века выделяется роль художника Цзинь Шань [3]. С разных ракурсов советско-китайские художественные связи и история китайской живописи XX века изучались такими учеными, как Л. Кузьменко, М. Неглинская, Т. Пострелова, К. Разумовский. Также отметим наиболее важные труды китайских исследователей, таких как Лю Никан, Лю Чунь, Люй Пэн, Чжао Ли и Юй Дин. Многие из них обозначают вклад художника Цзинь Шань в развитие китайской культуры XX века в целом и масляной живописи в частности. Основные этапы истории развития масляной живописи в Китае рассматривает Шуй Чжоутянь [4].

Методы исследования

Методы исследования современного китайского искусства достаточно серьезно проработаны в публикациях молодых китайских ученых, окончивших аспирантуры в российских вузах, например: Му Кэ «Проблемы становления и развития станковой живописи в китайском искусстве XX века» [5]; Чэнь Чжэнвэй «Китайская реалистическая живопись XX века» [6], который ориентируется на процессы взаимодействия с российской школой; Ван Фэй «Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса» [7]. Применяемый в данной работе сравнительно-исторический анализ позволяет характеризовать и объяснять различные причины появления отдельных тенденций в творчестве Цзинь Шаньи, а комплексный искусствоведческий анализ отдельных произведений масляной живописи раскрывает их своеобразие и уникальность.

Результаты и дискуссия

Художник Цзинь Шаньи получил серьезное профессиональное образование в области академической живописи, окончив сначала среднюю школу при Центральной академии изящных искусств, а затем магистратуру. В 1954 году он, будучи аспирантом, впервые написал этюд маслом, назвав его «Ученица средней школы» (рис. 1). Примечательно, что эта работа была создана в студенческом общежитии. Цзинь Шаньи осваивал технику масляной живописи самостоятельно, потому что основными профессиональными дисциплинами китайских студентов в то время были акварель и традиционные изобразительные техники. Национальная художественная система образования не предусматривала преподавания студентам тонкости цветовых отношений в работе маслом, поэтому Цзинь Шаньи в области цветоведения полагался только на собственное чутье и вкус.

В следующий год после создания «Ученицы средней школы» молодой живописец обучался на двухгодичных курсах масляной живописи художника Максимова, который учил в Пекине молодых людей по методу Павла Чистякова¹. Позже Цзинь Шаньи вспоминал, что в магистратуре он обучался по французской системе, представленной Сюй Бэйхуном, в которой большое внимание уделялось анатомии, пространству, объему. При всех плюсах «французской школы» у нее был существенный недостаток – в ней отсутствовало понятие «композиция». Как только Цзинь Шаньи стал изучать живопись по русской методике, у него радикально изменился подход к наблюдению. Картина, как он говорил, «переместилась» с по-

верхности «на внутреннюю сторону», т. е. стала раскрывать внутренний мир художника. Благодаря школе Максимова молодой китайский мастер получил крепкие знания в области эскиза, масляной живописи, но самое главное – цветоведения. По его признанию, до этого он не понимал отношений цветов.

Рис. 1. Цзинь Шаньи. Ученица средней школы. 1954. Размер не известен. Холст, масло²

Fig. 1. Jin Shanyi. High school student. 1954. Size unknown. Oil on canvas

После 1956 года основным способом работы для Цзинь Шаньи стало рисование с натуры. Он считал, что использование пейзажей и людей в качестве объектов изображения дает очень богатые и интересные возможности для масляной живописи. Этому методу он оставался верен до конца своей жизни, считая, что натура позволяет выстроить правильные взаимосвязи между цветовой и формальной композицией, и если цветовые отношения найдены правильно, то другие соотношения тоже будут верны.

В 1950-х годах система художественного образования Китая переживала процесс реформирования, который был связан и с введением основ масляной живописи, и с овладением рисования с натуры, и с освоением метода копирования. Цзинь Шаньи поддержал эту реформу, в результате чего техника масляной живописи через достаточно непродолжительное время стала считаться классической в китайском изобразительном искусстве.

Цзинь Шаньи, приветствуя эти нововведения, особенное внимание уделил копийной практике. Он полагал, что хорошая копия, написанная маслом, дает замечательный опыт работы и над композицией, и над цветовыми отношениями. Одна

¹ 1950–1960-е годы были уникальным периодом развития китайского реализма в масляной живописи, что связано с преподаванием в КНР Константина Мефодьевича Максимова (1913–1994), советского живописца, педагога, Народного художника РСФСР, Лауреата Сталинских премий (1950, 1952). Максимов в обучении применял методику П. П. Чистякова. Многие одаренные студенты в эти годы получали образование в СССР.

² Все представленные в статье репродукции картин художника взяты из открытого интернет-источника: URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1714740057438828839&wfr=spider&for=p_

из самых интересных копий художника, относящаяся к этому времени, связана с холстом «Статуя Цзинь Цзинхана» кисти советского художника Мельникова. Как позже вспоминал Цзинь Шаньши, в период работы над полотном собственная копия его вполне удовлетворяла, но по прошествии времени он увидел в ней много проблем, связанных с непохожестью на оригинал.

Работая в технике копирования, Цзинь Шаньши считал, что этот метод сосредотачивает внимание художника на решении цветовых проблем, поэтому он поставил перед собой задачу – совершенствовать свои навыки в этом направлении. Он предпринял поездку в Дуньхуан, чтобы скопировать древние фрески и погрузиться в традиционные методы китайской живописи для обретения новых знаний и расширения своего мастерства. Отметим, что старинные фрески Дуньхуана были повреждены, почернели от дыма, но богатство пятен на стенах привлекло его, и он реалистичным методом в масляной живописи полностью воспроизвел фрески.

Прикоснувшись к национальному искусству, Цзинь Шаньши отмечал, что европейское искусство, хоть и создано усилиями разных стран, тем не менее, имеет целостное единообразие, схожее направление творческого мышления. Различия между искусством, например, поляков, немцев, англичан незначительны, общего больше, чем различий. Это же рассуждение распространяется на русское искусство, созданное из синтеза европейских традиций, привезенных французскими и итальянскими мастерами, приглашенными Петром Первым. Восточное искусство разительно отличается от западного, рассуждал Цзинь Шаньши. Это различие он прослеживал на примере китайского искусства: «На развитие китайской масляной живописи повлияли три периода. На первом этапе она была заимствована из Японии, потому что художникам было удобнее учиться в этой стране; позже большое количество китайцев стало обучаться во Франции, в 50-е годы – в Советском Союзе. Однако, в отличие от Японии, Советский Союз, а затем Россия были европейскими странами, православными, и их искусство было в основном западным, как и искусство Франции и Италии. Россия, конечно, развивалась позже Европы, и только после Петра Великого она начала созидаться быстрыми темпами. Таким образом, масляная живопись “пришла” в Китай из Италии позже, чем из Японии, Франции и России, хотя здесь она осваивалась дольше всего. Таким образом, говоря о масляной живописи, можно заметить, что история ее отличается в разных странах, уровень масляной живописи в России слабее чем на западе, но в то же время он намного выше, чем в Японии. Когда я учился в школе и работал, я многое почерпнул из русской культуры. Мы слушали музыку Чайковского. Смотрели советские фильмы, чи-

тали русскую литературу, такую как “Маленькая береза”, “Белые ночи”, “Война и мир”. А также ходили на балеты “Лебединое озеро”, “Щелкунчик” и другие» (Из дневников Цзинь Шаньши. На китайском языке. *Здесь и далее перевод автора статьи*) [8].

Период 1960–1970-х годов является этапом творческой зрелости мастера масляной живописи Цзинь Шаньши. Он обрел известность как художник, который большое внимание уделял революционной и исторической тематике. Однако десятилетием позже в жизни художника произошла поездка, которая заставила его пересмотреть свои живописные подходы.

Так, в 1981 году он приехал в США и посетил крупные музеи страны. Анализируя работы выдающихся европейских мастеров, он сделал вывод, что его искусство сильно проигрывает уровню европейских живописцев. Причина, по его мнению, заключалась в выражении формы и цвета. Изучив общепризнанные шедевры, он понял, что необходима тщательная проработка объема. Импрессионистический метод прямого рисования, апологетом которого он был много лет, наносил урон моделированию формы. Поэтому он пришел к необходимости четко наносить контур фигуры так, чтобы тело было изображено в развороте и в объеме, о чем он пишет в своих записках [9, с. 27].

Использование китайских элементов в масляной живописи Цзинь Шаньши началось в начале 1980-х годов. В своих работах он пытался исследовать традиционные национальные формы и выражать плоские декоративные эффекты. В таких картинах, как «Возвращение за границу», «Мысли» и «Исследование» (рис. 2), он использовал фрески дворца Юнлэ в качестве фона. Такой декоративный подход нередко применялся в традиционном искусстве Поднебесной. Об этих фресках Династии Сун китайские ученые говорят, что художники, которые могли сделать это в древние времена, выражали свой естественный дух и эмоции не намеренно, не специально, но очень глубоко и серьезно. Данное искусство называют живописью Се-и. [10]. На этом этапе Цзинь Шаньши нацелил свои исследования на сочетание китайской живописи Се-и и масляной живописи. Стиль Се-и рождается из духовных ресурсов традиционной китайской культуры и является важным фактором, составляющим независимость и уникальность китайского искусства. Сознательное понимание и чувство ответственности за общее развитие китайской масляной живописи заставило его снова использовать свои собственные художественные эксперименты. Чтобы ответить на основные вопросы, поднятые временем, а именно на задачу сохранения национальных традиций, Цзинь Шаньши пытается создать синтез, который унаследован от традиционной китайской культуры, прежде всего от обра-

зов и языковой системы, связанной с ценностной структурой Се-и, и воплощен в западной форме живописи.

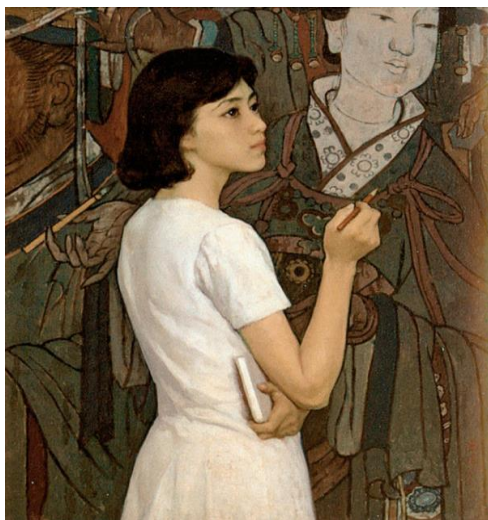

Рис. 2. Цзинь Шаньи. Исследование. 1980.
Холст, масло. 81×66

Fig. 2. Jin Shanyi. Exploration. 1980. Oil on canvas. 81×66

В 1983 году работа Цзинь Шаньи «Таджикская невеста» (рис. 3) привлекла большое внимание. Причина такого сенсационного эффекта заключалась главным образом в том, что в картине используется классическая форма, композиция формируется большими объемами и с красочной силой, которые показывают лучшие качества владения художественным языком масляной живописи. Систематически изучая классическую европейскую живопись, Цзинь Шаньи сосредотачивает внимание на силуэте, так что абрис не только определяет видимую форму, но и подразумевает скрытую форму, то, что он сам назвал «невидимой стороной, которая поворачивается» [11, с. 57] Такое глубокое сознательное исследование контурных линий формы возможно только после просмотра большого количества известных европейских картин. Этот стиль, который будущие поколения назовут «неоклассическим», является естественным результатом того, что Цзинь Шаньи сочетает знания с эмоциями, в процессе рационального изучения западной системы моделирования масляной живописи стремится к идеальной красоте.

Мастер работал над полотнами, в которых гармонично синтезировал западные и восточные изобразительные традиции. В конце XX века такой творческий прием был новаторским, и его произведения в данной стилистике были восторженно приняты зрителями.

В 1990-х годах Цзинь Шаньи вновь начал исследовать способы выражения китайского духа на языке масляной живописи. Цзинь Шаньи считает, что масляная живопись воспроизводит реальную систему моделирования, а китайская живопись – систему моделирования от Се-и. Система от Се-и

выражается в структуре реальной системы масляной живописи, и можно также сказать, что она создается в соответствии с художественной концепцией той же картины и воспроизводит реальность [12, с. 94].

Рис. 3. Цзинь Шаньи. Таджикская невеста. 1983.
Холст, масло. 60×50

Fig. 3. Jin Shanyi. Tajik bride. 1983. Oil on canvas. 60×50

Он изучал портреты, выполненные китайскими художниками, чтобы проанализировать сочетание языка масляной живописи и традиционного китайского искусства. Просматривая альбом Хуан Биньхуна, он обнаружил, что техника этого мастера, работавшего пером и чернилами, абстрактна. В его работах, звучащих очень современно, тем не менее, узнаваемы древние китайские традиции. Цзинь Шаньи решил сделать необычный эксперимент – он написал три портрета Хуан Биньхуна в разных обстоятельствах и предположил, что таким образом можно изучать европейские и восточные живописные традиции через собственный опыт. На первом портрете Хуан Биньхуна мастер был изображен между горами и рекой с этюдом в руках. На втором портрете Хуан Биньхун предстал стариком на закате своей жизни. Третья работа называется «Старик» (рис. 4), где Хуан Биньхун – монах, живущий в горах. Эта работа – портрет тела, отражающего состояние старого человека, выбравшего путь духовного восхождения.

В этих трех холстах Цзинь Шаньи заимствовал некоторые методы своего предшественника – художника Ло Гунлю. При этом он расширил возможности языка масляной живописи. Например, если раньше техника масляной живописи заключалась в «мазках» кистью по холсту, то в этих полотнах он использовал метод пуантилизма, используя «точки» Писсарро, что делало холсты многослойными, тяжелыми и выразительными. После этих произведений Цзинь Шаньи приступил к работе над картиной «Портрет Чжу Да» (рис. 5) – сложным произведением, про-

изводящим впечатление простоты и изысканности. Как и полотно «Восемь горцев», эту картину он писал два года.

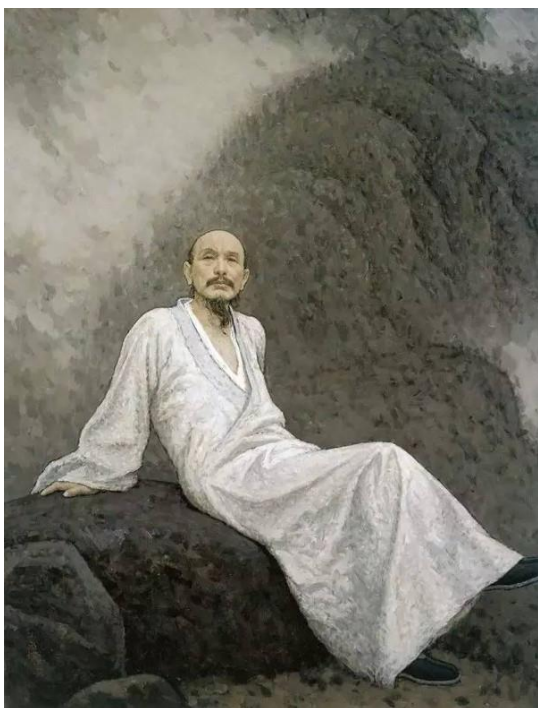

Рис. 4. Цзинь Шаньи. Старик. 1999. Холст, масло. 150×114
Fig. 4. Jin Shanyi. Old man. 1999. Oil on canvas. 150×114

Рис. 5. Цзинь Шаньи. Портрет Чжу Да. 2006.
Холст, масло. 132×100
Fig. 5. Jin Shanyi. Portrait of Zhu Da. 2006.
Oil on canvas. 132×100

Еще одно направление творчества Цзинь Шаньи связано с изучением работ старых европейских мастеров и их адаптацией к образам Китая. Например, работы Яна Вермеера повлияли на со-

здание трех полотен «Девушка в жемчужных серьгах» (рис. 6), «Пейзаж нового Делфта» и «Старая улица Делфта». В них он продемонстрировал мастерское овладение техникой голландского живописца XVII века и ее воссоздание на основе собственной оригинальной композиции. Природа в этих работах была написана в стиле Вермеера, но люди и вещи – современники 1980-х годов. Эти холсты, в которых он использовал язык крупного мастера, позволили ему проанализировать, достиг ли он – Цзинь Шаньи – уровня Яна Вермеера. Эти работы являются не копиями, а художественными цитатами голландского мастера, вслед за которым китайский мастер XX века остро всматривается в душу человека, наблюдает за ней и пытается воспроизвести самую тонкую палитру его чувств. Цзинь Шаньи говорил: «В 1979 году в Германии впервые увидел оригинал Вермеера. Его картины просты и живописны. Его картины имеют современную мистику» [13, с. 31].

Рис. 6. Цзинь Шаньи. Девушка в жемчужных серьгах. 2010.
Холст, масло. 47×40
Fig. 6. Jin Shanyi. Girl in pearl earrings. 2010.
Oil on canvas. 47×40

С 2000 года Цзинь Шаньи начал сознательно изучать модернистскую живопись. Сначала он хотел исследовать выразительность линии Матисса, но почувствовал, что ее напряжение не соответствует его художественному мировоззрению. Позже художник осмысливал работы Мунка, Климта, Модильяни, Шиле, цитируя их творческий стиль в своих полотнах. Творчество троих последних, и особенно Климта, было созвучно китайскому художнику. Австрийский художник придерживался традиционного подхода, уделяя большое внимание формальным факторам, в соответствии с которыми плоский свет словно «сжимает» тьму. В результате изучения наследия Густава Климта Цзинь Шаньи создал работу «В пути» (рис. 7) – один из шедевров, написанных в жанре

«цитирования великих мастеров». Он использовал линейный подход, чтобы показать главных персонажей современного общества: 40-летнего руководителя среднего возраста, женщину в возрасте 30 лет и студента. Спокойным языком Цзинь Шаньши показывает суматошную жизнь современных горожан, используя тот же прием, что и с работами, выполненными в стиле Вермеера – суета жизни современного человека в незыблемых «исторических» декорациях.

Рис. 7. Цзинь Шаньши. В пути. 2015. Холст, масло. 100×96
Fig. 7. Jin Shanyi. On the way. 2015. Oil on canvas. 100×96

Выводы

Творческое наследие Цзинь Шаньши показательно в целом для сложения искусства масляной живописи в Китае.

Во-первых, с исторической точки зрения он вводит европейскую классическую художественную традицию в Китай во второй раз (первый интерес к новой технике возник после поездок китайских мастеров в Японию и Париж в начале XX века). Разрывы культурной революции были очень серьезны, их необходимо было преодолеть, что стало возможным благодаря реформам и открытости. Цзинь Шаньши аккумулирует усилия первого и второго поколения китайских художников и формирует всестороннее и глубокое понимание богатой западной традиции масляной живописи.

Во-вторых, он всегда рационально оценивал положительную роль советской масляной живописи и преподавания по методу Чистякова в развитии китайской масляной живописи. Цзинь Шаньши в полной мере усвоил уроки К. М. Максимова и был благодарен ему, продолжал развивать их в собственном творчестве и в педагогическом деле.

В-третьих, его собственные художественные исследования привели к появлению нового стиля «неоклассики» в преподавании масляной живописи в Китае. Многие художники продолжили подобный творческий метод. Языковая форма «неоклассики»,

хотя и классическая, играет авангардную роль в развитии китайской живописи в 80-х годах.

Подводя итог, отметим следующее. Изучая язык масляной живописи, которую Цзинь Шаньши активно внедрял в художественное искусство своей страны, он сделал вывод: «Китайское искусство должно усвоить урок модернизма» [14, с. 17]. Живописец считал, что китайская масляная живопись напрямую переходит от классицизма к постмодернизму, а модернизм отсутствует в китайском художественном творчестве. Задача местных мастеров – восполнить этот пробел. По его мнению, модернизм изучает формальную красоту, которая чрезвычайно важна для развития китайского искусства, художественного образования и улучшения эстетического качества произведений.

В то же время он считал, что приверженность стилю – классическому или модерну – не свидетельствует о творческом уровне художника. Главное – достижения в области рисунка и цвета. Поэтому независимо от того, через какой стиль проходит развитие масляной живописи, сам Цзинь Шаньши всегда осмысливал исходную точку формирования техники и искал новые пути ее развития [15, с. 79]. Смысл «возврата» к первоисточкам он видит в сознательной ответственности художника за уровень масляной живописи на родине, он стремится сделать все, чтобы данная техника стала важной частью китайского искусства.

Литература

1. Виноградова, Н. А. Сто лет искусства Китая и Японии / Н. А. Виноградова. – М. : Искусство, 1999. – 252 с.
2. Салливан, М. Искусство и художники Китая двадцатого века / М. Салливан. – Беркли : Изд-во Калифорнийского университета, 1996. – 392 с.
3. Юй Дин. История китайской живописи 1542–2000 гг. / Дин Юй, Ли Чжао. – Хунанское художественное издательство, 2002. – 1730 с.
4. Шуй Чжоутянь. 60 лет масляной живописи в Новом Китае / Чжоутянь Шуй. – Изобразительное искусство. – 2009. – № 11. – С. 94–103.
5. Му Кэ. Проблемы становления и развития станковой живописи в китайском искусстве XX века : дис. ... канд. искусствоведения / Кэ Му. – М., 2018. – 149 с.
6. Чэнь Чжэнвэй. Китайская реалистическая живопись XX века : дис. ... канд. искусствоведения / Чжэнвэй Чэнь. – СПб., 2016. – 170 с.
7. Ван Фэй. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса : дис. ... канд. искусствоведения / Ван Фэй. – М., 2008. – 212 с.
8. Из высказываний Цзинь Шаньши. – URL: <https://www.cafa.com.cn/cn/figures/article/details/8319971>.
9. Цзинь Шаньши. Модернизм, постмодернизм и концептуальное искусство : полные записи

Цзинь Шаньши, составленные редакционной коллегией записей предприятий Цзинь Шаньши / Шаньши Цзинь. – Нанкин : Изд-во изящных искусств Цзянсу, 2009. – 123 с.

10. Лю Дзици. Се-и / Дзици Лю, Тань Нань, Ба Хуа. – Хань Чжоу : Чжэцзянское народное художественное издательство, 2017. – 357 с.

11. Все записи о Цзинь Шаньши. – Нанкин : Издательство изобразительных искусств Цзясу, 2009. – 117 с.

12. Шао Дачжэнь. Китайский современный художник Цзинь Шаньши / Дачжэнь Шао. – Гуанчжоу : Линнаньское издательство изобразитель-

ных искусств, 2010. – 179 с.

13. Фан Диан. Цзиньшань и «Привет Вермееру» / Диан Фан. – Нанкин : Издательство изящных искусств Цзянсу, 2011. – 105 с.

14. Цзинь Шаньши. Объединение Китайского монохромного пейзажа (Шуймо) и масляной живописи // Все записи о Цзинь Шаньши. – Нанкин : Издательство изобразительных искусств Цзясу, 2009. – 94 с.

15. Шао Дачжэнь. Цзинь Шаньши и современная китайская масляная живопись / Дачжэнь Шао // Все записи о Цзинь Шаньши. – Нанкин : Издательство изобразительных искусств Цзясу, 2009. – 94 с.

Лю Тяньцюань – Представитель в России Института национального искусства и культурной политики КНР при САФА, e-mail: ltq0125@gmail.com

Поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230107

DIALOGUE OF CULTURES IN THE WORK OF THE CHINESE PAINTER JIN SHANGYI

Tianquan Liu

Institute of National Arts and Cultural Policy China (CAFA), Beijing, China

This article examines the work of the Chinese artist Jin Shangyi, one of the pioneers of oil painting in China. The creative experiments of the artist, his knowledge of European traditions in fine arts, and his assimilation of the Russian art school added the name of Jin Shangyi to the gallery of the best artists of modern China. This article considers the main domain of the artist's work, mentions the most striking works in his artistic legacy, and analyzes the stages of his development. An important aspect in studying the artist's work is an appeal to his literary notes, to analyze the creative goals that Jin Shangyi set himself. Through studying the technique of oil painting, and actively introducing this technique into the art education of China, Jin Shangyi was able to rationally rethink and highlight the most valuable parts in the Western European realist genre, Russian realism, and Western European modernism. The most important outcome of his work is that he was constantly in dialogue with the national traditions of China. His own artistic explorations led to the emergence of a new style of «neoclassicism», which subsequently gained wide popularity in the pictorial art of China.

Keywords: Jin Shangyi, Chinese fine art, painting, art nouveau, artist, China, Soviet art, creative experiment, copying.

References

1. Vinogradova N.A. Sto let iskusstva Kitaya i Yaponii [A Century of Chinese and Japanese Art]. M.: Iskusstvo, 1999. 252 s.
2. Sullivan M. Iskusstvo i khudozhniki Kitaya dvadtsatogo veka [Art and Artists of Twentieth-Century China]. Berkli: Izd-vo Kaliforniyskogo universiteta, 1996. 392 s.
3. Yuy Din, Chzhao Li Istoriya kitayskoy zhivopisi 1542–2000 gg. [The History Chinese Oil Painting 1542–2000 y]. Khunanskoe khudozhestvennoe izdatel'stvo, 2002. 1730 s.
4. Shuy Chzhoutyan'. 60 let maslyanoy zhivopisi v Novom Kitae [60 years of New Chinese Oil Painting]. Izobrazitel'noe iskusstvo. 2009. № 11. S. 94–103.
5. Mu Ke. Problemy stanovleniya i razvitiya stankovoy zhivopisi v kitayskom iskusstve XX veka [The Formation and Development of Easel Painting in Chinese Art in the 20th Century]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. M., 2018. 149 s.
6. Chen' Chzhveney. Kitayskaya realisticheskaya zhivopis' XX veka [Chinese Realistic Painting in the 20th Century]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2016. 170 s.

7. Van Fey. *Sovremennoe iskusstvo Kitaya v kontekste mirovogo khudozhestvennogo protsessa* [Contemporary Art in the Process of Global Art]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. M., 2008. 212 s.
8. Iz vyskazyvaniy Tszin' Shan'i [Statement of Jin Shangyi]. URL: <https://www.cafa.com.cn/cn/figures/article/details/8319971>.
9. Tszin' Shan'i. *Modernizm, postmodernizm i kontseptual'noe iskusstvo* [Modern Art, Post-Modern Art and Conceptual Art]: polnye zapisi Tszin' Shan'i, sostavlennye redaktsionnoy kollegiey zapisey predpriyatij Tszin' Shan'i. Nankin: Izd-vo izyashchnykh iskusstv Tszyansu, 2009. 123 s.
10. Lyu Dzitsi, Nan' Tan', Khua Ba. Se-I [Se-I]. Khan' Chzhou: Chzhetszyanskoe narodnoe khudozhestvennoe izdatel'stvo, 2017. 357 s.
11. Vse zapisi o Tszin' Shan'I [A Complete Record of Jin Shangyi]. Nankin: Izdatel'stvo izobrazitel'nykh iskusstv Tszyasu, 2009. 117 s.
12. Shao Dachzhen'. *Kitayskiy sovremennyy khudozhnik Tszin' Shan'i* [Chinese Contemporary Artist Jin Shangyi]. Guanchzhou: Linnan'skoe izdatel'stvo izobrazitel'nykh iskusstv, 2010. 179 s.
13. Fan Dian. Tszin'shan' i «Privet Vermeeru» [Jin Shangyi «Salute to Vermeer»]. Nankin: Izdatel'stvo izyashchnykh iskusstv Tszyansu, 2011. 105 s.
14. Tszin' Shan'i. *Ob'edinenie Kitayskogo monokhromnogo peyzazha (Shuymo) i maslyanoy zhivopisi* [The Combination of Chinese Ink Painting and Oil Painting] // *Vse zapisi o Tszin' Shan'i*. Nan'kin: Izdatel'stvo izobrazitel'nykh iskusstv Tszyasu, 2009. 94 s.
15. Shao Dachzhen'. Tszin' Shan'i i sovremennaya kitayskaya maslyanaya zhivopis' [Jinshangyi and Chinese Contemporary Oil Painting] // *Vse zapisi o Tszin' Shan'i*. Nan'kin: Izdatel'stvo izobrazitel'nykh iskusstv Tszyasu, 2009. 94 s.

Tianquan Liu – Representative in Russia of Institute of National Arts and Cultural Policy (CAFA) (China), e-mail: ltq0125@gmail.com

Received December 1, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Лю, Тяньцюань. Диалог культур в творчестве китайского живописца Цзинь Шаньи / Тяньцюань Лю // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 56–63. DOI: 10.14529/ssh230107

FOR CITATION

Tianquan Liu. Dialogue of Cultures in the Work of the Chinese Painter Jin Shangyi. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 56–63. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230107

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»: ОБЗОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАНДЕМИИ

Н. В. Антонова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье осуществляется анализ социального контекста «новой нормальности» в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Раскрывается сущность и содержание «новой нормальности». Отмечается, что «новая нормальность» является сложным многокомпонентным конструктом, что требует междисциплинарного подхода к ее изучению. С целью выявления социальных характеристик «новой нормальности» в период пандемии были проанализированы статьи в социологических журналах на тему эпидемии коронавируса за период 2020–2022 годов, а также данные опросов общественного мнения. Выявлено, что основными проблемами социологических исследований являются: социальное самочувствие граждан в период пандемии, влияние средств массовой информации на восприятие пандемии, воздействие пандемии на повседневные общественные практики. Сделан вывод, что в период пандемии новая реальность характеризуется трансформацией повседневных практик, способов межличностного взаимодействия, организации труда и сферы услуг с уклоном в цифровизацию. Показано, что изменения носят в основном негативный характер, поскольку сопровождаются ухудшением экономического положения, снижением качества жизни, маргинализацией общественных и индивидуальных повседневных практик, ухудшением социально-психологического самочувствия. Также в статье обозначены дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: новая нормальность, пандемия, цифровизация, инфодемия, недоверие, социальное самочувствие.

Введение

В эпоху пандемии COVID-19 социологи, экономисты, политологи, журналисты, а также политические и общественные деятели все чаще оперируют термином «новая нормальность». Однако «новая нормальность» не является непосредственной результирующей коронавируса – в своей истории человечество неоднократно переживало этапы «слома» повседневности с последующим формированием кардинально новых основ общественной жизни с трансформированными поведенческими стандартами, ценностями, нормами, мировоззрением. Так случалось в эпохи государственных переворотов, принятия новых религий, научно-технических революций. Однако, как замечает С. М. Плиев, сами по себе кризисные явления не могут стать фундаментом «новой нормальности», если они не закрепляются на длительное время и не формируют новых стабильных форм отношений [1]. И в этих условиях перед человеком и обществом неизбежно встает выбор – относиться к кризису как к источнику и потенциалу личного и общественного развития или же опускать руки и «зарывать голову в песок», надеясь пережить кризис с минимальными потерями либо же морально готовясь к крупным потрясениям.

Пандемия коронавируса не сформировала принципиально новую реальность – скорее произошло ускорение тех тенденций и перемен, кото-

рые назревали уже длительное время на фоне процессов информатизации глобализирующегося общества. 2020 год оказался подходящим моментом для того, чтобы целый ряд граней социального пространства – потребление, труд, персональное взаимодействие, культура, образование и здравоохранение – был перенесен в виртуальную среду. Анализ этих изменений в силу их многосторонности требует исследовательской работы в рамках междисциплинарного подхода. Настоящая статья является ее первым этапом, цель которого – выявление основных характеристик социального пространства «новой нормальности» в условиях пандемии коронавируса. Для достижения данной цели в работе ставится ряд задач: описание сущности «новой нормальности», анализ содержания «новой нормальности» с позиции социологического, экономического и политологического подходов, характеристика базовых составляющих социального самочувствия в ситуации пандемии.

Обзор литературы

Сущность «новой нормальности» в экономическом и политическом аспектах выявляли А. С. Булатов, Е. Р. Крылова, В. А. Лапшов, С. М. Плиев [1–5]. Контуры «новой нормальности» в эпоху пандемии анализировали такие зарубежные социологи и философы, как Д. Александер (феномен пандемии как «естественного эксперимента»), Д. Агамбен и С. Бенвенуто (пандемия как угроза свободе и про-

вокация отчуждения близких), Р. Коллинз (пандемия как критический тест на проверку солидарности), М. Дасгупта (пандемия как основа для формирования «новой нормальности»), В. Байхан (пандемия как фактор появления «параноидально-шизоидного» общества [8–12]. Среди отечественных исследователей анализ социальных отношений в период пандемии – отношение к ограничительным мерам, проблемы адаптации повседневной деятельности к новым условиям, влияние средств массовой информации на социальные настроения граждан – проводили А. В. Андреев, А. С. Архипова, В. В. Василькова, Н. Ю. Вяткина, М. В. Гаврилова, К. С. Гаджиев, К. А. Галкин, К. П. Глазков, Е. В. Дмитриева, М. А. Завадская, О. Г. Исупова, А. А. Кирзюк, И. В. Козлова, А. Е. Лагерева, Н. И. Легостаева, М. О. Макушева, Т. А. Нестик, А. В. Носкова, С. В. Павлов, Б. С. Пейгин, Н. В. Петров, Н. В. Присяжная, Д. А. Радченко, А. В. Решетников, Е. Ю. Рождественская, Б. О. Соколов, В. Г. Федотова [7, 13–22]. При этом исследования указанных авторов зачастую имеют одноаспектный характер, что не позволяет получить целостное представление о социальном контексте пандемии.

Методы исследования

Методология исследования базируется на системном подходе, раскрывающем многокомпонентность структуры социальной системы «новой нормальности» и обеспечивающих ее механизмов. В работе также применен метод качественного анализа документов – для исследования были отобраны статьи, опубликованные в журналах «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» и «Социологические исследования», вышедшие в 2020–2022 годы и посвященные анализу социальных отношений в период пандемии, и вторичный анализ социологических данных – сделана интерпретация результатов опросов общественного мнения, проведенных исследовательским центром ВЦИОМ.

Результаты и дискуссия

О концепте «новая нормальность» (new normal) заговорили в 30-е годы XX века в США во времена Великой депрессии, когда появилась необходимость в адаптации к ее последствиям как экономической системы, так и всего общества. Более широкое распространение этот термин получил после финансового кризиса 2008 года, когда пришло осознание того, что мировая экономика сталкивается с неизвестными (или, по крайней мере, малораспространенными) до настоящего времени явлениями – снижением темпов экономического роста и четвертой промышленной революции, с изменившимся характером глобализации [2]. Сегодня понятие «новая нормальность» вновь стало актуальным в связи с пандемией коронавируса, которая не только привела к изменениям в экономических системах практически всех стран мира, но и вызвала глубокие трансформации культурных и социальных повсе-

дневных практик, оказала влияние на поведение политических агентов, которым пришлось принимать непопулярные управленческие решения в ситуации неопределенности.

«Новая нормальность» является сложным многокомпонентным конструктом, включающим в себя как минимум пять составляющих – экономическую, политическую, социальную, информационную, культурную, что требует междисциплинарного подхода к ее изучению.

Так, с экономической точки зрения «новая нормальность» определяется как экономическая ситуация, для которой характерно долговременное снижение темпов экономического роста, девальвация валюты и высокая волатильность её курса, низкая степень действенности денежно-кредитной политики, отсутствие ближайших перспектив выхода из кризиса на фоне непрекращающегося поиска эффективных способов решения проблемы [3].

В рамках политологического подхода «новая нормальность» репрезентирует политическую ситуацию неопределенности, турбулентности, разрушения однополярного миропорядка, в который неожиданно врывается пандемия и подрывает и без того хрупкие основания существующей мир-системы. Как утверждает К. С. Гаджиев, новая коронавирусная реальность четко показывает, что «...человек эгоистичен, а в тех или иных формах вызовах, турбулентных состояниях, тем более угрозах экзистенциального масштаба, эгоистично могут проявлять себя целые человеческие сообщества, народы, нации, государства». Вместо ожидавшегося единства на мировой арене значительно возрастает уровень противоречий и конфликтности, актуализируется «...демонизация друг друга реальными и потенциальными противниками на геополитической арене», что вызывает различные формы фобий, расизма, национализма, международного терроризма, переосмысление идей либерализма и демократии, направлений глобализации, подрыв основ однополярного порядка и международного права, развертывание санкционных войн [4, с. 255–256].

Социологический подход под «новой нормальностью» понимает «...ситуацию неопределенности социума при выборе решения о взаимодействии, основанном на вероятности ожидаемой дифференциации по доходу, качеству жизни и социальному самочувствию» [5, с. 6].

Качество жизни и социальное самочувствие населения характеризуют следующие основные показатели: политико-правовые (социальное законодательство в отношении поддержки населения, доверие институтам власти, правовая культура населения), социально-экономические (уровень дохода и общая ситуация на рынке труда), социокультурные смыслы и ценности жизни (идеалы, ценности, стереотипы и установки, представление о смысле жизни), социально-психологические (гар-

моничность психологического состояния личности, удовлетворенность межличностными связями и отношениями, особенности проведения свободного времени), а также социально-медицинские показатели (качество работы медицинских учреждений и общее состояние здоровья граждан).

Соответственно, в ситуации «новой нормальности» происходят нарушения в вышеперечисленных практиках и состояниях, вызванные потерей стабильности и неопределенностью будущего. Человек и общество оказываются в положении маргинальности – на развилке дальнейшего пути развития, перед лицом пугающей неизвестности, поскольку старый мир рушится, а контуры нового только начинают очерчиваться. Э. Стоунквист маргинальную личность наделяет такими амбивалентными свойствами, как стеснительность, склонность к социальной изоляции, тревожность, разочарованность, ощущение бессмысленности существования, отчаяние, но в то же время агрессивность, эгоизм и честолюбие [6]. В разные периоды маргинализации общества и ее следствию – возникновению «новой нормальности» – способствовали различные факторы: революции, завоевательные войны, природные катаклизмы, массовые эпидемии, смена религий. В настоящее время главным фактором трансформации является пандемия нового коронавируса.

В. Г. Федотова описывает современную «новую нормальность» как репрезентирующую весь процесс развития пандемии – начальный этап распространения инфекции, его глубокая фаза с введением ограничительных мер, плато по количеству заражений, этапы ослабления и последующего снятия ограничений и (пока гипотетическая) пост-эпидемическая ситуация. В рамках этого процесса у населения формируется особый образ жизни, характеризующийся травматичным переживанием существующих ограничений, в особенности нормальных социальных взаимодействий, отказом от прежней жизни и сужением горизонта планирования. Исследователь также приходит к выводу, что сегодня можно говорить о становлении нового социального порядка, в результате чего происходит переоценка прошлого и осознается невозможность возврата к прежней жизни в ближайшем будущем. «Опривычивание» новой нормальности (а по факту «ненормальности») способно в дальнейшем привести к утере способности различать «нормальность» и «ненормальность» в социальных взаимодействиях. «Новая нормальность», таким образом, предстает как «...специфическая культурная способность к воспроизведению традиций и обычаев, а также к их изменению и функционированию в новых условиях» [7, с. 93].

Рассмотрев различные подходы к анализу «новой нормальности», можно раскрыть ее содержание следующим образом: «новая нормальность» – это трансформация привычного уклада

жизни общества, которая сопровождается «опривычиванием» негативных процессов и явлений – снижения темпов экономического роста, политической «турбулентности», вызванной разрушением однополярного мира и ростом политических конфликтов, распространения чужденонравственных идеологий, снижения качества жизни, маргинализации общественных и индивидуальных повседневных практик, ухудшения социального самочувствия в новых условиях.

Пандемия коронавируса придала новый оттенок происходящим колебаниям и потрясениям в современном мире, многократно обострив имеющиеся проблемы, и внесла новые сложности, поставив под удар многие демократические и гуманистические ценности – прежде всего свободу, возможность выбора, желание находиться с близкими в любой момент нашей жизни. Вдобавок к этому существенно ускорилось распространение цифровых и информационных технологий во всех сферах социальной деятельности, к чему не все оказались готовы. В период пандемии и скорее всего в ближайшее время после нее новая реальность будет определяться трансформацией повседневных практик, способов межличностного взаимодействия, организации труда и предоставления услуг с уклоном в цифровизацию. Вместе с тем, это и приводит к возникновению новой формы неравенства – цифровому неравенству, репрезентирующему асимметричные отношения между разными группами населения по критерию доступа к современным информационно-коммуникативным технологиям. Особенно остро эта проблема проявилась при переходе к дистанционному обучению.

Анализируя существующую ситуацию, американский социолог Джеффри Александер указывает на неожиданный эффект пандемии: несмотря на всю трагичность сложившейся ситуации, социологи еще долго будут оценивать COVID-19 как «естественный эксперимент». Знакомые повседневные практики модифицировались и оказали влияние на политику общественного здравоохранения, определили рамки политической легитимности, привели к возникновению солидарности, что в итоге превратило жизнь людей в массовый карантин. В эту новую фазу развития общества угроза превращается в рутину, появляются новые условности, ритуалы, образы и нарративы, которые начинают восприниматься как должное даже в ситуации неравновесности [8]. Следуя логике Дж. Александера, можно говорить о том, что пик адаптации к «новой нормальности» уже пройден, она постепенно легитимизируется в нашей новой жизни.

Однако другой социолог, Рэндалл Коллинз, оспаривает подобное «опривычивание» «новой нормальности». Он не сомневается, что политическая власть и технологические разработки могут вынудить людей отказаться от многих непосредственных способов взаимодействия, поскольку

люди «культурно податливы», но тот факт, что мы можем привыкнуть ко всему, вовсе не означает, что мы не заплатим за это высокую цену. Если люди, исключенные из непосредственных взаимодействий, станут более подавленными, менее энергичными, менее солидарными с другими людьми, у них возрастет уровень тревожности, недоверия и даже враждебности [9].

В качестве закономерного итога такого разбалансирования психологического состояния и одного из «наиболее печальных эффектов карантина» итальянские философы Джорджо Агамбен и Серджо Бенвенуто (Giorgio Agamben, Sergio Benvenuto) называют разрушение человеческих отношений: «К другому человеку, кем бы он ни был, даже к любимому человеку, нельзя приближаться или прикасаться, ... необходимо соблюдать определенную дистанцию. Опасность подстерегает повсюду, даже в ребенке, бабушке и дедушке, любимом человеке... Наш ближний был уничтожен». Авторы замечают, что люди настолько привыкли жить в условиях постоянного кризиса и чрезвычайной ситуации, что перестали обращать внимание на то, что их жизнь оказалась сведена только лишь к биологическому состоянию, утратившему не только какое-либо социальное и политическое измерение, но и эмоциональное, сострадательное. То общество, которое живет в постоянном чрезвычайном положении, состоянии страха и неуверенности, не может быть свободным. Свобода здесь была принесена в жертву» соображениям безопасности». По меткому замечанию философов, мы говорим о вирусе в терминах войны. Однако это война, развязанная против невидимого врага, – самая абсурдная из войн, поскольку «...враг не где-то снаружи, он внутри нас» [10].

Подобная характеристика уровня психологического благополучия личности в эпоху пандемии практически полностью соответствует описанию Э. Стоунквистом почти столетие назад маргинального человека, а значит, еще раз напоминает о том, что ситуация «новой нормальности» возникает не первый раз в истории человечества и является обычной характеристикой жизни человека и общества в состоянии маргинальности, которому как раз свойственны пограничный социокультурный статус, удаленность от нормативно-символического центра доминирующей культуры, состояние психологической дезадаптации.

Об ухудшении психического и социального здоровья граждан и общества говорит и турецкий социолог Вехби Байхан (Vehbi Bayhan): пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на государство, общество и человека, вынуждая людей жить в состоянии тревожности, страха и недоверия. По мнению исследователя, все пандемии в истории человечества так или иначе вызвали трансформации в обществе, но текущая ситуация чрезмерно ускорила переход к информационному обществу, обществу риска и обществу слежки, изменила се-

мейные отношения, формы обучения и трудовой деятельности. Практика постоянного пребывания дома трансформировала повседневную жизнь детей, молодежи, пожилых людей, женщины и мужчины; страх вируса отчуждает друг от друга и формирует «параноидально-шизоидное» общество [11].

Индийский социолог Мадхурима Дасгупта, размышляя о пандемическом кризисе, также приводит в качестве его следствия изменившуюся реальность, называемую «новой нормальностью», породившую множество социальных норм и практик, отразившуюся и на научной сфере:

- физическое дистанцирование;
- поддержание социальной солидарности;
- изменение формы взаимодействия (например, способов приветствия и обучения);
- социальная изоляция и маргинализация сообществ: на фоне финансовой нестабильности произошла вспышка домашнего насилия; большое количество детей-инвалидов стало страдать от тревожных расстройств, пожилые пациенты оказались изолированными в связи с нехваткой жилья в больницах и домах престарелых.

Помимо этого, произошла смена парадигмы в социальных исследованиях: новые нормы физического дистанцирования бросают вызов социологам, практикующим качественные исследования, особенно этнографические методы [12].

Обобщив взгляды рассмотренных зарубежных исследователей, можно констатировать, что несмотря на то, что «новую нормальность» характеризует рост солидарности, обусловленный вынужденным согласием подчиняться вводимым ограничениям, отсутствие личной свободы рано или поздно приведет к возросшему уровню тревожности, подавленности, недоверия, насилия и враждебности – к государству, друг другу и самим себе.

Возникновение «новой нормальности» практически сразу вызвало отклик со стороны социологов-эмпириков. Для социологического анализа социальных контуров «новой нормальности», вызванной пандемией COVID-19, определяющих социальное самочувствие и качество жизни населения, были отобраны статьи, посвященные социологическому исследованию пандемии и опубликованные в журналах «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» и «Социологические исследования», в период 2020–2022 гг.

По содержанию исследования были разделены на три смысловые группы:

- 1) социальное самочувствие граждан в период пандемии;
- 2) влияние средств массовой информации на восприятие пандемии и проблема инфодемии;
- 3) влияние пандемии на повседневные общественные практики.

Далее рассмотрим основные результаты исследований.

Введение ограничительных мер вызвало неоднозначную реакцию населения, в связи с чем большая часть социологов сосредоточилась на анализе такого нового социального явления, как «ковид-скептицизм», сопровождаемый «ковид-диссидентством». Так, О. Г. Исупова, О. Ю. Рождественская и А. Е. Лагерва анализируют явления ковид-диссидентства и ковид-скептицизма в социальных сетях. Исследователи выявили, что, по мнению ковид-скептиков и ковид-диссидентов, ситуация с коронавирусом является результатом целенаправленных действий государства в целях ослабить или уничтожить часть населения, поработить его посредством карантина, цифровизации и вакцинации. Обоснование подобной идеи с приписыванием себе превосходства в понимании скрытых причин происходящего включает в себя следующие аргументы: религиозные (осуждение конкуренции с богом), моральные (чувство социального унижения и порабощения), информационно-цифровые (страх перед цифровизацией, страх перед «оболваниванием»), демографические (страх изменения человеческой природы), правозащитные (нагнетание угрозы поражения в правах, чувство возмущения обязательностью ковид-ограничений за счет уподобления опыту фашизма) и институциональные (разоблачение принадлежности авторитетных организаций к тайным злонамеренным силам). Эмоциональная насыщенность суждений характеризуется тревогой, недоверием, страхом и сдержанной агрессией [13].

Б. О. Соколов и М. А. Завадская установили, что большинство российских ковид-скептиков составляют мужчины, люди среднего и старшего среднего возрастов, а также лица без высшего образования. Опыт заболевания новой коронавирусной инфекцией приводит к снижению уровня скептицизма, в то время как негативные экономические последствия пандемии (потеря работы) повышают его. Помимо этого, ковид-скептики характеризуются негативным отношением к миграции, глобализации и международному сотрудничеству, с недоверием относятся к традиционным СМИ, правительству, здравоохранительной системе и национальным институтам в целом [14]. Подобная картина состояния общества в период пандемии описана вышеупомянутым Вехби Байханом и соответствует характеристикам маргинальной личности, обозначенным Э. Стоунквистом.

К. П. Глазков исследует прививочные стратегии россиян, в основе которых лежат представления об эффективности и перспективах массовой вакцинации. Автор показал, что в большинстве случаев государственные меры борьбы с пандемией воспринимаются как принуждение, само государство предстает как «чужой», заставляя индивидов сопротивляться. Все это подрывает доверие к властным институтам и снижает темпы вакцинации. Большинство россиян предпочитает надеяться на свое здоровье и рассчитывать на собствен-

ные силы [15]. А. А. Кирзюк также акцентирует внимание на том, что определенная часть респондентов, идентифицированных в качестве ковид-диссидентов, начала дистанцироваться от института официальной медицины и заботиться о своем здоровье в автономном режиме еще задолго до пандемии и склонна поддерживать идеи антипрививочного движения в целом [16].

Общий социально-психологический фон пандемии может быть охарактеризован как кризисный, наполненный страхами и тревогами за свое здоровье и материальное благополучие. К подобным выводам пришел А. В. Решетников. Сфокусировавшись на восприятии пандемии COVID-19 жителями Москвы, он выявил, что основные опасения москвичей вызывает высокий рост распространения инфекции, отсутствие вакцины и эффективного лечения, страх за здоровье родителей, риск возникновения «эпидемии одиночества» как результата практики дистанционных отношений, возможный спад экономики, сопровождаемый ростом цен при одновременном снижении дохода, дискомфорт из-за ограничения личного пространства и организации отдыха [17].

Таким образом, отношение к пандемии и ограничительным мерам отличается повышенным уровнем стресса, вызванным необходимостью перекраивать повседневные практики организации рабочего и свободного времени и беспокойством за физические и материальные условия существования, недоверием к государству и приверженностью конспирологическим теориям. Государственная поддержка призвана снизить социально-психологический дискомфорт и улучшить социальное самочувствие граждан, но при условии доверия к властным институтам.

В условиях локдауна интернет и социальные сети превратились в основной источник информации, а также стали площадкой для виртуальных встреч и дискуссий. Для большого количества людей общественная жизнь приобрела цифровой формат. В такой ситуации социальные сети и мессенджеры сыграли ведущую роль в распространении непроверенной информации. Страх вируса во многом явился результатом инфодемии – распространения в большом объеме информации, включающей ложную или вводящую в заблуждение.

Так, например, В. В. Василькова и Н. И. Легостаева анализировали опыт использования социальных ботов в осуществлении пропаганды на фоне эпидемии коронавируса и выявили несколько ботнетов, которые продвигают оппозиционные политические взгляды, критикующие власть и отечественную систему здравоохранения, а также конспирологические теории об угрозе массового отравления продуктов, воды и лекарственных препаратов и опасности попадания населения в «цифровое рабство» с помощью системы биометрических данных [18].

М. О. Макушева и Т. А. Нестик пришли к выводу, что на недоверие к СМИ и властным структурам повлияли противоречия в предоставляемой официальной информации, отсутствие координации в действиях чиновников, опасение сокрытия информации, недостаточное проявление эмпатии и двусторонних коммуникаций между обществом и властью, ощущение несправедливости и разочарование из-за невыполненных обещаний. Вместе с тем, как отмечают авторы, высокий уровень социального доверия обуславливает готовность поставить вакцину и следовать рекомендациям экспертов, а также формирует оптимистичное восприятие будущего; низкий же усиливает тревожность и веру в конспирологию [19]. Кроме того, как показывают исследования А. С. Архиповой, Д. А. Радченко, И. В. Козловой, Б. С. Пейгина, М. В. Гавриловой и Н. В. Петрова, рост недоверия к институтам власти и официальной информации заставляет россиян доверять «ссылкам на инсайдеров» – советам и историям, полученным через горизонтальные каналы коммуникации [20], что не способствует эффективности борьбы с пандемией.

Многим общественным институтам, чтобы «остаться на плаву», пришлось адаптироваться к условиям «новой нормальности». Больше всего это затронуло сферу культуры. К. А. Галкин и О. А. Парфенова выявили следующие проблемы, связанные с вынужденным переходом в онлайн-формат: слабость материально-технической базы и недостаток компетенций и специалистов для производства контента и привлечения аудитории в онлайн. Учреждениям культуры пришлось выработать новые способы вовлечения людей и получения обратной связи от «безучастного зрителя» [21].

Остро актуальной стала проблема адаптации к новому дистанционному формату системы образования. А. В. Андреевская, Е. В. Дмитриева и А. В. Носкова пришли к выводу, что цифровизация образования является фрагментарным процессом, порождающим множество проблем. Родители вынуждены включаться в образовательный процесс, становясь его полноценными субъектами, при этом они не всегда к этому оказываются готовы (ни психологически, ни физически, ни материально). У учителей наблюдаются симптомы кризиса профессиональной идентичности из-за того, что в сложившейся ситуации они не могут реализовывать педагогические функции в нужном объеме [22].

Таким образом, адаптация к условиям «новой нормальности» продемонстрировала, что является весьма болезненным процессом в связи с отсутствием необходимых навыков и психологического неприятия вынужденных изменений.

Однако опросы общественного мнения показывают, что больше половины респондентов (61 %) сумело адаптироваться к жизни в период пандемии. В качестве негативных изменений (а по сути реквизитов «новой нормальности») россияне обозначили ограничительные меры в форме «масочно-

перчаточного режима и штрафов (20 %), проблемы в системе здравоохранения (16 %), ограничения в общении и проведении досуга (по 13 %), путешествий и высокий рост цен (по 10 %). При этом страх за свое здоровье и здоровье близких, угроза их потери волнует гораздо меньшее число опрошенных (9 % и 8 % соответственно). Из положительных приобретений пандемии, которые граждане хотели бы сохранить в будущей нормальной жизни, самым популярным ответом стала возможность удаленной работы, дистанционное обучение, онлайн-курсы – этот вариант ответа выбрали всего 8 % россиян. Столь низкий результат может говорить о том, что респонденты не видят каких-либо значимых положительных аспектов жизни в период пандемии. Вместе с тем, бережное отношение к здоровью, соблюдение гигиены, осторожность в ситуации большого скопления людей, ношение маски в общественных местах в период вспышек заболеваемости, забота о близких высоко оценивается как необходимые и в постпандемийной жизни минимальное количество граждан (от 2 % до 5 % опрошенных) [23]. Таким образом, можно сделать вывод, что пандемия коронавируса выдвинула на первый план эгоизм и материальные ценности индивидов – материальный комфорт, свободу передвижений и досуга. Забота о здоровье – своем и окружающих – оказалась не в приоритете: хотели бы перестать бояться заразиться или заразить других по данным вышеупомянутого опроса всего лишь 4 % россиян.

Выводы

Таким образом, социальные контуры «новой нормальности» в период пандемии коронавируса характеризуются следующими чертами:

- отсутствие доверия к исходящей из официальных источников информации, недоверие к государству и как следствие – широкое распространение непроверенной информации;
- дистанцирование от института официальной медицины, отказ соблюдать ограничительные и профилактические меры;
- вынужденный переход занятости и обучения в онлайн-формат, слабость материально-технической базы и недостаток компетенций для производства контента и привлечения аудитории в онлайн; проблема цифрового неравенства;
- риск «эпидемии одиночества» как результат практики дистанционных отношений, повышенный уровень тревожности, ухудшение социального самочувствия на фоне потери работы и ухудшения финансового положения.

Дальнейшие перспективы исследования

Несмотря на то что исследователи и общественные деятели говорят о наступлении постпандемийной реальности, а коронавирусная повестка практически исчезла с федеральных каналов, коронавирус по-прежнему остается в нашей жизни – продолжают фиксироваться случаи заражения, людей госпитализируют, и некоторые с болезнью

не справляются. В то же время сняты практически полностью все ограничения, в общественных местах без средств индивидуальной защиты появляются не только здоровые граждане, но и с признаками острого респираторного заболевания (которым вполне может оказаться и COVID-19), не думая ни о себе, ни о здоровье окружающих. Что это – эгоизм, низкая культура гигиены или акт сопротивления навязанным властью ограничениям – еще предстоит выяснить социологам и психологам, как и то, какой будет постпандемийная реальность, продолжатся ли в ней существующие тенденции или же все вернется на круги своя. Вряд ли можно ожидать возврата к абсолютно тому же привычному миру – политические и экономические изменения на фоне продолжающейся глобализации и цифровизации, начавшейся задолго до пандемии, привели к тому, что точка невозврата уже пройдена.

Литература

1. Плиев, С. М. «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики / С. М. Плиев // *Новое прошлое*. – 2021. – № 3. – С. 214–220.
2. Булатов, А. С. Новая нормальность / А. С. Булатов // *Мировое и национальное хозяйство*. – 2020. – № 3 (52). – URL: <https://miresc.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost>.
3. Крылова, Е. Р. Выход из «новой нормальности» / Е. Р. Крылова // *Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики* : сборник научных трудов ; под ред. Б. Д. Бабаева, Е. Е. Николаевой. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2017. – Вып. 12 (28). – С. 56–60.
4. Гаджиев, К. С. Турбулентия современного мира через призму коронавирусной пандемии / К. С. Гаджиев // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2020. – № 13 (5). – С. 253–272.
5. Лапшов, В. А. Ловушка «новой нормальности»: новая дефиниция экономической социологии в условиях глобализации / В. А. Лапшов // *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. – 2017. – № 1. – С. 3–15.
6. Stonequist, E. V. *The Marginal Man: A Study in Personality and Culture* / E. V. Stonequist. – Russell & Russell : New York, 1961. – 228 p.
7. Федотова, В. Г. Жизнь в условиях коронавируса / В. Г. Федотова // *Знание. Понимание. Умение*. – 2020. – № 3. – С. 90–99.
8. Alexander, J. C. COVID-19 and symbolic action: global pandemic as code, narrative, and cultural performance / J. C. Alexander, P. Smith // *American Journal of Cultural Sociology*. – 2020. – № 8 (3). – P. 263–269.
9. Collins, R. Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity / R. Collins // *American Journal of Cultural Sociology*. – 2020. – № 8 (3). – P. 477–497.
10. Foucault, M. *Coronavirus and Philosophers* / M. Foucault, G. Agamben, S. Benvenuto // *The European Journal of Psychoanalysis*. – URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/coronavirus-and-philosophers/>.
11. Bayhan, V. *Sociology of the pandemic and the paradigm transformation in the new normal period* / V. Bayhan // *Reflections on the pandemic in the future of the world* September. – 2020. – URL: <https://clck.ru/33ECXS>.
12. Dasgupta, M. *Sociological relevance of «new normal»: exploring new social norms and practices* / M. Dasgupta. – URL: <https://adamasuniversity.ac.in/sociological-relevance-of-new-normal-exploring-new-social-norms-and-practices/>.
13. Исупова, О. Г. Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений / О. Г. Исупова, Е. Ю. Рождественская, А. Е. Лагерева // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2021. – № 5. – С. 374–398.
14. Соколов, Б. О. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России / Б. О. Соколов, М. А. Завадская // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2021. – № 6. – С. 410–435.
15. Глазков, К. П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации / К. П. Глазков // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2022. – № 3. – С. 301–326.
16. Кирзюк, А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды / А. А. Кирзюк // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2021. – № 2. – С. 484–509.
17. Решетников, А. В. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы / А. В. Решетников, Н. В. Присяжная, С. В. Павлов, Н. Ю. Вяткина // *Социологические исследования*. 2020. – № 7. – С. 138–143.
18. Василькова, В. В. Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса / В. В. Василькова, Н. И. Легостаева // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 6. – С. 329–356.
19. Макушева, М. О. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии / М. О. Макушева, Т. А. Нестик // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 6. – С. 427–447.
20. Архипова, А. С. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета / А. С. Архипова, Д. А. Радченко, И. В. Козлова, Б. С. Пейгин, М. В. Гаврилова, Н. В. Петров // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 6. – С. 231–265.

21. Галкин, К. А. Последствия пандемии COVID-19 для организаций культуры / К. А. Галкин, О. А. Парфенова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 3. – С. 254–276.

22. Андреевкова, А. В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учени-

ков / А. В. Андреевкова, Е. В. Дмитриева, А. В. Носкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 272–291.

23. Прошай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки : аналитический обзор ВЦИОМ от 15.03.2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki>.

Антонова Наталья Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: antonovanv@susu.ru. ORCID: 0000-0001-6482-5739

Поступила в редакцию 3 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230108

THE INDIVIDUAL AND SOCIETY UNDER THE «NEW NORMAL»: A REVIEW OF SOCIOLOGICAL STUDIES OF PANDEMIC

N. V. Antonova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article reveals the social context of the «new normal» during the COVID-19 pandemic. It describes the essence and content of the «new normal». The article notes that the «new normal» is a complex multicomponent construct that requires an interdisciplinary approach. To describe the social framework of the «new normal» during the pandemic the articles on the coronavirus in the sociological journals have been analyzed. The main focus of these surveys is on the social well-being of citizens during the pandemic, the influence of the media on the perception of the pandemic, the impact of the pandemic on everyday social practices. It is stated that the pandemic social reality is affected by the transformation of everyday practices, modes of interpersonal interaction, work organization and the provision of services inclining in digitalization. These changes are mostly negative, as they are accompanied by a deterioration in the economic situation, a decrease in the quality of life, the marginalization of social and individual daily practices, a deformation of the social and psychological well-being. The article also outlines further research prospects.

Keywords: new normal, pandemic, digitalization, infodemic, distrust, social well-being.

References

1. Pliev S.M. «Novaja normal'nost'» v sovremennom mire: istoricheskie aspekty i aktual'nye politicheskie praktiki [«New Normal» in the Modern World: Historical Aspects and Current Political Practices] // *Novoe proshloe*. 2021. № 3. S. 214–220.
2. Bulatov A.S. Novaja normal'nost' [New Normal] // *Mirovye i nacional'noe hozjajstvo*. 2020. № 3 (52). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost>.
3. Krylova E.R. Vyhod iz «novojo normal'nosti» [Breaking out of the «New Normal»] // *Mnogourovnevoe obshhestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki: sbornik nauchnyh trudov; pod red. B.D. Babaeva, E.E. Nikolaevoj. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2017. Vyp. 12 (28). S. 56–60.*
4. Gadzhiev K.S. Turbulencija sovremennogo mira cherez prizmu koronavirusnoj pandemii [Turbulence of the Modern World through the Prism of the Coronavirus Pandemic] // *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 2020. № 13 (5). S. 253–272.
5. Lapshov V.A. Lovushka «novojo normal'nosti»: novaja definicija jekonomicheskoj sociologii v uslovijah globalizacii [The «New Normal» Trap: a New Definition of Economic Sociology in the Context of Globalization] // *Nauchnoe obozrenie. Serija 2: Gumanitarnye nauki*. 2017. № 1. S. 3–15.
6. Stonequist E.V. *The Marginal Man: A Study in Personality and Culture*. Russell & Russell: New York, 1961. 228 p.
7. Fedotova V.G. Zhizn' v uslovijah koronavirusa [Life under the Coronavirus] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2020. № 3. S. 90–99.
8. Alexander J.C., Smith P. COVID-19 and Symbolic Action: Global Pandemic as Code, Narrative, and Cultural Performance // *American Journal of Cultural Sociology*. 2020. № 8 (3). P. 263–269.

9. Collins R. Social Distancing as a Critical Test of the Micro-Sociology of Solidarity // *American Journal of Cultural Sociology*. 2020. № 8 (3). P. 477–497.
10. Foucault M., Agamben G., Benvenuto S. Coronavirus and Philosophers // *The European Journal of Psychoanalysis*. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/coronavirus-and-philosophers/>.
11. Bayhan V. Sociology of the Pandemic and the Paradigm Transformation in the New Normal Period // *Reflections on the Pandemic in the Future of the World September*. 2020. URL: <https://clck.ru/33ECXS>.
12. Dasgupta M. Sociological Relevance of «New Normal»: Exploring New Social Norms and Practices. URL: <https://adamasonline.ac.in/sociological-relevance-of-new-normal-exploring-new-social-norms-and-practices/>.
13. Isupova O.G., Rozhdstvenskaja E.J., Lagereva A.E. Kovidnyj resentment v social'nyh setjah: repertuar motivirovannyh suzhenij [COVID Resentment in Social Media: a Repertoire of Motivated Judgments] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. № 5. S. 374–398.
14. Sokolov B.O., Zavadsckaja M.A. Social'no-demograficheskie osobennosti, lichnostnye cherty, cennosti i ustanovki kovid-skeptikov v Rossii [Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. № 6. S. 410–435.
15. Glazkov K.P. V pogone za kollektivnym immunitetom: privivochnye strategii rossijan v kontekste razlichnyh form prinuzhdenija k vakcinacii [Chasing Herd Immunity: Vaccination Strategies of Russians in the Context of Various Forms of Enforcement to Vaccination] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. № 3. S. 301–326.
16. Kirzjuk A.A. «U menja net straha»: kovid-dissidenty v poiskah agentnosti i pravdy [«I Have No Fear»: COVID Skeptics in Search of Agency and Truth] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. № 2. S. 484–509.
17. Reshetnikov A.V., Priszazhnaja N.V., Pavlov S.V., Vjatkina N.J. Vosprijatie pandemii COVID-19 zhiteljami Moskvy [Perception of the COVID-19 Pandemic by Moscow Residents] // *Sociologicheskie issledovanija*. 2020. № 7. S. 138–143.
18. Vasil'kova V.V., Legostaeva N.I. Social'nye boty v komp'juternoj propagande: serfing na informacionnoj volne koronavirusa [Social Bots in Computational Propaganda: Surfing the Coronavirus Information Wave] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. № 6. S. 329–356.
19. Makusheva M.O., Nestik T.A. Social'no-psihologicheskie predposylki i jeffekty doverija social'nym institutam v uslovijah pandemii [Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. № 6. S. 427–447.
20. Arhipova A.S., Radchenko D.A., Kozlova I.V., Pejgin B.S., Gavrilova M.V., Petrov N.V. Puti rossijskoj infodemii: ot WhatsApp do sledstvennogo komiteta [Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. № 6. S. 231–265.
21. Galkin K.A., Parfenova O.A. Posledstvija pandemii COVID-19 dlja organizacij kul'tury [The Impact of the COVID-19 Pandemic on Cultural Organizations: The Case of Russia] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. №3. S. 254–276.
22. Andreenkova A.V., Dmitrieva E.V., Noskova A.V. Vosprijatie cifrovizacii shkol'nogo obrazovanija: issledovatel'skie rezul'taty onlajn-fokus-grupp s uchiteljami i roditeljami uchenikov [Perception of School Learning Digitalization and Its Consequences: Research Outcomes of Online Focus Groups with Teachers and Parents of Schoolchildren] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. № 2. S. 272–291.
23. Proshhaj COVID-19? Dva goda pandemii, adaptacija i smena povestki: analiticheskij obzor VCIOM ot 15.03.2022. [Goodbye COVID-19? Two Years of the Pandemic, Adaptation and Change of the Agenda: Survey]. URL: <https://vcion.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki>.

Natalia V. Antonova – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Sociology, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: antonovanv@susu.ru

Received December 3, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонова, Н. В. Человек и общество в условиях «новой нормальности»: обзор социологических исследований пандемии / Н. В. Антонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 64–72. DOI: 10.14529/ssh230108

FOR CITATION

Antonova N. V. The Individual and Society under the «New Normal»: a Review of Sociological Studies of Pandemic. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 64–72. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230108

«ЭКРАНИЗАЦИЯ» ПАМЯТИ О СОВЕТСКОЙ КОСМОНАВТИКЕ: (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО ОБРАЗОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОСМИЧЕСКОМ КИНО

А. Е. Пискунова

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

Статья посвящена анализу содержания и прагматики памяти о советской космической программе в пространстве современного российского кино. Актуальность проблематики связана с тем, что «космическое» в последние годы вновь становится устойчивым объектом социального воображения и привлекательным сюжетом массмедиа, и воспоминания о советской космонавтике занимают видное место в современной российской культуре. В связи с этим настоящая статья, обращаясь к полнометражным отечественным художественным фильмам 2010-х гг., стремится рассмотреть кинематографические репрезентации советского космического прошлого как практики памяти, исследование которых, выполненное с акцентом на семиотических, нарративных и дискурсивных реалиях фильмов и образов, не нацелено дать ответы относительно достоверности и точности тех или иных интерпретаций прошлого, а предлагает анализ представлений, которые оказываются актуальными в конкретно-исторических условиях социокультурного производства. Материалы исследования показали, что киноистория советской космонавтики располагает двумя фреймами памяти. Героический образ советской космонавтики, воплощенный в специфической формуле художественного исторического кино, производит своего рода реставрацию советского патриотического канона, превращаясь во вдохновляющий символ истории. В другом случае ревизия образов прошлого приводит к высвобождению символических значений, придаваемых советской космической программе, что позволяет кинопамяти стать не статическим снимком версии прошлого, а динамической культурной силой.

Ключевые слова: советская космонавтика, космонавт, образы прошлого, медиапамять, кинорепрезентации, российский кинематограф.

Введение

В советской и современной российской истории значимое место занимает освоение космоса, которое оказывается одновременно стратегическим компонентом геополитической позиции, комплексным технонаучным проектом и предметом активных общественных обсуждений. Результаты мониторинговых социологических опросов красноречиво показывают, что имена Ю. Гагарина и С. Королева, освоение космоса и «первые» космические достижения на протяжении более двух десятилетий являются неизменными символами государственного величия и атрибутами национальной гордости [1, 2]. Поскольку отмечается, что в пространстве постсоветской культуры продолжают поиски оснований российского национального самосознания и еще не решена задача формирования новой консолидирующей идеи [3], отдельных усилий требует работа с космической тематикой как с *коммуникативной системой*, что поднимает сложный вопрос о (вос)производстве образов космической эры в современном социокультурном поле. При этом обсуждение советского космического проекта с неизбежностью превращается в конкурентное поле позиций, стратегий и форм реализации политики и культуры памяти. Особую роль здесь играет кинематограф, являясь сегодня одним из основных средств конструирования представлений о прошлом [4].

В связи с этим настоящая работа фокусируется на вкладе кино в процесс мемориализации освоения и изучения космического пространства в советский период. Содержание отечественной коллективной памяти анализируется на основе изучения российских полнометражных художественных фильмов, созданных в 2010-е годы. Выбор материала обоснован заслуживающим внимания обстоятельством, что несмотря на весь символический и идеологический потенциал с начала 90-х до ориентировочно 2010 г. кинематографические обращения к образам истории советской космонавтики были достаточно спорадическими, но затем в компактный период (менее десяти лет) оказываются весьма востребованными. Таким образом, в основу анализа положены фильмы «Гагарин. Первый в космосе» (2013), «Главный» (2015), «Салют-7» (2017), «Время первых» (2017), «Спутник» (2020), а также материалы релевантного публичного дискурса, позволяющие контекстуализировать процесс производства и рецепции кинообразов. Отобранные кинокартины обладают следующими семантическими атрибутами: употребление прецедентных феноменов, отражающих «космические» реалии (Ю. Гагарин, С. Королев, Салют-7 и пр.); употребление слов «космос», «космический» и «космонавт» применительно к месту действия и / или персонажам; основное действие фильма хронологически расположено в *советском ландшафте*.

Настоящее исследование стремится предложить социологическую трактовку современных кинообразов, обозначив смысловые, художественные, идеологические, дискурсивные возможности российского кино в конструировании представлений о советской космонавтике. В рамках исследования представляется необходимым реконструировать ключевые культурные мифы и дискурсивно-риторические стратегии кино(ре)презентации событий советской космонавтики, а также выявить механизмы перекодирования «следов» советского космического прошлого и культурного производства новых значений в современном смысловом контексте.

Обзор литературы

Постановка вопроса об образах прошлого в конкретных практиках и обществах идейно вписана в широкое междисциплинарное исследовательское поле *memory studies*, которое в первую очередь связано с именами М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, П. Хаттона [5]. Возросшая популярность обращения к проблемам восприятия исторических событий и памяти породила большое количество терминологических, концептуальных и конкретно эмпирических наработок, которым недостает интегрированности и теоретической строгости. По-прежнему одной из острых проблем в данной области является переосмысление центральных понятий, в том числе имеются значимые разногласия по поводу понимания различных «памятей» – коллективной, социальной, культурной, исторической [6–8]. Поскольку дискуссии о научном содержании соответствующих понятий выходят за рамки данной статьи, позволим себе ограничиться констатацией многообразия позиций и противоречий социогуманитарного дискурса о памяти. Для целей настоящей работы лишь зафиксируем в общем виде, что память подразумевает способ конструирования людьми своего прошлого. Более важно, на наш взгляд, сделать акцент на усиливающейся медиатизации памяти в эпоху распространения массовой культуры и развития коммуникационных технологий [9]. В таком ракурсе исследование памяти ориентировано на изучение *репрезентаций прошлого* и его конструирования через медиа памяти. Формирование особой *media memory* связано с все большей интеграцией повседневности и медиа, благодаря которой медиаконструкции прошлого становятся частью воспоминаний человека, заполняя индивидуальную память коллективно-разделяемыми представлениями, опосредованными циркулирующими в медиакультуре символическими канонами и культурными конструкциями [10].

За последние годы появилось немало конкретных исследований, демонстрирующих конструктивные возможности различных медиа в формировании образов прошлого. В рамках исследования мы обращаемся к кинематографу, ко-

торый вносит существенный вклад в мемориализацию различных событий прошлого [11]. Социально-эстетический и информационно-познавательный потенциал кино превращает его не просто в транслятор разнообразной историко-событийной информации, но в специфический способ осознания истории, который способствует «художественному переоткрытию» прошлого и его мифологизации. Соглашаясь с утверждениями о том, что у памяти отсутствует объективное измерение как таковое, кинофильм как специфический исторический источник [12] следует рассматривать не в контексте соответствия исторической правде, а как культурный продукт, предлагающий попытку схватить художественными средствами интерпретации прошлого, «витающего в воздухе» [13].

В свете этого актуализация «космического кино» как средства репрезентации событий советского прошлого связана с возрождающимся общественным интересом к теме освоения космоса, который делает востребованной память о космической гонке эпохи Холодной войны не только в плоскости конкретных исторических сюжетов, но и в контексте устойчивых символов, нарративов и мифов того времени. Анализ научной литературы позволяет говорить о формировании исследовательского поля, центрированного на обсуждении исторических, культурных и социально-политических аспектов космической программы, а также связанных с космосом культурных артефактов, таких как комиксы, кинематограф, памятные вещи и т. д. [14, 15]. Наиболее распространенным является подход с позиций истории культуры – анализ того, как это *было* в советский период, в том числе в документах того времени. К современным репрезентациям исследователи в основном обращаются в залоге «постсоветского» как реакции и пролонгации символических практик, оформленных советской культурой. Кроме того, несмотря на, казалось бы, широкие возможности кинематографа для создания «космических сюжетов» и распространенность аудиовизуального материала, соответствующий научный дискурс остается фрагментарным. Так, исследователи, основываясь на достаточно узкой выборке материалов, хронологически ограниченной началом 2000-х (фильмы «Бумажный солдат» (2008, реж. А. Герман мл.), «Космос как предчувствие» (2005, реж. А. Учитель), «Первые на Луне» (2005, реж. А. Федорченко)), в осмыслении постсоветских кинорепрезентаций прошлого преимущественно сфокусированы на следующих аспектах: переплетение космической истории вокруг нескольких ключевых личностей; (пере)оценка первых лет полета человека в космос (так называемой «зари космической эры»); характер и функции кинообразов о советской космонавтике на постсоветском пространстве [16–19].

Таким образом, изучение практик памяти, связанных с кинорепрезентацией советской кос-

монавтики, представляет аналитический интерес в связи с напряжением между их недостаточной изученностью и востребованностью и идейной нагруженностью темы освоения космоса в общественном сознании.

Методы исследования

Стремясь предложить интерпретацию социокультурных механизмов воспоминаний и забвений советского космического прошлого в пространстве современного российского кино, настоящая работа опирается на подход нарративной семиотики в раскрытии содержательно-смысловой сферы фильма и анализе его образной системы и выразительных средств. Учитывая сложное идейное, идеологическое, символическое наследие темы освоения космоса, методология исследования дополнена дискурс-анализом, который позволяет сделать акцент на многообразии социальных условий создания и закрепления значений, которые транслируются в рамках памяти, выраженной аудиовизуально.

Результаты и дискуссия

Анализ современных российских кинорепрезентаций советской космонавтики позволяет выделить – со всей мерой условности идеальных типов – два фрейма кинопамяти, демонстрирующих специфические модели символической работы с прошлым. Художественные интерпретации, предложенные в фильмах «Гагарин. Первый в космосе», «Главный», «Время первых», предстают как историко-биографические. Такое их определение фиксирует не только жанровые характеристики фильмов, но и особые механизмы конструирования истории. В рамках данного фрейма производится кинематографическое видение истории советского освоения космоса как *истории отдельных личностей*, проблематизирующей человека в контексте исторических испытаний.

«Человекомерность» космоса в пространстве фильмов решается благодаря введению двух героических образов – космонавта и главного конструктора. Прототипически образ космонавта связан с личностями Ю. Гагарина, Г. Титова, А. Леонова, П. Беляева, однако в механике кинопроизводства он мифологизируется, лишается индивидуальных черт, представляя зрителю универсальный символ безграничного человеческого потенциала, возможного благодаря бесстрашию и позитивному жизнеутверждающему настрою. Космонавт как советский герой показан типичным пассионарием, энергичным, активным, эмоциональным, испытывающим внутреннее стремление к деятельности, направленной на реализацию суперважной, далекой цели. Его образцовая мужественность представлена не только физическими стойкостью, но и моральными и личностными качествами, такими как сила духа, чувство долга, готовность совершить подвиг, пожертвовав собой ради служения родине и идее. Еще один специфический образ героя космической программы Со-

ветского Союза изображает С. Королева, «отца-основателя» советской космонавтики. Его эпическая биография затмевает упоминания о многих других личностях. В фильмах он предстает как титаническая фигура, человек, бескомпромиссно приверженный безопасности и в одиночку сопротивляющийся административному давлению. Главный конструктор часто не следует инструкциям, не принимает чужих мнений, однако его провидческое чутье позволяет всегда принимать верные решения. Кроме того, космонавты и конструкторы показаны в повседневной жизни как обычные люди и примерные семьянины, что придает образам утопические черты.

Обращаясь к идейно-символическому содержанию кинопамяти, отметим, что в фокусе данных фильмов находятся так называемые «первые достижения» космической эпохи – первый запуск спутника, первый полет человека в космос, первый выход человека в открытый космос. Они показаны как «исключительные» события, не вписывающиеся в повседневный ход советской жизни. Их особое идеологическое качество представлено через непрерывное введение в кинонаративы персонажей, осуществляющих постоянный контроль, а также демонстрацией напряженного баланса между советской космонавтикой как публичным пространством событий и сферой государственной тайны. Космос в художественном историческом кино является влиятельной эмблемой научно-технологического оптимизма, выражая веру в безграничные возможности человека в прогрессивном преобразовании окружающего мира. Несмотря на то что контекстуальная матрица кинореальности задана ситуацией Холодной войны и космической гонки, кинематографическими «героями» истории советской космонавтики руководят не мотивы политического, технологического господства, а иррациональное упорство, слепая вера в необходимость продолжать работать для достижения успеха.

В историко-биографический фрейм кинопамяти вписана установка на достоверность в передаче событий из истории советской космонавтики, точность и аутентичность, которые достигаются через активное привлечение свидетельств прошлого. Нередко создатели фильмов обращаются к коммуникативной памяти – историческому опыту индивидуальных биографий участников космической программы и их близких, например, в рамках сотрудничества с летчиком-космонавтом СССР А. А. Леоновым, доктором медицинских наук, профессором Н. С. Королевой. Зрители фактически становятся свидетелями кристаллизации опыта непосредственных участников событий в мифы памяти «многих». Кроме того, фильмы активно вписываются в существующую символическую канву через особые культурные скрепы вроде посвящений юбилейным датам. Например, телепремьера «Гагарин. Первый в космосе», первого фильма-биографии о Юрии

Гагарине, на который дала согласие семья космонавта, состоялась 12 апреля 2014 г. [20]. Подобные даты и юбилеи, как и другие значимые праздники, интенсивно и концентрированно актуализируют прошлое и задают способы его сохранения в коллективной памяти, предоставляя сообществу (в нашем случае – зрителям) возможность самоидентификации и социокультурной интеграции.

Использование выразительных средств кинематографа также придает особый «исторический дух» кинокартинам данного типа. В них благодаря визуальным (цвет, композиция) и звуковым (советские песни; диететические звуки, часто исходящие из радиопередатчиков; героическая вдохновляющая тема как лейтмотив кинокартин) эффектам создается идиллический образ, воспринимающийся стилистическим намеком на соцреалистическую традицию советского кинематографа. Динамично эксплуатируются условности документального фильма: прерывистость и «ветхость» съемки, черно-белые кадры, включение хроникальных фото и видео.

Таким образом, современное российское кино на тему космоса тиражирует патриотический мемориальный «мемориальный продукт», который транслирует статичное идейно-ценностное содержание. «Героические» образы, трансформировавшиеся в самореферентные мифы, приобретают свойство культурного стереотипа, лишаясь аффективного заряда. Строгое соблюдение достоверности и убедительности изображаемых на экране событий порождает «неуверенные» реакции зрителей на подобные кинообразы прошлого. Хоть отзывы, доступные на кинопорталах, как таковые не являлись предметом внимания данной статьи, обращение к ним позволяет резюмировать ту символическую работу, которую историко-биографические киноповествования о советской космонавтике выполняют в современной культуре. Так, культура памяти, навязываемая кинематографистами, не отвечает художественным и социальным идеалам зрительского видения исторической реальности и вызывает сопротивление тактикам такой кинопрезентации: *«создатели фильма решили снимать строго про удивительного, необычного, лучшего на свете Гагарина, покорившего космос. И об эту свою ошибку споткнулись. Потому что вместо героя страны – сняли кино про героя без страны»* [21]; *«чувство, что ты смотришь фильм, снятый во жесточайшей цензуры времен СССР и снятый по гос-заказу, а потому донельзя выхолощенный, не отпускает. Уже слишком штрих-пунктирным предстает перед нами жизненный путь Сергея Павловича Королёва. Он безупречен и неуязвим в каждом кадре. <...> В итоге и получилась агитка из Советских времен. Человек без личной жизни, без слабостей, а лишь безупречно преданный своему делу»* [22]. Художественный исторический фильм о космосе становится не только постпамятью,

но и контрпамятью зрителей. Обобщая, в историко-биографическом кино космос предъясняется с неизменным нормативно-этическим месседжем как один из устойчивых компонентов «триумфального» нарратива памяти о советском прошлом.

Современное российское кинопроизводство предлагает еще один фрейм памяти, в котором усиленная фикционализация образов прошлого на фоне правдоподобного показа исторического времени приводит к высвобождению и переосмыслению символических значений, придаваемых советской космической программе. В результате появляются интерпретации с приставкой анти-, но не в смысле противопоставления, а «вместо» и «вопреки». Фильмы предъясняют антитриумфальные, часто антиутопические кинонарративы, в которых происходит инверсия ценностно-смыслового содержания ключевых символов и дискурсов советской космической идеи. Они пронизаны духом отказа от стереотипов идеализации истории на экране, и это в первую очередь выражено в неоднозначных отношениях с историческим дискурсом и свидетельствами прошлого. Фильмы обращаются к реальным событиям и историческим артефактам. Так, фильм «Салют-7» (2017) – воплощенная киноверсия реальных событий советской космической программы, произошедших в 1985 году, когда из-за потери связи с космической станцией «Салют-7» на орбиту отправили космонавтов В. Джанибекова и В. Савиных. При производстве фильма создатели картины опирались на автобиографическую книгу последнего «Записки с мертвой станции». Кроме того, кинопроизводители стремились аутентично передать события, привлекая в качестве консультантов специалистов ракетно-космической отрасли и космонавтов, в качестве мест для съемок выбирая здания и места, которые гармонично соответствуют обстановке инженерно-конструкторских разработок [23], используя настоящий реквизит того времени или изготавливая его практически с полным соответствием [24]. Однако создатели кинокартин изначально выходят за ограничивающие рамки достоверности и исторической точности: *«Все-таки мы снимали не документальное кино, а жанровое. Это космическая катастрофа. И конечно, здесь возможен символизм, метафоричность и некоторые преувеличения для визуальной выразительности»* (продюсеры «Салют-7» Ю. Мишкинене и Б. Бакурадзе [25]); *«Мне кажется, что советская космонавтика – очень классный пласт нашей истории и вкусная фактура. Мы создали реалистичную фантазию на тему того, что могло бы случиться. У нас даже военная форма у солдат вымышленная. А в нашем офисе для ориентира висела табличка: “Мы не снимаем историческое кино!”»* Это был такой микролозунг, который развязал нам руки» (режиссер «Спутника» Е. Абраменко [26]). В результате кинопамять превращается в мифозрелище, близкое по содержа-

тельным и стилистическим чертам мейнстриму. Ориентируясь на коммерческий успех и пытаясь представить монотонные будни космонавтики более зрелищными, создатели фильмов активно применяют современные технологии (компьютерная графика, IMAX 3D и др.), запечатлевают эпические масштабные сцены. Такой вектор «работы» памяти создает в плане зрительской рецепции эффект двойничества, когда российские фильмы рассматриваются как аналоги более успешных зарубежных фантастических фильмов на космическую тему («Салют-7» называют «русской “Гравитацией”», для «Спутника» часты сравнения с «Чужим», «Прометеем»). Несмотря на предполагаемую историчность фильмов реализуемая установка на облегченное отношение к прошлому становится местом жесткой критики как со стороны представителей космической отрасли, так и со стороны критиков и зрителей.

Предпринятая кинематографистами «ревизия» дискурса памяти стала возможной благодаря *событийному* пониманию истории советской космонавтики и обращению к «невитринным» и даже маргинальным ее видениям и сюжетам, например, демонстрируя «изнанку» «секретности» космической деятельности. «Альтернативность» кинореализации обращена не к советской космической программе как таковой, а к порожденным воспоминаниям и мифам о ней. Фильмы интерпретируют космические достижения скептически-разочарованно или иронично, скептически переосмысливая последствия космических проектов. В связи с этим космическое кино предьявляет зрителям не героически-триумфальную историю космоса, а ситуации противоречий, ошибок и неудач. Происходит изменение общих ценностно-смысловых координат фильмов: дискурс прогресса вытесняется дискурсом кризиса, который ставит под сомнение технологические футуристические устремления и проявляет неоднозначность общественного развития и человеческих отношений.

В таком семантическом пространстве разворачивается культурный механизм острашения, работающий на нарушение привычных этических норм. В киноинтерпретациях происходит подрыв многих устойчивых представлений о космонавтах. Зрителю показан ненормативный космонавт, который становится трансгрессивным Другим повседневности, не имея возможности вписать специфический опыт и самопонимание, полученные в космосе, в круг обязанностей обычного гражданина и семьянина. На орбите не выполняет команды, неоднократно нарушает инструкции. Кинонарративы семиотически скрепляются измененными состояниями сознания: алкоголь и сигареты становятся необходимыми триггерами социально-психологических обстоятельств встречи с космосом. Образ «главного конструктора» также испытывает трансформации – он становится своего рода антиподом Королева. В од-

ной из версий он предстает как непоследовательный, эмоциональный и импульсивный, не имеющий абсолютного авторитета среди команды, ставящий под угрозу жизнь и здоровье космонавтов, находящихся на орбите, в другой – как агрессивный, властный и антигуманный человек.

Космос из успешного рационально обоснованного технологического проекта превращается в поле антагонизмов, в арену иррациональности и мистического опыта. Исторически первый полет задал риторику покорения космоса, сделав человечество единоличным властителем космического пространства. В кинологике устойчивый троп «одиночкой» Земли разрушается кинематографической встречей с радикальным Другим современного (западного) воображения – формами внеземной жизни. Дискурс катастроф оформляет диегетические происшествия, которые становятся триггером травматического опыта, как коллективного, так и индивидуального. Кинематографические события, угрожающие героям и обществам потерей идентичности, рефлексивно проблематизируют вопросы человеческой природы и культуры.

Таким образом, символическая поэтика фильмов о советской космонавтике, предлагающих критический взгляд на историю, ее «альтернативно-фантастическую» версию, провоцирует изменение отношения к считавшимся незыблемыми коллективным ценностям и идеалам, вводя в культурное пространство памяти новые сюжеты и образы.

Выводы

Память о советской космонавтике, помещаясь в пространство современного российского кинематографа, получает широкие возможности конструирования художественных интерпретаций прошлого. Однако обобщенное рассмотрение космических фильмов как корпуса социокультурных артефактов позволяет обнаружить определенную тенденцию мемориализации. Образы первого полета в космос, личности Ю. Гагарина и конструктора С. Королева, являясь не только «эмблемами» советской космической программы, но и популярными «местами памяти», в кинопамяти застывают, перестают меняться. Кинофильмы о событиях «зари» космической эры идеализируют прошлое, стремясь соответствовать идеологической линии брутального патриотизма и тем самым «консервируя» образ героического подвига советского человека. Его символическая нормативность, исключая другие векторы социального воображения как искажающие историческую правду, приводит к тому, что в кинематографической оптике помещаются менее насыщенные образами и смыслами эпизоды советской космонавтики более позднего периода. Этот шаг дает возможность создателям фильмов разнонаправленной художественно-выразительной работы по историческому моделированию, которая расширяет пространство интерпретации советской истории. Таким образом, сегодня кинематографическое воображе-

ние создает благодатную почву для семиотического взаимодействия прошлого и настоящего, реальности и симуляции, правды и вымысла в практике памяти об освоении космоса.

Литература

1. Пипия, К. Национальная идентичность и гордость : пресс-выпуск / К. Пипия // Левада-Центр, 2019. – URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.
2. Память об СССР: Гагарин против Горбачева : аналитический обзор // ВЦИОМ, 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva>.
3. Бараш, Р. Э. Поиски оснований российско-го национального самосознания после 2014 г.: контекст фронтальных исследований / Р. Э. Бараш // Журнал фронтальных исследований. – 2018. – № 4. – С. 121–146.
4. Пермякова, А. А. Кинематограф как механизм влияния государственной культурной политики на формирование исторической памяти россиян / А. А. Пермякова // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых (XI Колосницинские чтения). – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. – С. 137–141.
5. Сафронова, Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти / Ю. А. Сафронова // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 12–31.
6. Логунова, Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы / Л. Ю. Логунова // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 227–253.
7. Рагозина, Т. Э. Культурная память versus историческая память / Т. Э. Рагозина // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 3 (15). – С. 12–21.
8. Доронина, С. Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память / С. Г. Доронина // Tempus et Memoria. – 2020. – Т. 1, № 1–2. – С. 36–43.
9. On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age / ed. by M. Neiger, E. Zandberg, O. Meyers. – London, UK : Palgrave Macmillan, 2011. – 320 p.
10. Артамонов, Д. С. Медиапамять: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 65–83.
11. Лысова, Н. А. Репрезентация образа прошлого в современных отечественных игровых исторических фильмах / Н. А. Лысова // Философия и культура. – 2020. – № 2. – С. 12–26.
12. Волков, Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти / Е. В. Волков, Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 10 (269). – С. 22–26.
13. Самутина, Н. В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино / Н. В. Самутина. – Препринт WP6/2007/01. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 48 с.
14. Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture / ed. by J. T. Andrews, A. A. Siddiqi. – Pittsburgh, Pa. : Univ. of Pittsburgh press, 2011. – 330 p.
15. Kohonen, I. Picturing the Cosmos: A Visual History of Early Soviet Space Endeavor / I. Kohonen. – Bristol : Intellect, 2017. – 205 p.
16. Gerovitch, S. Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity / S. Gerovitch. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2015. – 232 p.
17. Lewis, C. S. From the Cradle to the Grave: Cosmonaut Nostalgia in Soviet and Post-Soviet Film / C. S. Lewis // Remembering the Space Age ; ed. by S. J. Dick. – Washington, DC: National Aeronautics and Space Administration, 2008. – P. 253–270.
18. Majsova, N. Neither Rupture Nor Continuity: Memorializing the Dawn of the Space Age in Contemporary Russian Cinematography / N. Majsova // The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception ; ed. by T. S. Andersen, B. Törnquist-Plewa. – Leiden ; Boston : Brill, 2017. – P. 198–219.
19. Rogatchevski, A. Space Exploration in Russian and Western Popular Culture: Wishful Thinking, Conspiracy Theories and Other Related Issues / A. Rogatchevski // Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies ; ed. by E. Maurer, J. Richers, M. Rüllers, C. Scheide. – Basingstoke, N. Y. : Palgrave Macmillan, 2011. – P. 251–265.
20. Некрасова, Е. Почему первый художественный фильм про Гагарина сняли только сейчас / Е. Некрасова // Online812.ru. – 2013. – URL: <https://online812.ru/2013/06/13/014/>.
21. Мараховский, В. Вместо героя страны – супергерой без страны. К премьере «Гагарин. Первый в космосе» / В. Мараховский // Однако. – 2013. – URL: <http://www.odnako.org/blogs/vmestogeroya-strani-upergeroy-bez-strani-k-premeregagarin-perviy-v-kosmose/>.
22. Рецензии: «Главный» (2015) // Кинопоиск. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/799410/reviews/>.
23. Тищенко, К. «Спутник»: Как создавался первый российский сай-фай триллер / К. Тищенко // Moviestart.Ru. – 2020. – URL: <https://moviestart.ru/2020/04/30/sputnik-kak-sozdavalsya-pervyj-rossijskij-saj-faj-triller/>.
24. Чачелов, А. Где и как снимали фильм «Спутник» / А. Чачелов // Бюллетень кинопрокатчика. – 2020. – URL: http://www.kinometro.ru/technology/show/name/Sputnik_shooting_8853.
25. Первушин, А. Мнение: «Салют-7»: реальная история или фантастика «по мотивам»? / А. Первушин // Мир фантастики. – 2017. – URL: <https://www.mirf.ru/kino/salyut-7-realnaya-istoriya/>.
26. Белик, О. Между нами тварь: Что мы знаем о триллере «Спутник» / О. Белик // Кинопоиск. – 2020. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4001302/>.

Пискунова Александра Евгеньевна – аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: alexpiskunova@mail.ru. ORCID 0000-0002-1928-0722

Поступила в редакцию 17 ноября 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230109

«SCREENING» THE MEMORY OF SOVIET COSMONAUTICS: THE (RE)PRODUCTION OF SPACE IMAGES IN CONTEMPORARY RUSSIAN CINEMA

A. E. Piskunova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the analysis of the content and pragmatics of the memory of the Soviet space program in contemporary Russian cinema. The relevance of the problem is connected with the fact that in recent years the «cosmos» has again become a stable object of social imagination and an attractive setting for the mass media. Memories of Soviet cosmonautics feature prominently in modern Russian culture. This article, referring to full-length Russian films of the 2010s, considers the cinematographic representations of the Soviet space past as memory practices. Studying them with an emphasis on the semiotic, narrative, and discursive realities of films and images offers interpretations of the past that are relevant in the concrete historical conditions of socio-cultural production. The materials of the study showed that the film history of Soviet cosmonautics has two memory frames. The heroic image of Soviet cosmonautics embodied in a specific formula of historical cinema produces a kind of restoration of the Soviet patriotic canon turning the image into an inspiring symbol of history. The revision of images of the past also leads to the release of symbolic meanings attached to the Soviet space program, which allows film memory to become not a static snapshot of the past, but a dynamic cultural force.

Keywords: soviet cosmonautics, cosmonaut, images of the past, media memory, film representations, Russian cinema.

References

1. Pipiya K. Natsional'naya identichnost' i gordost' [National Identity and Pride]: press-vypusk // *Levada-Tsentr*, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.
2. Pamyat' ob SSSR: Gagarin protiv Gorbacheva [Memory of the USSR: Gagarin vs. Gorbachev]: analiticheskiy obzor // *VTsIOM*, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva>.
3. Barash R.E. Poiski osnovaniy rossiyskogo natsional'nogo samosoznaniya posle 2014 g.: kontekst frontirnykh issledovaniy [The Process of Search of the Foundations of the Russian National Identity after the 2014: the Context of the Frontier Studies] // *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2018. № 4. S. 121–146.
4. Permyakova A.A. Kinematograf kak mekhanizm vliyaniya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na formirovanie istoricheskoy pamyati rossiyan [Cinematography as a Mechanism of Influence of State Cultural Policy on Constructing the Historical Memory of Russian People] // *Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost'*: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh (XI Kolosnitsynskie chteniya). Ekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2016. S. 137–141.
5. Safronova Y.A. Tret'ya volna memory studies: Dvadtsat' tri goda protiv shersti [The Third Wave of Memory Studies: Going against the Grain for Twenty-Three Years] // *Politicheskaya nauka*. 2018. № 3. S. 12–31.
6. Logunova L.Y. Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly [Historical and Social Memory: Paradoxes and Implications] // *Idei i idealy*. 2019. T. 11, № 1. S. 227–253.
7. Ragozina T.E. Kul'turnaya pamyat' versus istoricheskaya pamyat' [Cultural Memory versus Historical Memory] // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017. № 3 (15). S. 12–21.
8. Doronina S.G. Sotsial'naya struktura proshlogo: individual'naya i kollektivnaya pamyat' [Social Structure of the Past: Individual and Collective Memory] // *Tempus et Memoria*. 2020. T. 1, № 1–2. S. 36–43.
9. On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age / ed. by M. Neiger, E. Zandberg, O. Meyers. Palgrave Macmillan, 2011. 320 p.
10. Artamonov D.S. Mediapamyat': teoreticheskiy aspekt [Media Memory: Theoretical Aspect] // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. T. 4, № 2. S. 65–83.

11. Lysova N.A. Representatsiya obraza proshlogo v sovremennykh otechestvennykh igrovyykh istoricheskikh fil'makh [Representation of the Image of the Past in Modern Domestic Historical Feature Films] // *Filosofiya i kul'tura*. 2020. № 2. S. 12–26.
12. Volkov E.V., Ponomareva E.V. Igrovoe kino kak istoricheskiy istochnik dlya izucheniya kul'turnoy pamyati [Fiction Film as a Historic Source for the Studying of Cultural Memory] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 10 (269). S. 22–26.
13. Samutina N.V. Ideologiya nostal'gii: problema proshlogo v sovremennom evropeyskom kino [Ideology of Nostalgia: Problem of the Past in Contemporary European Cinema]. Preprint WP6/2007/01. HSE University, 2007. 48 p.
14. Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture / ed. by J.T. Andrews, A.A. Siddiqi. Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, 2011. 330 p.
15. Kohonen I. Picturing the Cosmos: A Visual History of Early Soviet Space Endeavor. Intellect, 2017. 205 p.
16. Gerovitch S. Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity. University of Pittsburgh Press, 2015. 232 p.
17. Lewis C.S. From the Cradle to the Grave: Cosmonaut Nostalgia in Soviet and Post-Soviet Film // *Remembering the Space Age*; ed. by S.J. Dick. National Aeronautics and Space Administration, 2008. P. 253–270.
18. Majsova N. Neither Rupture Nor Continuity: Memorializing the Dawn of the Space Age in Contemporary Russian Cinematography // *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*; ed. by T.S. Andersen, B. Törnquist-Plewa. Brill, 2017. P. 198–219.
19. Rogatchevski A. Space Exploration in Russian and Western Popular Culture: Wishful Thinking, Conspiracy Theories and Other Related Issues // *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies*; ed. by E. Maurer, J. Richers, M. Rütters, C. Scheide. Palgrave Macmillan, 2011. P. 251–265.
20. Nekrasova E. Pochemu pervyy khudozhestvennyy fil'm pro Gagarina snyali tol'ko seychas [Why the First Feature Film about Gagarin Was Shot Only Now] // *Online812.ru*. 2013. URL: <https://online812.ru/2013/06/13/014/>.
21. Marakhovskiy V. Vmesto geroya strany – supergeroy bez strany. K prem'ere «Gagarin. Pervyy v kosmose» [Instead of a Country Hero, is a Superhero without a Country. To the Premiere of «Gagarin. The First in Space»] // *Odnako*. 2013. URL: <http://www.odnako.org/blogs/vmesto-geroya-strani-upergeroy-bez-strani-k-premire-gagarin-perviy-v-kosmose/>.
22. Retsenzii: «Glavnyy» (2015) [Reviews: «Main» (2015)] // *Kinopoisk*. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/799410/reviews/>.
23. Tishchenko K. «Sputnik»: Kak sozdavalsya pervyy rossiyskiy say-fay triller [«Sputnik»: How the First Russian Sci-Fi Thriller Was Created] // *Moviestart.Ru*. 2020. URL: <https://moviestart.ru/2020/04/30/sputnik-kak-sozdavalsya-pervyj-rossijskiy-saj-faj-triller/>.
24. Chachelov A. Gde i kak snimali fil'm «Sputnik» [Where and How the Film «Sputnik» Was Shot] // *Bulleten' kinoprokatchika*. 2020. URL: http://www.kinometro.ru/technology/show/name/Sputnik_shooting_8853.
25. Pervushin A. Mnenie: «Salyut-7»: real'naya istoriya ili fantastika «po motivam»? [Opinion: «Salyut-7»: a Real Story or Fiction «Based on»?] // *Mir fantastiki*. 2017. URL: <https://www.mirf.ru/kino/salyut-7-realnaya-istoriya/>.
26. Belik O. Mezhdu nami tvar': Chto my znaem o trillere «Sputnik» [There's a Creature between Us: What We Know about the Thriller «Sputnik»] // *Kinopoisk*. 2020. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4001302/>.

Alexandra E. Piskunova – Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg), e-mail: alexpiskunova@mail.ru

Received November 17, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пискунова, А. Е. «Экранизация» памяти о советской космонавтике: (вос)производство образов в современном российском космическом кино / А. Е. Пискунова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 73–80. DOI: 10.14529/ssh230109

FOR CITATION

Piskunova A. E. «Screening» the Memory of Soviet Cosmonautics: the (Re)Production of Space Images in Contemporary Russian Cinema. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 73–80. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230109

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ В УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ

Н. Г. Чевтаева¹, Т. В. Окунева²

¹Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Екатеринбург, Российская Федерация

²Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Авторы придерживаются позиции, что вовлеченность персонала в управление становится трендом менеджмента XXI века. В рамках этой парадигмы ситуация, когда руководство рассматривает сотрудников как объект управления, призванный лишь исполнять приказы, трактуется исследователями как проявление токсичных трудовых отношений. Вместе с тем, в разных странах проявление соучастия персонала в управлении происходит нелинейно и неравномерно.

В статье на материалах социологического исследования анализируется состояние и перспективы использования инструментов вовлеченности в управление работников уральского региона. Выявлены противоречивые тенденции: с одной стороны, разные категории персонала в большинстве своем поддерживают необходимость инициатив и нововведений; с другой стороны, наблюдается неприятие работников в то, что они могут оказать влияние на проводимые изменения, тем более инициировать их самостоятельно. Примечательно, что не только рабочие, специалисты, но и руководители низовых и средних уровней низко оценивают возможность своего соучастия в этом процессе. Следствием становится снижение ответственности персонала за результаты деятельности организации, имитация использования технологий вовлеченности, снижение доверия к администрации.

Исследование позволило определить перспективы использования технологий вовлеченности персонала в принятие решений через организацию проектной и рационализаторской деятельности на предприятии. Те сотрудники, которые имеют возможность участвовать в деятельности по принятию управленческих решений, в большей степени испытывают удовлетворенность работой. Вовлеченность персонала создает предпосылки для трансформации трудовых ценностей от патерналистских и конфронтационных в партнёрские.

Ключевые слова: партисипативное управление, токсичные трудовые отношения, культура доверия, соучастие в управлении, удовлетворенность работой.

Введение

Центральная идея вовлечения сотрудников заключается в привлечении их к повседневному управлению организацией и пониманию того, что их вклад имеет важное значение в процессе принятия управленческих решений. Вовлечение персонала предстает как современная технология партисипативного менеджмента. Рядовой работник, вкладывая свое время, энергию и усилия, связывая судьбу с местом работы, имеет законное право влиять на различные аспекты политики компании. Вовлеченность сотрудников является принципом достижения производственной гармонии и демократии путем обеспечения полного участия сотрудников в достижении организационных целей. Вместе с тем, реализация принципов партисипативного управления происходит неравномерно в разных странах и на разных предприятиях. Формы соучастия также могут быть различны: соучастие в доходах и убытках компании, соучастие в собственности, а также соучастие в управлении.

Актуальными оказываются поиски ответов на вопросы: насколько востребована технология вовлеченности персонала в российской практике управления, заинтересованы ли руководители

и рядовые сотрудники в поиске форм взаимодействия, каково влияние партисипативных принципов на эффективность деятельности организации.

Обзор литературы

Вопросы вовлечения персонала рассматриваются в литературе в рамках теории мотивации труда на предприятиях [1–3] и в государственных организациях [4]. Исследователи отмечают зависимость распространенности практики участия персонала в управлении от политических и социально-экономических факторов: от широкого участия до фактически полного отсутствия в период тоталитарного политического режима [5]. Изучается российская и зарубежная практика соучастия персонала в принятии решений и инициации изменений [6]. В частности, в рамках концепции корпоративного управления анализируется китайская практика участия работников в корпоративном управлении [7]. Модель производственной демократии, реализованная в Германии, демонстрирует влияние участия работников в органах управления на деятельность компании [8]. Авторы изучают барьеры в отношениях между руководителями и работниками, препятствующие формированию готовности коллектива к нововведениям [9]. Если

длительное время человеческий фактор в промышленной организации почти не признавался [10]; то по мере усложнения систем управления теории и практики понимают значимость школы человеческих отношений Элтона Мэйо [11], важность командной работы в промышленности, умения строить культуру сотрудничества и развивать социальные навыки [12]. Сегодня отсутствие вовлеченности персонала рассматривается исследователями как значимое проявление токсичных трудовых отношений [13].

Поиски способов участия работника в делах работодателя приводят исследователей к обоснованию внедрения в российское трудовое право новой формы социального партнерства [14]. Обосновывается необходимость возрождения роли трудовых коллективов в целях расширения производственной демократии [15]. Изучаются обязательства, которые может взять на себя организация как участник коллективного действия перед обществом, формы закрепления добросовестной деловой репутации, доверие к бренду и поддержка инвесторов [16].

Формальный подход при использовании технологии вовлеченности в процесс управления не только снижает эффективность их использования, но и подрывает доверие к административной системе организации. Возможности же соучастия персонала, напротив, создают предпосылки для трансформации трудовых ценностей от патерналистских и конфронтационных в партнерские [17]. Исследования доказывают, что внимание к мнению отдельного работника повышает его заинтересованность в решении социально-экономических и общественных проблем [18]. Включенность работников в трудовую деятельность предприятия способствует их идентификации и ощущению субъективного благополучия [19, с. 42–43]; повышает уровень их лояльности, обеспечивая долгосрочное сотрудничество с организацией [20].

Таким образом, вовлеченность персонала становится трендом управления в XXI веке. Работники идентифицируют себя со своим предприятием, его корпоративными целями. Руководство должно перестать рассматривать сотрудников как группу, которая получает только приказы и указания. Если они не уважают сотрудников как равных на предприятии и не придают должного значения их взглядам, они не смогут завоевать их доверие и ожидать, что они помогут в принятии и реализации правильных решений в интересах организации [21]. Для целей нашего исследования важно подчеркнуть блок исследований, в которых включение работников в процесс принятия решений рассматривается через призму повышения его удовлетворенности трудом и социальной ответственности бизнеса [22]. При подготовке эмпирического исследования была поставлена задача диагностики

проявления указанных трендов в российской практике управления.

Методы исследования

С целью изучения готовности работников и руководителей к участию в управлении в марте–апреле 2021 года авторами было проведено социологическое исследование методом анкетирования. В исследовании приняло участие 836 работников различных сфер деятельности. Так, на первом месте по численности – работники сферы промышленности (табл. 1). Вторую по многочисленности группу в структуре выборки представляет отрасль торговли, являющаяся и одной из наиболее многочисленных на уральском рынке труда, на третьем месте – транспорт.

Таблица 1

Распределение респондентов по видам экономической деятельности

Table 1

Territorial distribution of respondents by type of economic activity

Вид экономической деятельности	В Свердловской области, 2019 г., (в %) ¹	Представленность в выборке, 2021 г., в %, (N=836)
Промышленность	25,4 %	23,2
Сельское хозяйство	4,6 %	3,1
Оказание услуг населению (рестораны, кафе, сфера развлечений и др)	2,7 %	2,9
Транспорт	13,3 %	14,3
Государственное(муниципальное) управление	1,2 %	2,1
Строительство	10,9 %	10,6
Торговля	19,5 %	20,6
Телекоммуникация и связь	2,1 %	2,3
Образование и наука	9,1 %	10,3
Медицина, здравоохранение	7,2 %	6,8
Культура, спорт	0,8 %	1,0
Финансы, банки	3,1 %	2,9
ИТОГО	100,0 %	100,0

Среди опрошенных руководители составляют 14,3 %, служащие / специалисты – 50,6 %, респонденты, занимающие рабочие должности, составляют 36,1 %. В гендерном соотношении среди опрошенных 42,4 % мужчин и 58,6 % женщин, что также соответствует общероссийскому соотношению (46 % мужчин и 54 % женщин). Большая часть опрошенных представляет население городов (86,6 %), в поселке городского типа проживает 10,1 % респондентов, еще 3,4 % в сельской местности. В выборке присутствуют работники всех возрастов, наиболее многочисленной является категория работников в возрасте 41–50 лет (24,2 %).

Гипотеза исследования: участие работника в управлении повышает уровень его удовлетворенности трудом; вовлечение сотрудников в управление

¹ По данным: Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. / Росстат. P76 М., 2020. 700 с.

ние и участие в нем влияют на продуктивность, удовлетворенность работой и помогают в достижении самореализации сотрудников.

Результаты и дискуссия

Исследование показало средний уровень вовлеченности сотрудников в осуществление нововведений в организации: несмотря на то что более половины (58, 2 %) работников осознают потребность во внедрении инноваций на своих предприятиях, положительно к ним относятся (71,1 %), но лишь треть призналась, что могут оказывать влияние на проводимые изменения или инициировать их (табл. 2).

Таблица 2

Оценка перспектив и возможностей участия работников в управлении (доля положительных ответов, в % к числу ответивших, N=836)

	В целом	Руководители	Специалисты	Рабочие
Функционирует ли на вашем предприятии система рационализаторских предложений, внедрения инноваций, проектов по совершенствованию работы?	52,3	64,7	51,1	49,0
Участвуете ли вы в принятии решений по проблемам работы организации?	53,7	65,5	53,0	48,3
Насколько подобные проекты необходимы в вашей организации?	58,2	66,1	58,7	54,5
Как вы относитесь к подобным проектам?	71,1	77,1	74,3	64,0
На ваш взгляд, вы, как работник, можете оказать влияние на изменения, проводимые в организации?	39,2	51,3	40,4	32,9
Можете ли вы инициировать изменения?	38,8	58,0	38,2	31,8

Исследование также показало, что потребность изменений и возможность влиять на них неравномерно распределяется среди опрошенных в зависимости от должности (у руководителей она выше, чем у специалистов или рабочих). При этом даже руководители не всегда оценивают возможности своего влияния на происходящие процессы положительно, что зависит от уровня руководящей позиции.

Необходимость внедрения инновационных проектов также оценивается по-разному: несмотря на то что каждый второй работник признает необходимость изменений, 16,6 % опрошенных считают, что такие изменения их организации не нужны. Лишь каждый третий рабочий и не более 40 % специалистов считают, что могут инициировать изменения или влиять на принимаемые решения в организации. Такая ситуация обусловлена невысоким уровнем доверия работников к руководству, что

ограничивает возможности их участия в управлении. Система внедрения инновационных проектов, созданная на предприятиях (о ее наличии заявил каждый второй опрошенный), либо функционирует формально, либо не создает условий для реального продвижения инициатив и предложений работников не руководящих должностей.

Важным остается вопрос понимания происходящих изменений со стороны работников, которые, как показало исследование, этот процесс оценивают как медленный и весьма эпизодический (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами активности внедрения современных технологий, изменений

Table 3

Respondents' assessment of the introduction of modern technologies, changes

	В целом	Руководители	Специалисты	Рабочие
«Есть ли на вашем предприятии процессы, связанные с такими тенденциями, как автоматизация, роботизация, цифровизация?» (в % к числу ответивших, допускалось несколько вариантов)				
Да, автоматизируются отдельные процессы	17,1	36,1	17,9	16,3
Да, некоторые процессы цифровизируются	23,9	27,8	23,6	20,5
Да, вводятся современные технологии, роботизация	11,1	2,8	19,7	11,5
Активно внедряются многие современные технологии	11,2	8,3	16,0	16,7
Нет, таких изменений не наблюдаю	36,7	25,0	24,5	35,1
Как вы думаете, вообще современные технологии (автоматизация, роботизация, цифровизация) получают активное распространение? (в % к числу ответивших)				
Да, активно внедряются	31,0	33,9	34,4	24,9
Да, но внедряются частично	27,3	30,5	27,0	26,3
Да, но внедряются лишь на некоторых предприятиях	23,0	22,9	23,0	23,2
Скорее нет, внедрение новых технологий доступно лишь немногим предприятиям	12,2	9,3	11,2	14,9
Нет, эти технологии не внедряются	6,4	3,4	4,3	10,7

Так, практически каждый третий опрошенный таких процессов не наблюдает (27,3 %), а активное внедрение современных технологий в большей степени ощущается работниками предприятия торговли, чем транспортного (26,9 % против 11,1 %), что несколько парадоксально. При этом и активность внедрения новых технологий вообще транспортными работниками оценивается ниже, чем в целом по выборке и работниками предприятия торговли (19,7 %, 30,9 % и 43,5 % соответственно).

Существенное влияние возможность участия в управлении оказывает на отношение работников к организации и труду, то есть определяет идентичность с предприятием. Как показало исследование, отношение работников, которые уже участвуют в управлении или планируют это сделать, существенно выше, чем тех, кто считает, что не имеет возможности оказывать влияние на изменения, происходящие в организации (табл. 4).

Довольно большая доля работников, которые не участвуют в управлении среди тех, кто работой удовлетворен (51,6 %), но существенно выше она среди тех, кто считают работу неприятной необходимостью – 80 %. Среди удовлетворенных работой велика доля тех, кто планирует участие в инновационных проектах (11,7 %), и она существенно выше чем среди тех, кто работой не доволен (2,2 %).

Таблица 4
Влияние возможности принимать участие в управленческой деятельности на отношение к труду, в % к числу ответивших

Table 4
The influence of the opportunity to participation in decision-making on the attitude to work, (%)

Какое из следующих суждений о работе более всего подходит лично вам?	Принимали ли вы участие в инновационных проектах и как часто?					Все го
	Да, раз в год и чаще	Да, раз в 2–3 года	Раз в 3 года и реже	Нет, не принимал	Только планирую принять участие	
Работа для меня интересна и важна сама по себе, по сути, именно она – мое «хобби»	17,2 %	8,6 %	10,9 %	51,6 %	11,7 %	100,0 %
Работа – дело важное, но есть вещи, занимающие меня не меньше, чем работа	11,7 %	4,6 %	5,6 %	70,2 %	7,8 %	100,0 %
Работа – это для меня в основном источник средств к существованию	12,6 %	5,5 %	7,7 %	44,4 %	28,8 %	100,0 %
Работа для меня – неприятная необходимость, если бы мог, не работал бы	8,9 %	4,4 %	4,4 %	80,0 %	2,2 %	100,0 %
Всего	12,7 %	4,9 %	6,7 %	69,1 %	6,6 %	100,0 %

Закономерно и обратное суждение – возможность участия в деятельности по управлению повышает удовлетворенность как работой, так и организацией, о чем также говорят результаты проведенного исследования (табл. 5).

Среди тех, кто считает, что может оказывать влияние на принимаемые в организации решения, доля тех, кто считает работу интересной и важной, в среднем на 10 % выше, чем среди тех, кто считает, что такая возможность для него в организации отсутствует. Наибольшая доля тех, кто работой не удовлетворен, среди тех работников, которые считают, что не могут влиять на принимаемые в организации решения.

Таблица 5
Влияние возможности оказать влияние на решения, принимаемые в организации, на отношение к труду (в % к числу ответивших)

Table 5
The impact of the ability to influence decisions made in the organization on the attitude to work (%)

На ваш взгляд, вы как работник, можете оказать влияние на изменения, проводимые в организации?	Какое из следующих суждений о работе более всего подходит лично вам?				Все го
	Работа для меня интересна и важна сама по себе, именно она – мое «хобби»	Работа – дело важное, но есть вещи, занимающие меня не меньше, чем работа	Работа – это для меня в основном источник средств к существованию	Работа для меня – неприятная необходимость, если бы мог, не работал бы	
Да, могу	24,3 %	47,3 %	25,7 %	2,7 %	100,0 %
Скорее да	23,2 %	49,6 %	26,4 %	0,8 %	100,0 %
Скорее нет	10,1 %	49,8 %	31,7 %	8,4 %	100,0 %
Нет, не могу	7,0 %	43,7 %	38,7 %	10,6 %	100,0 %
Затрудняюсь ответить	12,9 %	52,5 %	29,5 %	5,0 %	100,0 %
ВСЕГО	15,3 %	48,9 %	30,4 %	5,4 %	100,0 %

В целом, такая же тенденция характерна и для других индикаторов, связывающих удовлетворенность трудом и возможности соучастия в управлении, такие как ощущение гордости от работы или нежелания оставлять рабочее место в случае, если такая возможность представится.

Выводы

Исследование перспектив соучастия в управлении показало ряд противоречивых закономерностей. С одной стороны, предприятия формируют условия для включения работников в этот процесс, создавая и поддерживая системы внедрения инноваций, проектов и предложений и абсолютно все категории персонала положительно относятся к нововведениям, считают это процесс необходи-

мым. При этом число работников, включенных в управленческий процесс, относительно небольшое даже среди руководителей, деятельность которых напрямую связана с управленческими решениями.

Возможность соучастия также положительно коррелирует с отношением работников к организации, труду, что создает благоприятные перспективы для распространения этой практики и позволит в дальнейшем завершить трансформационные процессы в отношениях между работниками и работодателями и осуществить переход от патерналистского типа к партнерскому.

С другой стороны, лишь треть работников реально считает, что может оказывать влияние на проводимые изменения или инициировать их самостоятельно. Примечательно, что к этим работникам относятся руководители, причем среднего и высшего уровня управления. Специалисты, рабочие и даже руководители низовых уровней реальной возможности соучастия в управлении не видят.

По нашему мнению, связано это с тем, что работники в большинстве своем, обладая достаточной квалификацией для выполнения работы, не могут воспользоваться предлагаемым менеджментом предприятия инструментами влияния на управленческий процесс, либо делают это недостаточно профессионально, что снижает доверие руководителей к мнению работников и в дальнейшем приводит к снижению заинтересованности в проявлении подобной инициативы со стороны работников повторно. Возможно также, что предложенные работникам инструменты соучастия существуют на предприятии в большей степени формально, не обеспечивая при этом должного внимания к инициативам работников, что опять же снижает включенность работников в деятельность по управлению.

Если говорить о перспективах соучастия, то положительных эффектов можно добиться, по нашему мнению, в том случае, если повысить квалификацию работников в части использования инструментов управления, предоставляемых работникам. В противном случае работники смогут осознавать проблемы предприятия или недостатки принимаемых организационных решений, но так и не будут иметь возможности предлагать варианты решения проблем в необходимом для руководства формате. Подобная ситуация ведет к снижению ответственности за результаты деятельности организации (так как влиять на них все равно нельзя), нерациональному расходованию ресурсов предприятия и формализму в реализации организационных инициатив и нововведений, что довольно типично для политики популизма, реализуемой менеджментом. С другой стороны, руководители должны понимать, что партнерский тип взаимоотношений требует большего доверия власти к сотрудникам, при этом это не ведет к ограничению властных полномочий, а напротив, создает условия для большей вовлеченности и появлению решений, эффективно работающих в условиях конкретного предприятия.

Литература

1. Токарева, Ю. А. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход : монография / Ю. А. Токарева, Н. М. Глухенькая, А. Г. Токарев. – Шадринск : Шадринский гос. пед. ун-т, 2021. – 216 с.
2. Гончарова, Н. В. Управление человеческими ресурсами организации в условиях современного рынка труда : учебное пособие для студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент» / Н. В. Гончарова, Л. В. Дайнеко, Е. В. Зайцева. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. – 162 с.
3. Чевтаева Н. Г. Гибкая занятость – антикризисная мера или новая форма организации труда в условиях 4-й промышленной революции / Н. Г. Чевтаева // Формирование современной модели государственного управления: перспективы и вызовы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием ; отв. ред. Н. П. Носова. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2019. – С. 86–88.
4. Никитина, А. С. Управление человеческими ресурсами в государственном и муниципальном управлении : учебное пособие для вузов / А. С. Никитина. Н. Г. Чевтаева. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2020. – 187 с.
5. Кудрин А. С. Об участии представителей работников в управлении организацией в России: исторический аспект / А. С. Кудрин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1 (44). – С. 104–111.
6. Бетеева, О. Г. Содержание и основные формы соучастия работников в управлении предприятием (анализ отечественного и зарубежного опыта) : автореф. дис. ... канд. соц. наук / О. Г. Бетеева. – М., 2009.
7. Тяньфан, Ян. Участие работников в корпоративном управлении китайских компаний: сравнительный аспект / Ян Тяньфан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 12., № 3. – С. 752–770.
8. Ключко В. Н. Система участия работников в управлении компаниями Германии: история и современность / В. Н. Ключко // Инновации в менеджменте. – 2020. – № 4 (26). – С. 8–13.
9. Окунева, Т. В. Культура труда работников как фактор реализации корпоративной стратегии управления транспортным предприятием / Т. В. Окунева, О. Н. Шестопалова // Вопросы управления. – 2021. – № 4 (71). – С. 137–150.
10. Nestor, O. W. A History of Personnel Administration 1890–1910 / O. W. Nestor. – London : Routledge, 2017. – P. 230.
11. Bendix, R. The Perspectives of Elton Mayo / R. Bendix, L. H. Fisher // The Anthropology of Organisations. – Routledge, 2017. P. 11–18.
12. Kanfer, R. Motivation related to work: A cen-

- ture of progress / R. Kanfer, M. Frese, R. E. Johnson // *Journal of Applied Psychology*. – 2017. – Vol. 102 (3). – P. 338.
13. Fedorova, A. Toxic elements of labour relations under conditions of growing precarization of the employment / A. Fedorova, V. Katashinskikh // *The 9th International Days of Statistics and Economics*. – Prague: Melandrium, Czech Republic, 2015. – P. 751–760.
14. Гондельева, А. Г. Участие работника в делах работодателя как новая форма социального партнерства в российском трудовом праве / А. Г. Гондельева // *Человек. Социум. Общество*. – 2022. – № 1. – С. 66–70.
15. Нургалиева, Е. Н. К вопросу об участии работников в управлении производством / Е. Н. Нургалиева, Л. З. Ахметжан // *Наука*. – 2020. – № 2 (65). – С. 20–25.
16. Глубокая, Ю. В. Участие в коллективных действиях как показатель уровня развития корпоративного комплаенса и надлежащего управления организацией, необходимого для достижения целей устойчивого развития / Ю. В. Глубокая // *Век качества*. – 2021. – № 3. – С. 54–63.
17. Темницкий, А. Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих / А. Л. Темницкий // *Социологические исследования*. – 2021. – № 4. – С. 61–73.
18. Тощенко, Ж. Т. Публичный и частный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры / Ж. Т. Тощенко // *Социологические исследования*. – 2021. – № 11. – С. 24–36.
19. Татарова, Г. Г. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения / Г. Г. Татарова, Г. П. Бессокирная, А. В. Кученкова // *Социологические исследования*. – 2021. – № 10. – С. 37–49.
20. Международные тенденции в сфере управления персоналом – 2020. – URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/HC-trends-2020_RU.pdf.
21. Zaware, N. Deliberating the managerial approach towards employee participation in management / N. Zaware, A. Pawar, S. Kale, T. Fauzi, H. Loupias // *International Journal of Control and Automation*. – 2020. – Vol. 13, № 1. – P. 437–457.
22. Sánchez-Marín, G. Excess executive compensation and corporate governance in the United Kingdom and Spain: A comparative analysis / G. Sánchez-Marín, M. E. Lucas-Pérez, S. Baixauli-Soler, B. G. M. Main, A. Mínguez-Vera // *Managerial and Decision Economics*. – 2022. – P. 1–21.

Чевтаева Наталия Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Екатеринбург), e-mail: che13641@gmail.com. ORCID: 0000-0002-4223-3318

Окунева Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры управления персоналом и социологии, Уральский государственный университет путей сообщения (Екатеринбург), e-mail: tatokuneva@list.ru. ORCID: 0000-0001-5561-9634

Поступила в редакцию 21 марта 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230110

STAFF INVOLVEMENT AS A FACTOR OF IMPROVING WORK SATISFACTION

N. G. Chevtayeva,¹ T. V. Okuneva²

¹*Ural Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russian Federation*

²*Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russian Federation*

The involvement of staff in management is a 21st century management trend. Management consideration of employees as objects of management, suitable only to follow orders, is interpreted by researchers as a manifestation of toxic labor relations. In different countries, the manifestation of participation in management by workers occurs non-linearly and unevenly.

Based on the materials of a sociological study, this article analyzes the prospects for involving workers in management in the Ural region. Contradictory trends have been identified: different categories of staff for the most part support the need for initiatives and innovations; however, there is a lack of confidence among employees that they can influence the ongoing changes, let alone initiate them. Not only the workers, but also the lower and middle levels of management assess the possibility of their participation in this process as low. The result is a decrease

in the responsibility of staff for the results of the organization's activities, ineffective use of involvement technologies, and a decrease in trust in the administration.

The study makes it possible to determine the prospects for the use of staff involvement technologies: in decision-making through the design and rationalization of activities at the enterprise. Those employees who have the opportunity to participate in management decision-making activities are more satisfied with their work. The involvement of staff allows for the transformation of labor values from paternalistic and confrontational to a partnership.

Keywords: participatory management, toxic labor relations, culture of trust, participation in management, job satisfaction.

References

1. Tokareva Y.A., Glukhen'kaya N.M., Tokarev A.G. Motivatsiya trudovoy deyatelnosti personala: kompleksnyy podkhod [Motivation of Labor Activity of Personnel: an Integrated Approach]: monografiya. Shadrinsk: Shadrinskiy gos. Ped. Universitet, 2021. 216 s.
2. Goncharova N.V., Dayneko L.V., Zaytseva E.V. Upravlenie chelovecheskimi resursami organizatsii v usloviyakh sovremennogo rynka truda [Human Resource Management of an Organization in the Conditions of the Modern Labor Market]: uchebnoe posobie dlya studentov vuza, obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki 38.03.02 «Menedzhment». Ekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet im. Pervogo prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2021. 162 s.
3. Chevtavaeva N.G. Gibkaya zanyatost' – antikrizisnaya mera ili novaya forma organizatsii truda v usloviyakh 4-y promyshlennoy revolyutsii [Flexible Employment – an Anti-Crisis Measure or a New Form of Labor Organization in the Conditions of the 4th Industrial Revolution] // *Formirovanie sovremennoy modeli gosudarstvennogo upravleniya: perspektivy i vyzovy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s inostrannym uchastiem; otv. red. N.P. Nosova. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet: BRICS LAW JOURNAL*, 2019. S. 86–88.
4. Nikitina A.S., Chevtavaeva N.G. Upravlenie chelovecheskimi resursami v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [Human Resource Management in State and Municipal Management]: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd. M.: Yurayt, 2020. 187 s.
5. Kudrin A.S. Ob uchastii predstaviteley rabotnikov v upravlenii organizatsii v Rossii: istoricheskiy aspekt [On the Participation of Employee Representatives in the Management of an Organization in Russia: a Historical Aspect] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2021. № 1 (44). S. 104–111.
6. Beteeva O.G. Soderzhanie i osnovnye formy souchastiya rabotnikov v upravlenii predpriyatiem (analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta) [The Content and Main Forms of Employee Participation in Enterprise Management (Analysis of Domestic and Foreign Experience)]: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk. M., 2009
7. Tyan'fan Yan. Uchastie rabotnikov v korporativnom upravlenii kitayskikh kompaniy: sravnitel'nyy aspekt [Employee Participation in Corporate Governance of Chinese Companies: a Comparative Aspect] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2021. T. 12, № 3. S. 752–770.
8. Klyuchko V.N. Sistema uchastiya rabotnikov v upravlenii kompaniyami Germanii: istoriya i sovremennost' [The System of Employee Participation in the Management of German Companies: History and Modernity] // *Innovatsii v menedzhmente*. 2020. № 4 (26). S. 8–13.
9. Okuneva T.V., Shestopalova O.N. Kul'tura truda rabotnikov kak faktor realizatsii korporativnoy strategii upravleniya transportnym predpriyatiem [Labor Culture of Employees as a Factor in the Implementation of the Corporate Strategy of Transport Enterprise Management] // *Voprosy upravleniya*. 2021. № 4 (71). S. 137–150.
10. Nestor O.W. A History of Personnel Administration 1890–1910. London. Routledge, 2017. P. 230.
11. Bendix R., Fisher, L.H. The Perspectives of Elton Mayo // *Anthropology of Organisations*. Routledge, 2017. P. 11–18.
12. Kanfer R., Frese M., Johnson R.E. Motivation Related to Work: A Century of Progress // *Journal of Applied Psychology*, 2017. Vol. 102 (3). P. 338.
13. Fedorova A., Katashinskikh V. Toxic Elements of Labour Relations under Conditions of Growing Precarization of the Employment // *The 9th International Days of Statistics and Economics*. Prague: Melandrium, Czech Republic, 2015. P. 751–760.
14. Gondel'eva A.G. Uchastie rabotnika v delakh rabotodatelya kak novaya forma sotsial'nogo partnerstva v rossiyskom trudovom prave [Employee Participation in Employer's Affairs as a New Form of Social Partnership in Russian Labor Law] // *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*. 2022. № 1. S. 66–70.
15. Nurgaliev E.N., Akhmetzhan L.Z. K voprosu ob uchastii rabotnikov v upravlenii proizvodstvom [On the Issue of Employee Participation in Production Management] // *Nauka*. 2020. № 2 (65). S. 20–25.

16. Glubokaya Y.V. Uchastie v kollektivnykh deystviyakh kak pokazatel' urovnya razvitiya korporativnogo komplensa i nadležashchego upravleniya organizatsiy, neobkhodimogo dlya dostizheniya tseley ustoychivogo razvitiya [Participation in Collective Actions as an Indicator of the Level of Development of Corporate Compliance and Proper Management of the Organization Necessary to Achieve Sustainable Development Goals] // *Vek kachestva*. 2021. № 3. S. 54–63.

17. Temmitskiy A.L. Traditsii i innovatsii v trudovoy kul'ture rossiyskikh rabochikh [Traditions and Innovations in the Labor Culture of Russian Workers] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. № 4. S. 61–73.

18. Toshchenko Zh.T. Publichnyy i privatnyy zhiznennyy mir prekariata: osnovnye cherty i orientiry [Public and Private Life World of the Precariat: Main Features and Guidelines] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. № 11. S. 24–36.

19. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. Sub'ektivnoe blagopoluchie na rabote: issledovatel'skie praktiki sotsiologicheskogo izmereniya [Subjective Well-Being at Work: Research Practices of Sociological Measurement] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. № 10. S. 37–49.

20. Mezhdunarodnye tendentsii v sfere upravleniya personalom – 2020 [International Trends in the Field of Personnel Management]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/HC-trends-2020_RU.pdf.

21. Zaware N., Pawar A., Kale S., Fauzi T., Loupias H. Deliberating the Managerial Approach towards Employee Participation in Management // *International Journal of Control and Automation*. 2020. Vol. 13, № 1. P. 437–457.

22. Sánchez-Marín G., Lucas-Pérez M.E., Baixauli-Soler, S., Main, B.G.M., Mínguez-Vera A. Excess Executive Compensation and Corporate Governance in the United Kingdom and Spain: A Comparative Analysis // *Managerial and Decision Economics*. 2022. P. 1–21.

Natalia G. Chevtaeva – D. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Personnel Management, Ural Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg), e-mail: che13641@gmail.com

Tatyana V. Okuneva – Senior Lecturer of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural State University of Railway Engineering (Yekaterinburg), e-mail: tat-okuneva@list.ru

Received March 21, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чевтаева, Н. Г. «Вовлеченность сотрудников в управление как фактор повышения удовлетворенности работой / Н. Г. Чевтаева, Т. В. Окунева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 81–88. DOI: 10.14529/ssh230110

FOR CITATION

Chevtaeva N. G., Okuneva T. V. Staff Involvement as a Factor of Improving Work Satisfaction. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 81–88. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230110

РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕРОЕВ ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ»

Л. Н. Корнилова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена анализу речевых особенностей действующих лиц драматического произведения А. П. Чехова «Три сестры». Проблема роли речевого портрета в создании художественного образа является одним из актуальных направлений филологических исследований. Обзор научной литературы позволяет в качестве базового принять тезис о том, что автор через погружение в обыденность раскрывает сложность и трагичность человеческой жизни. Цель исследования – доказать этот тезис, опираясь на анализ речи персонажей (трех сестер), которая является одной из составляющих их характеров. В статье представлено описание смысловой и стилистической специфики лексикона каждой из сестер. Именно речь выступает репрезентантом личностных характеристик героинь. В пьесе А. П. Чехова мы видим три индивидуальности, причем они воспринимаются как единый образ. Этот факт можно рассматривать как оригинальный художественный прием драматурга. Использование комплекса описательного и аналитического методов при исследовании речевой самобытности сестер Прозоровых дало возможность прийти к заключению о близости разнохарактерных героинь. Эта близость реализуется через набор лексических средств, обсуждаемых вопросов, через обозначение жизненной позиции. Близость трех разных личностей объясняется не только тем, что они представители одной семьи, но и тем, что объединенный образ помогает драматургу высказать свою позицию и заставить читателя и зрителя задуматься о вечных вопросах жизни.

Ключевые слова: драматургия, речевой портрет, речевая репрезентация, «подводное течение», подтекст.

Введение

Речевая характеристика персонажа – это не только художественный прием литературного произведения, но и активно разрабатываемый вопрос литературоведческих исследований. Тезис о том, что речь литературного героя помогает понять его образ, стал общим местом в анализе художественного произведения, что не умаляет значения исследования этого художественного приема и не снижает актуальности заявленной темы. Речь персонажа дает ключ к раскрытию его художественного образа, что, в свою очередь, облегчает объяснение идейного замысла всего произведения [1–3].

Взаимосвязь и взаимозависимость языка и сознания человека, взаимовлияние и взаимообусловленность речи и характера личности волнуют ученых разных научных областей: литературоведов, лингвистов, психологов, социологов, философов, логиков и др. Так, М. К. Мамардашвили, отечественный философ, писал, что речь – это «...выворачивание внутреннего и овнутривание внешнего» [4]. Через речь человек транслирует не только свои мысли, но и свои настроения, свой характер. Посредством речи происходит самовыражение личности. Если вернуться к художественному произведению, то можно сказать, что речь персонажа – это отражение его характера, одна из составляющих его образа, причем важная составляющая.

Речевой портрет – сложноорганизованная система, совокупность речевых (языковых) элемен-

тов, которые позволяют идентифицировать личность (персонаж). Его изучение содержит в себе характеристику различных уровней языковой личности, из которых большинством исследователей обычно выделяется три:

- вербально-семантический (о чём говорить?);
- лингвокогнитивный (каким образом говорить?);
- прагматический / мотивационный (для чего говорить?) [5].

По мнению Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, речевая характеристика – это «...подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей» [6].

Цель данной статьи – определение роли речевых репрезентантов в создании художественных образов героинь пьесы А. П. Чехова «Три сестры». В ходе анализа были описаны языковые особенности персонажей, дающие понимание их места в системе образов драматического произведения для реализации идейного замысла автора.

Обзор литературы

Творчество А. П. Чехова и сегодня привлекает читателей и исследователей, оставаясь интересным, значимым, современным. Оно отражает человеческую значительность писателя. Чехов, как пишет Дж. Б. Пристли в своей книге «Антон Чехов», является «...образцом нового типа человека,

в котором так нуждается наш век... Он обладал научным образованием и мироощущением... Он (бесплатно) лечил крестьян по утрам, занимался садом, школой, библиотекой днем, а вечером создавал свои маленькие шедевры. И все это делалось без догматизма и теоретизирования... тонко, с мягким юмором и пониманием» [7]. Изучению произведений А. П. Чехова, особенностей стиля, характеров персонажей посвящены работы многих учёных, пытающихся раскрыть «феномен Чехова», в частности феномен его драматических произведений.

А. П. Скафтымов, исследуя драматургию Чехова, отмечал отсутствие событий в них и так писал о героях чеховских пьес: «Горечь жизни этих людей, их драматизм <...> состоит <...> не в особом печальном событии, а именно в длительном, обычном, сером, одноцветном, ежедневно-будничном состоянии» [8].

Т. Г. Ивлева указывает на «...очевидное противоречие чеховской драмы классической драматургической парадигме – отсутствие в ней главной для драмы как литературного рода категории – действия, реализованного, прежде всего, в событии. <...> Чеховские пьесы – это пьесы бездействия, главные события которых (история Нины Заречной, самоубийство Треплева, покушение на профессора Серебрякова, дуэль Тузенбаха и Соленого, продажа вишневого сада и т. д.) вынесены за пределы сцены. Для обозначения этой противоречивой ситуации в чеховедении даже появился специальный термин – подводное течение – метафора, называющая феномен» [9].

Термин «подводное течение» принадлежит В. Н. Немировичу-Данченко. В драме персонаж характеризует себя напрямую, через собственные высказывания. Авторский комментарий, объясняющий поступки героев, практически отсутствует. Создать подтекст, реализовать скрытый смысл в драматическом произведении значительно сложнее, чем в прозе. А. П. Чехову это удалось, на что указывают все исследователи его драматургии, отмечая психологизм его пьес.

Так, например, М. Шхалахов [10] пишет о том, что Чехов «...только обозначает проблему, раскрывая её во всех тонкостях внутренних конфликтов и взаимоотношений людей», «...давая возможность читателю и зрителю самому найти ответ» на животрепещущие вопросы жизни. В этом и заключается «...глубинный посыл драматургии Чехова».

Х. Питчер [11], английский исследователь и переводчик произведений А. П. Чехова, характеризовал его пьесы как «театр эмоционального содержания», где создается «поле эмоций» и каждому персонажу присущ свой «эмоциональный комплекс». Поэтому зрителя привлекает не столкновение героев, а переплетение их переживаний, на которые он (зритель) эмоционально откликается.

Чехов является одним из самых популярных русских писателей, наряду с Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским. Одна из основных причин такого признания в том, что в своем творчестве А. П. Чехов обращался к самым существенным вопросам бытия человека, тонко чувствовал и глубоко анализировал колебания и порывы человеческой души. Дж. М. Марри, говоря о восприятии русской литературы в Англии, писал, что произведения Чехова ценят за отсутствие в них нравственного компромисса, за отношение автора к поступку как к «проявлению мысли», за неприятие его героями жизненного несовершенства, за стремление героев найти гармонию «сердца и разума» [12].

Уникальность чеховской драматургии в представлении жизни такой, какая она есть, без лишних эффектов, надуманных страстей, неправдоподобных историй, можно сказать, тривиальная. И задача драматурга через эту обыденность показать душевные искания и неуспокоенность человека, пытающегося вырваться из рутинной обыденности, морального несовершенства, человека, жаждущего и ищущего счастья. По воспоминаниям И. Я. Гурлянд, суть драматических произведений А. П. Чехова была определена самим драматургом: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» [13]. Привычная повседневность, окружавшая героев чеховских пьес, усиливает трагичность их жизненных переживаний.

В. Е. Головчинер в статье «К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова» пишет: «...у Чехова <...> система действующих лиц не дает оснований для поиска главного героя, судьба которого определяла бы логику, напряжение действия; деление героев на главных и второстепенных редуцируется, и это следует отнести к принципиальным открытиям в области драмы» [14].

Методы исследования

В ходе работы был использован комплекс научных методов: описательный, аналитический, сопоставительный. В процессе рассмотрения языкового материала пьесы «Три сестры» были использованы методы стилистического и контекстуального анализа, а также статистический прием.

Результаты и дискуссия

В письме Горькому Чехов жаловался: «Ужасно трудно было писать “Трех сестер”. Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три – генеральские дочери» [13].

Одна семья, одно воспитание, одинаковое образование, один образ жизни – всё это делает сестер Прозоровых очень похожими, но не одинаковыми. У каждой из них, как сказал Чехов, «свой образец», у каждой свой характер.

Старшая – Ольга, серьезная, ответственная, не желающая быть начальницей, но становящаяся ей. Как писал И. Ф. Анненский, Ольга – это «сест-

ра-мать» [15]. Она следит за соблюдением младшими правил приличия и снисходительна к их слабостям-капризам. Об этом говорят ее реплики, обращенные к Маше, средней сестре.

Я не слышу все равно. Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

Не свисти, Маша. Как это ты можешь!

Ольга, можно сказать, с материнской гордостью рассказывает Вершинину о достоинствах своего брата.

Он у нас и ученый, и на скрипке играет, и выпиливает разные штучки, одним словом, мастер на все руки.

Речь Ольги спокойная, тихая, в ее репликах (впрочем, и в репликах других героев тоже) Чехов часто использует многоточие как знак размышления, сомнения, мечтательности, а может, невозможности сбыться мечтам.

И только растет и крепнет одна мечта...

Мне двадцать восемь лет, только...

У Ольги тонкая душа, чувствительная и ранимая, чуткая к тому, что происходит вокруг, болезненно реагирующая на грубость.

Утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе!

Ты сейчас так грубо обошлась с няней... Прости, я не в состоянии переносить ... в глазах потемнело...

Всякая, даже малейшая грубость, неделикатно сказанное слово волнует меня...

Героине скучно в провинциальном городке, жизнь учителя гимназии не привлекает ее, она тоскует и скучает от неинтересной и однообразной повседневности:

Устала... Лучше бы я вышла замуж...

Она недовольна своей внешностью, устала от работы, от разочарования, от несбывшихся надежд, от обыденности, рутины, от того, что постоянно болит голова. Она постоянно повторяет слова «устала», «замучилась», «не могу», «едва стою на ногах».

Еще одна несбывшаяся мечта – мечта о замужестве, причем именно о замужестве, а не о любви. Ольга – это человек долга, который она могла бы исполнить в большей степени (по ее мнению), выйдя замуж.

Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг. Я, по крайней мере, так думаю, и я бы вышла без любви.

Речь Ольги выражает ее тоску, нежелание согласиться с тем, как идет ее жизнь. Но героиня не предпринимает каких-либо попыток для изменения своей жизни. Несмотря на то что она, по ее же словам, постарела из-за работы, а также испытывает регулярные головные боли, все же становится начальницей, получив повышение по службе.

Все делается не по-нашему. Я не хотела быть начальницей и все-таки сделалась ею. В Москве, значит, не быть...

«Ольга <...> это долг; но она не моралистка, ее девиз – труд, долг, но для одной себя. А другим пусть счастье. Ее, Ольгины, радости – это чужие радости» [15].

Средняя сестра – Маша. Имеет бунтарский характер, которому не может найти лучшего применения, чем свистеть и стучать вилоккой по тарелке.

Машу, как и старшую сестру, тоже постигло жизненное разочарование. Но это разочарование иного рода. Оно связано не с чувством нереализованного и ненайденного предназначения, а с тем, что спутник жизни оказался не тем, кого создала героиня в своем воображении. Она говорит о своем муже:

Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уж не то, к сожалению.

У этой героини самое малое количество реплик в сравнении с другими героями, она самая молчаливая из сестер.

Желание любви, неумный характер Маши толкают ее на любовное приключение, на измену мужу. Она любит открыто, даже вызываясь открыто, отчаянно.

Я люблю, люблю... Люблю этого человека... Вы его только что видели... Ну, да что там. Одним словом, люблю Вершинина...

Люблю – такая, значит, судьба моя. Значит, доля моя такая... И он меня любит... Это все страшно. Да? Не хорошо это?

Передавая психологическое напряжение, которое испытывает героиня, Чехов, как и в случае с оформлением реплик Ольги, использует в качестве художественного приема многоточие.

Милые мои, сестры мои... Призналась вам, теперь молчать буду... Буду теперь, как гоголевский сумасшедший... молчание ... молчание...

Недосказанность фраз выражает душевное волнение Маши: она влюблена, но запуталась, что делать и как быть – не знает. Возлюбленный Маши – женатый человек, роман их с точки зрения морали преступный и заканчивается трагически: Вершинин вместе с полком покидает город. И снова на героиню нападает тоска и беспросветность унылой, постылой жизни.

Неудачная жизнь... Ничего мне теперь не нужно... Я сейчас успокоюсь... Все равно...

И снова Маша скована «золотой цепью» с нелюбимым мужем. Может, поэтому рефреном Машиных реплик является пушкинская строчка:

У лукоморья дуб зеленый...

Несмотря на воспитание и образование, в речи Маши встречаются грубые слова и выражения:

Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что.

Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста...

По словам самой Маши, она стала грубой, потому что «...брала счастье по кусочкам, потом теряла его».

Как и старшая сестра, Маша не в силах бороться с рутинной, не может бросить вызов обществу, окружающему ее, не в состоянии уйти от ненавистной обыденности. Даже понимая всю пошлость своей жизни, девушка не находит в себе сил оставить нелюбимого мужа и воплотить в жизнь свои мечты. «Милая Маша, – она никогда не будет счастлива...» [15]

И наконец, младшая сестра – Ирина. Она любимица всей семьи, обласкана, избалована, избалована близкими, мечтает о возвышенном, благородном труде.

Труд без поэзии, без мыслей – это совсем не то, о чем я мечтала.

Она неистово желает начать новую жизнь, покончив со старой раз и навсегда.

Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге...

Работа на телеграфе не удовлетворяет ее возвышенных представлений о труде.

Устала. Нет, не люблю я телеграфа, не люблю.

Считая труд смыслом жизни, Ирина его романтизирует, не учитывая то, что всякий труд (даже любимый) требует от человека усердия, напряжения, определенных усилий. Она увлечена не столько идеей трудиться, сколько мыслью об этой идее. Поэтому очень скоро она теряет веру в возможность благородного, вдохновенного труда.

О, я несчастная... Не могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была телеграфисткой, теперь служу в городской управе и ненавижу, презираю все, что только мне дают делать...

Я в отчаянии, я в отчаянии!

И мечты о любви приносят Ирине страдания, только лишь мечты, а не сама любовь:

Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила... Но оказалось, все вздор, все вздор...

Надежды встретить истинную любовь рушатся. Повзрослев, Ирина готова выйти замуж просто за хорошего человека, пусть даже не по любви. Она готова быть примерной женой, работать учительницей на кирпичном заводе.

Я буду твоей женой, и верной, и покорной, но любви нет, что же делать! (Плачет.) Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой роуль, который заперт и ключ потерян.

Ирина, кажется, единственная сестра, которая открывает свою душу миру, в ней чувствуется какая-то еще детская непосредственность, но совмещаемая с желанием быть взрослой, быть под стать сестрам. Речь ее открыта и эмоциональна, фразы

экспрессивны. Мятущаяся душа Ирины – причина резкой смены настроения. То героиня готова принимать мир, любить все и всех, радоваться каждому проявлению жизни:

Я не знаю, отчего у меня на душе так светло! Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость, и вспомнила детство, когда еще была жива мама! И какие чудные мысли волновали меня, какие мысли.

То ее охватывает грусть, от которой она пытается убежать:

Текут у меня слезы. Это не нужно ... (Быстро вытирает лицо, улыбается). Работать нужно, работать.

Ирина пытается наполнить свою жизнь хоть каким-то смыслом, который хочет найти в своих мечтах о счастливой жизни. И в конце произведения у нее одной из сестер появляется шанс что-либо изменить в своей жизни. После смерти Тузенбаха она говорит:

Завтра и поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна.

Итак, перед нами три сестры, с разными характерами, но с одинаковой жизненной установкой на счастье, лучшее будущее, которое спасет их от рутины, обыденности, пошлости окружающего мира. Как писал И. Ф. Анненский, «...три сестры так похожи одна на другую, что кажутся одной душой, только принявшей три формы» [15]. Их характеры можно рассматривать как единый образ, который реализуется через речь сестер.

У всех героинь в высказываниях мы видим противопоставление мечты (будущего) реальности (настоящему), желание убежать из этого настоящего, которое мешает полету души. И в реплике Ирины, и в реплике Маши появляется образ птицы.

Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. Отчего это? Отчего? (Ирина)

...А уже летят перелётные птицы... (Глядит вверх.) Лебеди, или гуси... Милые мои, счастливые мои... (Маша)

Птица – это символ свободы, легкости, возможности изменить если не жизнь, то хотя бы обстановку.

Осознавая, что время безжалостно и необратимо, что обстоятельства порой сильнее человека; покоряясь настоящему, хоть и не принимая его, сестры все же верят, что будущее светло (пусть даже оно останется только в мечтах). В финале мы опять видим единство образа сестер, которое выражается в их репликах.

...Надо жить... Надо жить... (Маша)

...Теперь осень, скоро придёт зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать... (Ирина)

...Пройдёт время, и мы уйдём навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живёт теперь (Ольга).

Выводы

Итак, очевидно, что большое значение в создании художественного образа драматического произведения имеет речь персонажа. Она выполняет функции характеристики героя. И хотя исследователи творчества А. П. Чехова отмечают, что в его пьесах многое (причем значительное и значимое) остается невысказанным и недосказанным героями, все же те реплики, которые мы слышим, позволяют составить определенный речевой портрет действующего лица и сделать вывод о его личностных особенностях.

Благодаря высказываниям героинь мы приходим к заключению о том, что Ольга относится к жизни как к долгу: она обязана работать, жить, заботиться о близких и радоваться их счастью. Маша жаждет любви как всепоглощающего чувства, другие проявления жизни для нее не столь существенны. Ирина – мечтательница, которая открыта жизни, хочет от жизни чего-то грандиозного (не понимая чего), мечтает о значимом поступке и любит эту мечту.

И в то же время мы понимаем, апеллируя к репликам сестер, насколько они похожи и близки. Объединяет сестер желание счастья, настоящей жизни, к которым они стремятся, но которые остаются иллюзией. Как всегда, открытый финал чеховской пьесы в реплике Ольги дает возможность читателю и зрителю задуматься над вопросом о подлинном счастье и его достижимости.

Литература

1. Попова, М. В. Взаимозависимость речевого и социального портретов говорящего / М. В. Попова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimozavisimost-rechevogo-i-sotsialnogo-portretov-govoryasche> (дата обращения: 12.10.2022).
2. Бахтин, М. М. Автор и герой: К философ-

ским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб., 2000.

3. Гордеева, М. Н. Речевой портрет и способы его описания / М. Н. Гордеева // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – 2008. – № 6.

4. Мамардашвили, М. К. Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии / М. К. Мамардашвили. – М., 1996.

5. Борисова, Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод : дис. ... д-ра филол. наук / Е. Б. Борисова. – Самара, 2010. – 383 с.

6. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Мир и образование, 2022. – 624 с.

7. Priestley, J. V. Anton Chekhov / J. V. Priestley. – L., 1970. – P. 83–84.

8. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей : статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов. – М. : Художественная литература, 1972. – 544 с.

9. Ивлева, Т. Г. Автор в драматургии А. П. Чехова / Т. Г. Ивлева. – Тверь, 2001. – 127 с.

10. Шхалахов, М. А. в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни / М. Шхалахов. – URL: <https://proza.ru/2006/03/15-62> (дата обращения: 11.10.2012).

11. Pitcher, H. The Chekhov play. A new interpretation / H. Pitcher. – L., 1973. – P. 10.

12. Murry, J. M. The significance of Russian literature / J. M. Murry. – L.: Discoveries, 1924.

13. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983. – URL: <http://febweb.ru/feb/chekhov/texts/sp0/pi5/pi5-594-.htm> (дата обращения: 05.10.2022).

14. Головчинер, В. Е. «Три сестры» А. П. Чехова в контексте исканий драмы начала XX века / В. Е. Головчинер. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-sestry-a-p-chehova-v-kontekste-iskaniy-dramy-nachala-hh-veka> (дата обращения: 15.10.2022).

15. Анненский, И. Ф. Книга отражений / И. Ф. Анненский. – М., 1979. – 680 с.

Корнилова Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kornilovaln@susu.ru. ORCID 0000-0002-0316-5965

Поступила в редакцию 25 декабря 2022 г.

SPEECH REPRESENTATION OF THE CHARACTERS IN CHEKHOV'S PLAY «THREE SISTERS»

L. N. Kornilova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the speech features of the characters in A. P. Chekhov's dramatic work «Three Sisters». The problem of the role of a speech portrait in creating an artistic image is one of the topical areas of philological research. The review of scientific literature allows us to accept as a basic thesis that the author, through immersion in everyday life, reveals the complexity and tragedy of human life. The aim of the study is to prove this thesis based on the analysis of the speech of the characters (three sisters), which is one of the components of their character. The article presents a description of the semantic and stylistic specifics of the vocabulary of each of the sisters. It is speech that acts as a representative of the personal characteristics of the heroines. In A. P. Chekhov's play, we see three individualities, and they are perceived as a single image. This fact can be regarded as an original artistic device of the playwright. The use of a complex of descriptive and analytical methods in the study of the speech originality of the Prozorov sisters made it possible to conclude that the diverse heroines are close. This proximity is realized through a set of lexical means, discussed issues, through the designation of life position. The closeness of three different personalities is explained not only by the fact that they are representatives of the same family, but also by the fact that the combined image helps the playwright to express his position and make the reader and viewer think about the eternal questions of life.

Keywords: dramaturgy, speech portrait, speech representation, «undercurrent», subtext.

References

1. Popova M.V. Vzaimozavisimost' rechevogo i sotsial'nogo portretov govoryashchego [The Interdependence of the Speech and Social Portraits of the Speaker]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimozavisimost-rechevogo-i-sotsialnogo-portretov-govoryashchego> (data obrashcheniya: 12.10.2022).
2. Bakhtin M.M. Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and Hero: to the Philosophical Foundations of the Humanities]. SPb., 2000.
3. Gordeeva N.M. Rechevoi portret i sposoby ego opisaniya [Speech Portrait and Ways to Describe It] // *Lingvostilisticheskie i lingvodidakticheskie problemy kommunikatsii*. 2008. № 6.
4. Mamardashvili M.K. Strela poznaniya. Nabrosok estestvenno-istoricheskoi gnoseologii [Arrow of Knowledge. Essay on the Epistemology of Natural History]. M., 1996.
5. Borisova E.B. Khudozhestvennyi obraz v angliiskoi literature XX veka: tipologiya – lingvopoetika – perevod [The Artistic Image in the English-Language Literature of the Twentieth Century: Typology – Linguopoetics – Translation]: dis. ... d-ra filol. nauk. Samara, 2010. 383 s.
6. Rozental' D.E. Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Reference Book on the Russian Language. Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms]. M.: Mir i obrazovanie, 2022. 624 s.
7. Priestley J.B. Anton Chekhov. L., 1970. P. 83–84.
8. Skaftymov A.P. Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelei. Stat'i i issledovaniya o russkikh klassikakh [Moral Quests of Russian Writers. Articles and Research about Russian Classics] M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. 544 s.
9. Ivleva T.G. Avtor v dramaturgii A.P. Chekhova [Author in the Dramaturgy of A.P. Chekhov]. Tver'. 2001. 127 s.
10. Shkhalakhov M. A v eto vremya slagaetsya ikh schast'e i razbivayutsya ikh zhizni [And at This Time Their Happiness is Added up and Their Lives are Broken]. URL: <https://proza.ru/2006/03/15-62> (data obrashcheniya: 11.10.2012).
11. Pitcher H. The Chekhov Play. A New Interpretation. L., 1973. P. 10.
12. Murry J.M. The significance of Russian literature. L.: Discoveries, 1924.
13. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete Works and Letters]: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. M.: Nauka, 1974–1983. URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/pi5/pi5-594-.htm> (data obrashcheniya: 05.10.2022).

14. Golovchiner V.E. «Tri sestry» A.P. Chekhova v kontekste iskanii dramy nachala XX veka [«Three Sisters» by A. P. Chekhov in the Context of the Search for Drama at the Beginning of the 20th Century]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-sestry-a-p-chehova-v-kontekste-iskaniy-dramy-nachala-hh-veka> (data obrashcheniya: 15.10.2022).

15. Annenskii I.F. Kniga otrazhenii [Book of Reflections]. M., 1979. 680 s.

Larisa N. Kornilova – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kornilovaln@susu.ru

Received December 25, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Корнилова, Л. Н. Речевая репрезентация героев пьесы А. П. Чехова «Три сестры» / Л. Н. Корнилова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 89–95. DOI: 10.14529/ssh230111

FOR CITATION

Kornilova L. N. Speech Representation of the Characters in Chekhov's Play «Three Sisters». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 89–95. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230111

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В ЦИФРОВЫХ ПЛАКАТАХ И ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ: ОЦЕНКА МЕДИАЭФФЕКТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЙТРЕКИНГОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л. К. Лободенко, А. Б. Череднякова, Л. П. Шестеркина, О. Ю. Харитонова
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена анализу современных цифровых политических плакатов и интернет-мемов как феноменов, демонстрирующих растущие функциональные возможности в условиях информационной войны, репрезентирующих актуальные темы и нарративы новостной повестки в социальных медиа и имеющих высокий уровень эмоциональной выразительности. В ходе исследования контента социальных медиа (ВКонтакте, Telegram) был осуществлен анализ более 100 цифровых политических плакатов и интернет-мемов, посвященных современным политическим процессам. На их основе была сформирована выборка из 28 медиатекстов с учетом их коммуникационного эффекта (частота представленности на цифровых платформах) и осуществлена систематизация тематики по 10 блокам. При исследовании медиаэффектов применялась технология визуального нейромаркетинга (айтрекинговые технологии) и онлайн-опрос. Респондентами выступали молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет. Исследование осуществлялось с применением основных положений когнитивного подхода при изучении медиаэффектов в рамках двух взаимосвязанных моделей: агенда-сеттинг (agenda-setting) или «установление повестки дня», фрейминг (framing) – анализ содержания и формы подачи информации. Основные результаты исследования позволили выявить ключевые паттерны внимания и области интереса респондентов («изображение», «текст»), а также отношение к предложенным стимулам.

Ключевые слова: медиаэффекты, цифровой политический плакат, интернет-мем, нейромаркетинг, айтрекинг, когнитивный подход.

Введение

В современном интернет-пространстве организация политических коммуникаций, технологий создания и распространения политических медиатекстов приобретают особое значение. Это связано с тем, что данные коммуникации имеют предметный характер, направлены на формирование общественного мнения и активизацию политического участия населения. В связи с этим политические акторы стремятся интегрировать актуальную тематику в информационную повестку социальных медиа, используя наиболее эффективные формы. При этом цифровые плакаты и интернет-мемы относятся к феноменам, демонстрирующим растущие функциональные возможности в условиях информационной войны, среди которых значимыми становятся лаконичность, эмоциональное воздействие, способность выстраивать актуальные темы и нарративы новостной повестки. В свою очередь, в рамках традиции изучения проблематики медиаэффектов политических медиатекстов особое внимание исследователей направлено на изучение различных каналов, способов передачи информации и ее содержания, а процессы восприятия индивидов фактически остаются вне поля зрения. Все это требует изучения репрезентации актуальной политической тематики в цифровых плакатах и мемах, а также их медиаэффектов и паттернов внимания молодежной аудитории как наиболее активной части пользователей социальных медиа. Такой исследовательский процесс опирается на понимание того, что эффект ме-

диа – это феномен влияния медиа на поведение и предпочтения аудитории. Организация политических коммуникаций в социальных медиа предоставляет новые условия развития цифровых плакатов и мемов, которые актуализируют необходимость более детального изучения их медиаэффектов и воздействия.

Обзор литературы

За сравнительно небольшой промежуток времени интернет прошел эволюционный путь развития и сегодня представляет глобальную сеть, охватывающую почти все сферы деятельности, практически во всех странах мира. Аудитория интернет-пользователей в России в 2022 году составила почти 130 миллионов человек, среди которых 106 миллионов – это пользователи социальных сетей (72,7 % общей численности) [1]. Степень вовлеченности россиян в социальные медиа необычайно высока. По мнению Чафи и Метцгера, новые медиа «...позволяют увеличить количество информации, передаваемой через интернет, позволяют передавать и извлекать большее количество информации, предоставляют больше контроля над созданием и выбором контента в руках своих пользователей и делают это с меньшими затратами для среднего потребителя» [2]. За последние годы общее влияние социальных медиа резко возросло и имеет немало форм.

С развитием социальных медиа трансформируется процесс политической коммуникации, которая, в свою очередь, меняет свое содержание и формы,

безгранично расширяя границы общения в реальном и виртуальном мирах, формируя установки и мировоззрение пользователей. Во многом это объясняется динамичным развитием технологий ведения информационной войны, возможностью передачи информации на большие расстояния, с высокой скоростью, на цифровых носителях в динамичном или статичном формате, мгновенным откликом аудитории [3].

В настоящее время среди разнообразных политических средств формирования общественного мнения не теряют своей популярности как старейшие информационно-пропагандистские формы – плакаты, так и новые – интернет-мемы. В XXI веке плакат все так же актуален, так как в условиях интенсивного потока информации человек вынужден его фильтровать на визуальном уровне и постигать в условиях развития клиповой культуры, характеризующейся мозаичностью и яркостью образов, быстрой сменой сообщений. Политический плакат сегодня находится в центре внимания ученых, которые рассматривали его с различных позиций [4–11].

Под термином «плакат» (нем. Plakat от фр. placard – объявление, афиша) сегодня понимается «...лаконичное, броское изображение с кратким текстом, выполненное в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях» [12, с. 15]. В современном дизайне плакат воспринимается как «...сведенное в четкую визуальную формулу сообщение, предназначенное современнику для выводов и конкретных действий» [13]. В рамках данной трактовки плаката выделяется его воздействующая функция, направленная на привлечение внимания и интереса, активизацию восприятия, нацеливания в нужном направлении сознания и воли к действию [14]. В свою очередь, Т. С. Магера отмечает, что для политического плаката «...характерна установка на убеждение, при которой учитываются цели и условия коммуникации. При этом нужно отметить сознательность, преднамеренность акта коммуникации. Коммуникативная целеустановка политических текстов – это установка на воздействие, убеждение» [6].

Современный плакат выходит за рамки традиционного материала (бумаги, баннера) и с помощью компьютерных технологий преобразовывается в цифровой формат, что значительно экономит время его создания и распространения. В связи с этим возникает необходимость введения понятия «цифровой политический плакат», под которым мы предлагаем понимать статическое или динамическое цифровое изображение, призванное передать политическое послание с установкой на воздействие, убеждение или конкретные действия, состоящее из броского слогана, текста с ярким визуальным образом.

С. Сахоо [15] при рассмотрении цифровых плакатов с использованием семиотической теории и теории новых медиа, фокусируется на трех обла-

стях: визуальные аспекты плакатов, использование текста и способ распространения. Одно из определяющих отличий цифрового плаката заключается в том, что он позволяет интегрировать различные типы динамического контента – мультимедийные эффекты, которые могут быть направлены не только на донесение точной информации, но и на акцентирование внимания аудитории на важных моментах. Плакаты разрабатываются таким образом, чтобы они были одновременно привлекательными и информативными.

Как подчеркивает Г. Г. Николаишвили, функциями плаката являются: формирование общественного мнения; привлечение внимания к актуальным проблемам общественной жизни; формирование новых типов общественных отношений или изменение поведенческой модели и др. [16].

Политический плакат всегда отвечал на социальный запрос, был рупором пропаганды и агитации, зачастую он призван был дать ответ на вызов общества, который формировался посредством ряда политических, экономических, социальных факторов. И сегодня цифровой политический плакат – «...наиболее чуткая и акцентированная форма реакции на события». Как подчеркивает А. Р. Ахмад, именно политические плакаты обладают высоким уровнем эмоциональной выразительности и, «...выполняя роль катализатора, запускают процесс общественного движения, сплочения соратников вокруг единой цели» [17, с. 5].

Также в рамках политической коммуникации сегодня особую популярность приобретает недавно возникший феномен – интернет-мем. Как указывается в отчете «Digital 2022 Global Overview» [1], среди причин популярности использования социальных медиа выделяются: поддержание коммуникации – 60,3 %, отслеживание музыкантов – 30,7 %, развлечения и мемы – 30,2 %. Несмотря на свою недолгую историю, интернет-мем стал массовым и высоко популярным явлением в социальных медиа. На сегодняшний день в интернет-среде наблюдается «бум» интернет-мемов, возникла определенная мода на их создание, тиражирование среди пользователей. Под термином «интернет-мем» (англ. Internet meme) понимается информация в той или иной форме, как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в интернете разнообразными способами (посредством социальных сетей, мессенджеров и пр.). К основным характеристикам интернет-мема относят «...вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, минимализм формы, полиморфность, актуальность, юмористическую направленность, медийность, фантазийный характер» [18].

Интернет-мем обладает коммуникативным и юмористическим потенциалом. Функции мемов в обществе в первую очередь связаны с поддержанием коммуникации и специфическими способами

трансляции информации. Н. А. Зиновьева отмечает, что его развлекательные функции естественным образом переплетаются с коммуникативными и социальными: репрезентация идеи, трансляция идеологии, информирование, идентификация (декодирование социокультурного кода) [19].

Как подчеркивают Ю. В. Щурина и М. Б. Хохорина, «...функциональный потенциал мемов расширяется: первоначально используемые в основном в развлекательных целях, сегодня они уже реализуются не только как средство достижения комизма или эстетического удовлетворения, но и как инструмент воздействия в массмедийном, а также в идеологическом (политическом) типах дискурса» [20]. Благодаря комической составляющей объект со «встроенным» в него через мем символическим смыслом воспринимается некритично, при этом его постоянное повторение может ненавязчиво формировать образ реальности у аудитории.

При этом активно распространяемый и обсуждаемый в социальных сетях мем зачастую сам по себе уже создает новость [20] за счет интерпретации событий офлайн-реальности в закодированных смыслах и трактовках. В современных медиакоммуникациях мем занял свою нишу, представляя общую повестку дня своим специфическим форматом (юмористической или саркастической направленностью). В этом смысле мем оказывается одним из наиболее перспективных медиасообщений.

Необходимо отметить, что цифровые плакаты и интернет-мемы выступают в роли оперативного средства репрезентации актуальной политической тематики за счет лаконичности, доступности содержания и выразительности. Своеобразие цифрового плаката и интернет-мема заключается в том, что они синхронно отражают актуальные политические события и рассчитаны на массированное распространение информации пользователями.

Проблема исследования воздействия и медиаэффектов цифровых политических плакатов и интернет-мемов обретает особую актуальность в условиях информационной войны, когда не соответствующая действительности информация намеренно искажает реальный ход событий, массированно распространяется и имеет долгосрочные негативные последствия. При этом, если изучение вопросов влияния СМИ сегодня в науке о коммуникациях занимает ведущее место [21], то изучение медиаэффектов цифровых плакатов мемов еще не осуществляется в полной мере.

Исследования, направленные на изучение того, как медиа влияют на индивида и общество, стали одним из наиболее развитых направлений в науке о коммуникациях, а термин «эффекты медиа» / «медиаэффекты» получил в научной литературе множество разнообразных трактовок в рамках различных подходов.

Изучение медиаэффектов сегодня представляет достаточно обширную базу публикаций [22,

с. 870]. Исследователи анализируют воздействие СМИ на изменения в познании, убеждениях, а также эмоциональные и поведенческие эффекты. Авторы подчеркивают, что степень влияния медиасообщения на представителей аудитории зависит от множества факторов (демографические данные, психологические характеристики и др.). Медиаэффекты могут быть положительными или отрицательными, краткосрочными или долгосрочными, прямыми или косвенными.

Разработаны различные теории понимания медиаэффектов. П. Д'Анджело рассматривает исследование медиаэффектов как научно-исследовательскую программу и научные дискуссии о медиаэффектах в рамках трех «парадигмальных» направлений – конструктивистского, когнитивного и критического [22, с. 875]. По мнению Д'Анджело [22, с. 876], это необходимо, поскольку концептуальные различия между подходами ведут к соответствующим различиям в логике построения гипотез, методологии исследований.

Когнитивный подход является одним из наиболее часто упоминаемых в исследованиях влияния медиа [23] и выделяется в качестве базового для данного исследования. Когнитивный подход подчеркивает влияние познавательных процессов на поведение человека и предлагает понимание того, как люди учатся поведению в различных контекстах, включая те, которые основаны на воздействии медиа. Тем не менее, эмпирические исследования на удивление слабо проверяют теорию в медийном контексте.

В рамках когнитивного подхода к рассмотрению влияния медиа на индивида делается акцент на содержании сообщения – ЧТО воспринимает аудитория при ее контакте со «стимулом» (сообщением) [24]. Как отмечает И. Ю. Подольн [24], ключевым направлением исследования в когнитивной традиции стало изучение «путей осмысления» медиасообщений аудиторией [25]. Под этим подразумевается поиск ответов на вопросы о том, из чего складывается восприятие медиасообщений, какие элементы запоминаются, а какие – «отбрасываются», какие эмоциональные реакции возникают и как они влияют на процесс мышления. По мнению исследователей, именно понимание механизмов, лежащих в основе этих процессов, приведет к пониманию механизмов влияния медиа на индивида и общество.

В коммуникационном процессе восприятие сообщений выражается в эффектах воздействия на сознание людей. Так, концептуальная модель «Общество, медиа и аудитория: взаимные отношения», предложенная известными специалистами Болл-Рокич и Де Флюэр в 1976 году [26], имеет своим предметом структурные условия общества, в которых реализуются эффекты масс-медиа. По мнению авторов, в современных условиях люди становятся зависимыми от медиа. В рамках мо-

дели авторами акцентируется внимание на следующей совокупности эффектов медиа: когнитивные (формирование установок, определение «пунктов повестки дня»); аффективные (возникновение или формирование эмоций); поведенческие (активизация прежних или новых форм деятельности).

Важной новацией когнитивного подхода при анализе характера наблюдаемых эффектов «...стало присвоение высокой значимости механизмам мыслительной и психической деятельности, разворачивающейся при контакте индивида с медиасообщением» [24]. Когнитивисты фокусируются на влиянии СМИ на когнитивные и аффективные процессы и механизмы, менее доступные для наблюдения и измерения. Когнитивный подход обеспечивает концептуальную основу для анализа детерминант и психосоциальных механизмов, с помощью которых коммуникация влияет на человеческое внимание, интерес, аффекты и поведение. Коммуникационные системы действуют по двум направлениям. На прямом пути они способствуют изменениям, информируя и направляя участников. Опосредованным путем медиа связывают участников с социальными сетями и общественным окружением, которые обеспечивают руководство для желаемых изменений.

Термин «эффекты медиа» / «медиаэффекты» получил в научной литературе множество разнообразных трактовок. В статье мы понимаем под медиаэффектами «...сознательные и несознательные краткосрочные и долгосрочные внутриличностные изменения в когнициях, эмоциях, установках, убеждениях, физиологии и поведении, которые являются результатом использования медиа [27].

В данной работе будет рассматриваться влияние медиа на индивида в рамках двух взаимосвязанных моделей: 1) *агенда-сеттинг* (*agenda-setting*) или «установление повестки дня» [28] – влияние СМИ на социум и индивида через формирование структуры информационного поля и «назначение» степени значимости различным темам и сюжетам; 2) *фрейминг* (*framing*) [29] – влияние СМИ на социум и индивида через форму подачи информации, структурирующую смыслы и взаимосвязи между освещаемыми объектами таким образом, чтобы сформировать определенную модель восприятия данной информации.

Также необходимо отметить, что ключевая проблема исследования медиаэффектов – сокрытие истинных ощущений аудитории, через психологические экраны, среди которых можно выделить: экран сознания, экран толерантности, экран учтивости, экран конформизма и др. В связи с этим актуальным для исследования медиаэффектов становится применение нейромаркетинговых технологий.

Нейромаркетинг – это инновационное направление исследований, предметом которого является изучение неосознанных когнитивных и эмоцио-

нальных реакций человека на определенные стимулы. Нейромаркетинговые технологии позволяют отследить и «измерить» косвенные реакции на стимул (физиологические реакции индивида: частота пульса и дыхания, движение зрачков), по сути, позволяют измерить паттерны внимания.

В психологии внимание определяется как процесс и состояние настройки субъекта на восприятие приоритетной информации и выполнение поставленных задач [30]. Направленность и сосредоточенность психической деятельности при внимании обеспечивает более эффективное восприятие информации. В общем плане выделяют два основных вида внимания: непроизвольное и произвольное (избирательное, селективное). Уровень распределения и переключения внимания рассматривается как психологическая характеристика и интегральный индикатор результативности деятельности в условиях когнитивной нагрузки. В нашей работе мы использовали айтрекинговые технологии, направленные на фиксацию паттернов зрительного внимания и выявление уровня активации внимания, зон интереса (изображение, текст).

Необходимо учитывать, что одной из ведущих и наиболее изучаемых функций внимания является функция отбора или селекции релевантной информации. Существующие экспериментальные данные и теории допускают возможность того, что отбор релевантной информации, в зависимости от выполняемой задачи, может осуществляться на различных основах. Так, можно искать и отбирать информацию, выделяя отдельные существенные признаки, которые условно можно обозначить как зоны интереса и «мертвые зоны».

В целом необходимо сказать, что медиа обладают способностью воздействовать на чувства и мысли аудитории, формировать установки и стереотипы, влиять на поведение различных субъектов. Эффекты медиа – «...возможно, незначительные в рамках единичного коммуникативного события – в силу своего кумулятивного характера способны провоцировать существенные социальные сдвиги» [31, с. 5]. В этих условиях актуальным представляется исследование медиаэффектов и влияния политических медиасообщений на представление аудитории.

Методы исследования

Достоверность данного исследования обеспечивается обширным эмпирическим материалом и системой его изучения. Теоретико-методологическим основанием изучения медиаэффектов стал когнитивный подход. В работе использовался комплекс методов, а именно сравнительный анализ, метод анализа документов с элементами контент-анализа, а также метод визуального нейромаркетинга – айтрекинг и онлайн-опрос.

Особое внимание было уделено применению айтрекинговых технологий, которые позволяют с помощью видеофиксации осуществлять регистра-

цию движения глаз, направления взгляда, длительности задержки взгляда на объекте, дают возможность определять степень концентрации внимания, порядка просмотра информации. Методы визуализации, применяемые в айтрекинге, обеспечивают четкое и доступное представление динамичных процессов через количественные показатели, улучшая понимание имеющихся данных. К ним относятся: карты последовательности фиксации; тепловые карты. Основные показатели отслеживания глаз, задействованные в исследовании, – количество фиксаций и средняя продолжительность фиксаций. Фиксации используются для расчета времени, потраченного на просмотр определенного места, которое отражает вовлеченность внимания и время, необходимое для обработки стимула в этом месте. Средняя продолжительность фиксации связана со скоростью обработки информации мозгом.

В свою очередь, тепловые карты демонстрируют статистическое и динамическое объединение всех точек взгляда респондента, с помощью наложения цветового градиента на представленное изображение. Они показывают, какие элементы стимула привлекли наибольшее внимание: «теплые» красные области соответствуют большему числу точек взгляда (наибольшему интересу), более холодные желтые, затем зеленые области соответствуют меньшему числу точек взгляда (низкая доля интереса).

Важным элементом методики проведения айтрекингowego исследования являются области интересов стимульного материала, которые представляют собой инструмент для выбора областей фокусировки предъявляемого изображения. Расчет таких показателей, как количество фиксаций, средняя продолжительность фиксаций, определяется по областям интересов.

Для создания, проведения и анализа результатов эксперимента использовался айтрекер Gaze-point GP3 HD, с частотой дискретизации 150 Гц, и программное обеспечение Gazepoint Analysis. В эксперименте респондентам демонстрировались на 24-дюймовом мониторе в произвольном порядке стимульные материалы по 10 секунд, разделенные нейтральными изображениями. В результате были получены метрики просмотров, фиксаций, возвратов в область интереса, времени до первой фиксации и другие, построены тепловые карты. После проведения айтрекингowego исследования респонденты проходили онлайн-опрос.

Исследование было направлено на определение эффективности воздействия цифровых плакатов и мемов, выявление «актуальной повестки» (агенда-сеттинг) для аудитории, а также выявление фреймов за счет анализа паттернов внимания и реакции молодежной аудитории по областям интересов.

Эксперимент проводился на базе анализа контента социальных медиа (ВКонтакте, Telegram). Было изучено более 100 цифровых плакатов и интернет-мемов, посвященных современным политическим процессам (за период 01.03.2022 – 01.06.2022 г.) и отобрано для исследования 28 сообщений.

Участниками эксперимента выступали 39 студентов (бакалавров и магистров) Южно-Уральского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет. После прохождения процедуры регистрации айтрекинга, анализирующего неосознанные реакции участников исследования, все респонденты проходили онлайн-опрос, нацеленный на анализ осознанного восприятия представленной информации.

Результаты и дискуссия

Целью нашего исследования стал анализ актуальной политической тематики цифровых плакатов, интернет-мемов и реакций молодежной аудитории на них. Исследование проводилось в три этапа: 1) подбор стимульного материала и его систематизация; 2) проведение айтрекингowego исследования и онлайн-опроса; 3) обработка полученных результатов.

На первом этапе исследования из 100 плакатов и мемов был осуществлен отбор 28 сообщений (21 плакат и 7 мемов) с учетом их коммуникационного эффекта (частота представленности на цифровых платформах, наибольшее количество репостов и др.), которые были систематизированы по 10 тематическим разделам. Каждому стимулу был присвоен код, состоящий из буквенного обозначения «S» и двузначного числа (например, S01). В ходе формирования выборки и тематических разделов 5 экспертов провели анализ стимулов на соответствие следующим критериям: содержание – соответствие теме, отражение актуальных политических событий; образы – соответствие теме; информационно-агитационная направленность материалов; единство и целостность композиции.

В целом среди цифровых политических плакатов были выделены следующие темы:

- воин-освободитель;
- образ героя через историческую параллель;
- ведущие ценности;
- отношение к мирным жителям;
- территория и ее историческая принадлежность;
- борьба с нацизмом;
- связь героического прошлого и настоящего (через образы истории Великой Отечественной войны);
- новые символы победы «V» и «Z».

В качестве ключевых тем среди интернет-мемов выделены:

- отмена русской культуры;
- санкции.

На втором этапе эксперимента применялись айтрекинг-технологии и участникам демонстрировались выбранные стимулы в случайном порядке в течение 10 секунд каждый. После прохождения все респонденты проходили опрос в онлайн-форме, нацеленный на выявление осознанного восприятия представленной информации. Исследование было направлено на:

1) определение эффективности воздействия цифровых плакатов, мемов и выявление актуальной повестки (агенда-сеттинг) для аудитории;

2) выявление паттернов внимания и реакции молодежной аудитории по областям интересов (выявление фреймов).

При проведении айтрекинг-исследования по изучению медиаэффектов политических сообщений использовался показатель «среднее количество фиксаций» (ед.) взгляда респондентов на стимуле и его отдельных зонах, который показывает внимание и интерес аудитории. Использование полученных данных позволило выделить в информационной повестке темы-лидеры, наиболее заинтересовавшие целевую аудиторию (табл. 1, рис. 1). Так, лидерами информационной повестки по количеству фиксаций взгляда (от 29,857 ед. до 37,071 ед.) являются среди цифровых плакатов (рис. 2–5):

– первое место – плакат S54 «Нацизм не пройдет!» (тема «Борьба с нацизмом») – 37,071 ед.;

– второе место – S02 «Русский солдат – воин-освободитель» (тема «Воин-освободитель») – 36,867 ед.;

– третье место – S31 «Нацистский сэндвич» (тема «Отношение к мирным жителям») – 36,000 ед. и S41 «Мы на своей земле: Харьков» (тема «Территория и историческая принадлежность») – 36,000 ед.

Среди интернет-мемов (рис. 6–8):

– первое место – S87 «SANCTIONS, SANCTIONS ...» – 35,400 ед. (тема «Санкции»);

– второе место – стимул S83 «На Западе отказались читать лекции про Достоевского» – 35,300 ед. (тема «Отмена русской культуры»);

– третье место – S81 «Любителям санкций посвящается» – 34,800 ед. (тема «Санкции»).

Таким образом, анализ актуальности информационной повестки цифровых плакатов показал, что наибольший интерес у респондентов вызвали темы «Борьба с нацизмом», «Воин-освободитель», «Отношение к мирным жителям» и «Территория и историческая принадлежность», направленные на противостояние нацизму и защиту мирных жителей. Что касается интернет-мемов, то темы «Санкции» и «Отмена русской культуры» также стали актуальными для респондентов, поскольку отражают инструменты зарубежного внешнеполитического давления.

Далее в работе осуществлялся анализ паттернов внимания молодежной аудитории, зон интереса и фреймов. Было важно определить основные области фокусировки взгляда респондентов. Анализ фрейминга или воздействия формы подачи информации на аудиторию был осуществлен по двум областям – «Область изображения» и «Область текста». С этой целью стимульные материалы были разбиты на такие элементы, как: 1) текст – заголовок, основной текст; 2) изображение – образ ребенка, образ мирного жителя, образ солдата, государственные символы, новые символы Победы и др.

Исходя из данных табл. 2, 3, построенных с учетом показателей «среднее время просмотра» (мс), «процент от общей продолжительности просмотра стимульного материала» (%) и данных тепловых карт, были выделены области фиксации внимания респондентов.

1. Область «Изображение» занимает первое место по фокусировке внимания аудитории и показывает концентрацию интереса на следующих визуальных образах:

- лица и глаза воинов в маске;
- дети;
- детские игрушки;
- коляски;
- символы – «Z», «V», гербы и др.;
- географические обозначения;
- флаги;
- животные – медведь, змея и др.

2. Область «Текст» привлекает внимание респондентов к следующим словам, словосочетаниям и фразам:

- новые символы Победы – буквы «Z» и «V» в тексте;
- правила поведения – «бдительность», «вежливость»;
- участники СВО – «солдат», «мирные жители», «бойцы», «заложники», «нацики»;
- географические названия – «Херсон», «Одесса»;
- призывы – «За победу», «Нацизм не пройдет», «Своих не бросаем»;
- глаголы – «читать», «продолжаем восхищаться»;
- существительные – «санкции», «оружие», «демитализация» и др.

Таким образом, на первом месте по привлечению внимания находится область «Изображение». Результаты анализа показателей среднего времени просмотра (мс) и продолжительности просмотра (%) стимульного материала показали, что в фокусе интереса респондентов в первую очередь находятся образы людей: образ воина-освободителя и его глаза (от 2,9 мс до 5,81 мс, от 28,97 % до 58,09 %); дети (от 1,46 мс до 1,91 мс, от 14,64 % до 19,08 %);

животные (4,96 мс, от 49,63 % до 49,68 %). Детские игрушки и коляски имеют также достаточно высокий фокус внимания (от 2,45 мс до 4,67 мс, от 29,58 % до 46,74 %). Особое внимание респондентов привлекли новые символы Победы – «Z» и «V» (от 3,46 мс до 5,90 мс, от 34,55 % до 59,02 %) и др.

Что касается анализа области внимания «Текст», то здесь необходимо выделить следующие слова (словосочетания) и символы: новые символы Победы – буквы «Z» и «V» (от 1,65 мс до 2,28 мс, от 16,48 % до 22,82 %); призывы «За победу!», «Нацизм не пройдет!», «Своих не бросаем» (от 0,74 мс до 2,16 мс, от 7,42 % до 21,61 %); географические названия «Харьков», «Одесса» и их история (от 6,06 мс до 6,43 мс, от 60,63 % до 64,26 %) и др.

Важным моментом при проведении эксперимента стало **проведение онлайн-опроса респондентов** по окончании просмотра стимульных материалов. В отличие от айтрекинг-технологий, представляющих данные о неосознанных реакциях аудитории, основной задачей опроса стало выявление мнения и осознанного отношения к просмотренному материалу.

Опрос включал в себя два вопроса к каждому из представленных стимулов, а именно: «Какие чувства вызывает данная публикация?», «Какие ценности Вы видите в данном материале?». Представим ключевые ответы.

На вопрос «Какие чувства вызывает данная публикация?» респонденты ответили: 1) стимул

S11 «Образ героя через историческую параллель» – 25 % и 25 % респондентов соответственно ответили «спокойствия» и «восхищения»; 2) стимулы S31, S32, S51 тема «Борьба с нацизмом» вызвали чувство «неприязни» (39 %); 3) стимулы S81, S84, S86, относящиеся к группе стимулов интернет-мемов с темой «Санкции», вызвали чувство «оптимизма» и «юмора» (43 %).

Что касается ответов на вопрос «Какие ценности Вы видите в данном материале?»: 1) в стимуле S02 «Воин-освободитель» увидели ценность «уважение» 46 % респондентов; 2) в стимуле S21 «Бдительность – наше оружие» – «надежность» отметили 39 % респондентов; 3) S41 «Мы на своей земле» (тема «Территория и историческая принадлежность») – 47 % респондентов отметили «гордость»; 4) в стимуле «Новые символы Победы» – 28 % респондентов выбрали «честность» и др.

В целом, необходимо отметить, что темы «Борьба с нацизмом», «Воин-освободитель», «Отношение к мирным жителям», «Территория и историческая принадлежность», «Санкции» и «Отмена русской культуры», имеющие высокие показатели внимания и интереса со стороны респондентов, выявленные в результате применения айтрекинг-технологий и мониторинга неосознанных реакций, в рамках онлайн-опроса также выделяются респондентами и показывают особое отношение к ним.

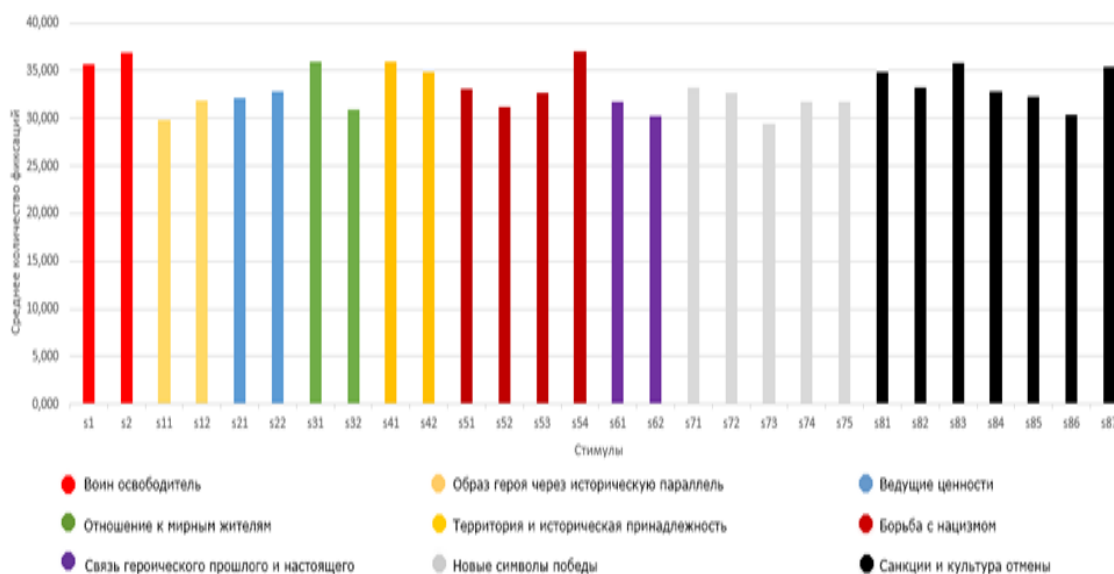

Рис. 1. Диаграмма «Среднее количество фиксаций по каждому стимулу (ед.)»
Fig. 1. Diagram «Average number of fixations for each stimulus (units)»

Рис. 2. Стимул S54
Fig. 2. Stimulus S54

Рис. 3. Стимул S02
Fig. 3. Stimulus S02

Рис. 4. Стимул S31
Fig. 4. Stimulus S31

Рис. 5. Стимул S41
Fig. 5. Stimulus S41

Рис. 6. Стимул S87
Fig. 6. Stimulus S87

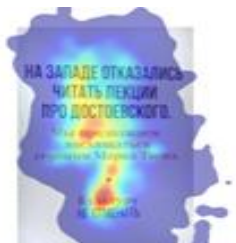

Рис. 7. Стимул S83
Fig. 7. Stimulus S83

Рис. 8. Стимул S81
Fig. 8. Stimulus S81

Таблица 1

Тематика и показатели цифровых политических плакатов и интернет-мемов

Table 1

Topics and indicators of digital political posters and Internet memes

№ п/п	Тематический раздел	Название цифрового плаката / мема	Код стимульного материала	Среднее количество фиксаций, ед.
I. Цифровые политические плакаты				
1	Воин-освободитель	Спасибо Вам, Братья!	S01	35,667
		Российский солдат – воин-освободитель!	S02	36,867
2	Образ героя через историческую параллель	Три богатыря – три русских воина разных времен	S11	29,857
		За Родину!	S12	31,933
3	Ведущие ценности	Бдительность – наше оружие!	S21	32,143
		Вежливость города берет!	S22	32,857
4	Отношение к мирным жителям	«Нацистский сэндвич»	S31	36,000
		Вот в чем разница	S32	30,867
5	Территория и ее историческая принадлежность	Мы на своей земле: Харьков	S41	36,00
		Мы на своей земле: Одесса	S42	34,800
6	Борьба с нацизмом	1945–2022	S51	33,071
		Save	S52	31,143
		Z – За победу!	S53	32,733
		Нацизм не пройдет!	S54	37,071
7	Связь героического прошлого и настоящего	Мальчик Алешка	S61	31,733
		«Отдай флаг. За этот флаг мои родители воевали»	S62	30,200
8	Новые символы Победы	Для демилитаризации нажмите CTRL Z	S71	33,200
		Z #СвоихНеБросаем	S72	32,733
		СИЛА V ПРАВДЕ	S73	29,500
		Z За Победу!	S74	31,800
		V Задача будет выполнена	S75	31,800
II. Интернет-мемы				
9	Санкции	Любителям санкций посвящается	S81	34,9292
		Что значит пешком Хьюстон?	S84	32,867
		По указке Вашингтона пишет санкции Европа	S85	32,267
		САНКЦИИ? ГДЕ?	S86	30,400
		SANCTIONS, SANCTIONS...	S87	35,400
10	Отмена русской культуры	САНКЦИИ на русских писателей	S82	33,200
		На Западе отказались читать лекции про Достоевского	S83	35,800

Таблица 2

Паттерны внимания по области интереса «Изображение»

Table 2

Attention patterns by area of interest «Image»

Стимул	Область интереса	Среднее время просмотра (мс)	Процент от общей продолжительности просмотра стимульного материала (%)
S02	Лицо и глаза война	3,06	30,64
S11	Лица и глаза воинов	5,81	58,09
S12	Лица и глаза воинов	5,50	54,96
S21	Лица и глаза воинов	5,04	50,35
S22	Лица и глаза воинов	5,23	52,34
S54	Лица и глаза воинов	4,98	49,85
S75	Лица и глаза воинов	2,90	28,97
S01	Дети	1,91	19,08
S61	Дети	1,46	14,64
S81	Детские игрушки	4,67	46,74
S32	Коляски	2,45	29,58
S62	Символы: герб СССР	2,20	22,00
S72	Символы: Z, V	5,90	59,02
S73	Символы: Z, V	3,46	34,55
S32	Флаги (России и Украины)	0,95	9,53
S62	Флаг СССР	2,20	22,00
S51	Животные (змея)	4,96	49,68
S86	Животные (медведь)	4,96	49,63
S41	Географические обозначения (Харьков)	0,49	4,85
S42	Географические обозначения (Одесса)	0,34	3,39

Таблица 3

Паттерны внимания по области интереса «Текст»

Table 3

Attention patterns by area of interest «Text»

Стимул	Область интереса	Среднее время просмотра области интереса (мс)	Процент от общей продолжительности просмотра стимульного материала (%)
S01	Символы Победы: буква «V» в тексте	1,65	16,48
S53	Символы Победы: буква «Z» в тексте	2,28	22,82
S74	Символы Победы: буква «Z» в тексте	2,06	20,67
S21	Правила поведения: «бдительность»	1,88	18,76
S22	Правила поведения: «вежливость»	1,57	15,67
S02	Участники СВО: «солдат»	2,41	24,10
S31	Участники СВО: «мирные жители», «бойцы», «заложники», «нацики»	6,30	63,00
S41	Географические названия: «Харьков»	6,06	60,63
S42	Географические названия: «Одесса»	6,43	64,26
S53	Призывы: «За победу»	0,74	7,42
S54	Призывы: «Нацизм не пройдет»	1,43	14,29
S72	Призывы: «Своих не бросаем»	2,16	21,61
S83	Глаголы: «читать», «продолжаем восхищаться»		
S71	Существительные: «демилитаризация»	3,90	38,97
S12	Существительные: «оружие»	1,88	18,76
S86	Существительные: «санкции»	1,72	17,16
S87	Существительные: «санкции»	2,15	21,46

Выводы

Исследование темы репрезентации актуальных политических событий в цифровых плакатах и интернет-мемах приобретает новое видение и базируется в данной работе на научном потенциале когнитивного подхода при изучении медиаэффектов политических медиасообщений. Когнитивная теория, на наш взгляд, может сегодня стать ведущей в понимании влияния медиа на поведение и реакции аудитории. Как отмечают П. М. Валкенбург, Й. Петер, «...только если мы будем знать, кто, когда, как и почему люди могут подвергаться влиянию определенных видов СМИ, мы сможем адекватно направить на них стратегии профилактики и вмешательства» [32, с. 237].

Таким образом, организация политических коммуникаций в социальных медиа предоставляет новые условия развития цифровых плакатов и интернет-мемов, которые актуализируют необходимость более детального изучения их медиаэффектов (когнитивных, аффективных, поведенческих) и воздействия на молодежную аудиторию в условиях информационной войны.

Литература

1. Digital 2022 Global Overview. – URL: <https://clck.ru/32T4Du>.
2. Chafee, S. The end of mass communication? / S. Chafee, M. J. Metzger // Mass Communication & Society. – 2001. – Vol. 4 (4). – P. 365–379.

3. Шеховцов, Н. П. Информационное оружие: теория и практика применения в информационном противоборстве / Н. П. Шеховцов, Ю. Е. Кулешов // Вестник АВН. – 2012. – № 1 (38). – С. 35–40.
4. Вальтер, Х. Политический плакат – зеркало своего времени / Х. Вальтер // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3. – С. 143–149.
5. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 194 с.
6. Магера, Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование: на материале региональных предвыборных плакатов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2006. – 19 с.
7. Фоминых, С. С. Политический плакат ГДР как тип текста / С. С. Фоминых // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 31. – С. 130–133.
8. Ходус, Е. Ю. Вербальные и невербальные средства выражения экспрессивности в тексте французского политического плаката : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Ходус. – Воронеж : ВГУ, 2012. – 20 с.
9. Müller, G. Das Wahlplakat. Pragmatische Untersuchungen zur Sprache in der Politik am Beispiel von Wahlplakaten aus der Weimarer Republik und der Bundesrepublik / G. Müller. – Tübingen : Niemeyer, 1978. – 381 s.
10. Etherington, D. Austerity, Welfare and Work: Exploring Politics / D. Etherington // Geographies and Inequalities. – Policy Press, 2020. – 226 p.
11. Schröter, M. Texte und Textsorten / M. Schröter // Handbuch Sprache in Politik und Gesellschaft. HSWG 19 ; hrsg. R. S. Roth, M. Wengeler, A. Ziem. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017.
12. Демосфенова, Г. Л. Советский политический плакат / Г. Л. Демосфенова. – М. : Искусство, 1962. – 444 с.
13. Плакаты // Академик. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1096135>.
14. Мойдинова, Б. Роль плаката в современном мире / Б. Мойдинова, О. С. Касымов // Молодой ученый. – 2022. – № 5 (400). – С. 320–323.
15. Sahoo, S. Political Posters Reveal a Tension in WhatsApp Platform Design: An Analysis of Digital Images From India's 2019 Elections / S. Sahoo // Television & New Media. – 2022. – Vol. 23 (8). – P. 874–899.
16. Николайшвили, Г. Г. Социальная реклама: теория и практика : учебное пособие / Г. Г. Николайшвили. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
17. Ахмад, А. Р. Коммуникационные и эстетические функции плаката в архитектуре города / А. Р. Ахмад // Строительство: наука и образование. – 2017. Т. 7. – Вып. 2 (23). – URL: <http://nsjournal.ru>.
18. Канашина, С. В. Что такое интернет-мем? / С. В. Канашина // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. – 2017. – № 3. – С. 1–7.
19. Зиновьева, Н. А. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов / Н. А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. Серия: Социология. – 2015. – № 1. – С. 195–200.
20. Щурина, Ю. В. Интернет-мем как жанр и «нюс-мейкер» в современном медиапространстве / Ю. В. Щурина, М. Б. Харохорина // Медиалингвистика. – 2020. – Т. 7, №2. – С. 263–275.
21. McQuail, D. Mass Communication Theory / D. MacQuail. – 6th ed. – London : Sage, 2010. – 632 p.
22. D'Angelo, P. News Framing as a Multiparadigmatic Research Program: A Response to Entman / P. D'Angelo // Journal of Communication. – 2002. – Vol. 52 (4). – P. 870–888.
23. Bryant, J. Theory and research in mass communication / J. Bryant, D. Miron // Journal of Communication. – 2004. – Vol. 54 (4). – P. 662–704.
24. Подолян, И. Ю. Детерминанты ключевых парадигм в исследованиях медиаэфектов / И. Ю. Подолян // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – URL: <https://clck.ru/33EbZX>.
25. Price, V. Switching trains of thought: The impact of news frames on readers' cognitive responses / V. Price, D. Tewksbury, E. Powers // Communication research. – 1997. – Vol. 24 (5). – P. 481–506.
26. Ball-Rokeach, S. A dependency model of mass media effects / S. Ball-Rokeach, M. L. DeFluer // Communication Research. – 1976. – Vol. 3 (1). – P. 8.
27. Valkenburg, P. M. Media effects: Theory and research / P. M. Valkenburg, J. Peter, J. B. Walther // Annual Review of Psychology. – 2016. – Vol. 67 (1). – P. 315–338.
28. McCombs, M. E. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. E. McCombs, D. L. Shaw // The Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36 (2). – P. 176–187.
29. Goffman, E. Frame analysis: An essay on the organization of experience / E. Goffman. – Harvard University Press, 1974. – 586 p.
30. Хазипова, Ф. А. Внимание: нейропсихологические и нейрофизиологические паттерны / Ф. А. Хазипова, С. И. Низамутдинов, Л. З. Рашитов // Медицинский академический журнал. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 38–39.
31. Асланов, И. А. Представление в журналистском тексте информации о психических расстройствах: эффект метафорического фрейминга : дис...канд. филол. наук / И. А. Асланов. – М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2021. – 145 с.
32. Valkenburg, P. M. The Differential Susceptibility to Media Effects Model / P. M. Valkenburg, J. Peter // Journal of Communication. – 2013. – Vol. 63 (2). – P. 221–243.

Лободенко Лидия Камиловна – доктор филологических наук, доцент, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: lobodenkolk@susu.ru. ORCID 0000-0002-0809-1686

Черднякова Анна Борисовна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru. ORCID 0000-0002-5681-8800

Шестеркина Людмила Петровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: shesterkinaalp@susu.ru. ORCID 0000-0002-2859-7991

Харитоновна Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kharitonovaoi@susu.ru. ORCID 0000-0001-6124-3055

Поступила в редакцию 21 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230112

ANALYSIS OF THE REPRESENTATION OF CURRENT POLITICAL ISSUES IN DIGITAL POSTERS AND ONLINE MEMES: ASSESSING MEDIA EFFECTS USING ITRACKING TECHNIQUES

L. K. Lobodenko, A. B. Cherednyakova, L. P. Shesterkina, O. Y. Kharitonova
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes contemporary digital political posters and Internet memes as phenomena demonstrating increasing functionality in the conditions of information warfare. They represent the current topics and narratives of the news agenda in social media and have a high level of emotional expressiveness. In the study of social media content (VKontakte, Telegram) more than 100 digital political posters and internet memes devoted to contemporary political processes were analysed. Based on this, a sample of 28 media texts was formed which took into account their communication effect (frequency of representation on digital platforms). The topics were systematized into 10 blocks. Visual neuromarketing (i.e., i-tracking) and an online survey were used in the media effect study. The respondents were young people between the ages of 18 and 22. The study was conducted by applying the main tenets of the cognitive approach to the study of media effects through two interrelated models: agenda-setting and framing, used to analyse the content and presentation of information. The main results of the study reveal the key attention patterns and areas of interest of the respondents («image», «text»), as well as the attitudes towards the proposed stimuli.

Keywords: media effects, digital political poster, internet meme, neuromarketing, i-tracking, cognitive approach.

References

1. Digital 2022 Global Overview. URL: <https://vc.ru/marketing/383351-samy-svezhiy-otchet-digital-2022-global-overview>.
2. Chafee S., Metzger M.J. The End of Mass Communication? // *Mass Communication & Society*. 2001. № 4 (4). P. 365–379.
3. Shehovcov N.P. Informacionnoe oruzhie: teorija i praktika primenenija v informacionnom protivoborstve [Information Weapons: Theory and Practice of Application in Information Warfare] // *Vestnik AVN*. 2012. №1 (38). S. 35–40.
4. Val'ter H. Politicheskij plakat – zerkalo svoego vremeni [A Political Poster is a Mirror of Its Time] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2016, № 3. S. 143–149.
5. Voroshilova M.B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju [Political Creolized Text: the Keys to Reading]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013. 194 s.
6. Magera T.S. Tekst politicheskogo plakata: lingvitoricheskoe modelirovanie: na materiale regional'nyh predvybornykh plakatov [The Text of the Political Poster: Linguistic Modeling: Based on the Material of Regional Election Posters]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul: Altajsk. gos. un-t, 2006. 19 s.

7. Fominyh S.S. Politicheskij plakat GDR kak tip teksta [GDR Political Poster as a Type of Text] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskusstvovedenie*. 2009, № 31. S. 130–133.
8. Hodus E.J. Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vyrazhenija jekspressivnosti v tekste francuzskogo politicheskogo plakata [Verbal and Non-Verbal Means of Expressing Expressiveness in the Text of a French Political Poster]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh: VGU, 2012. 20 s.
9. Müller G. Das Wahlplakat. Pragmatische Untersuchungen zur Sprache in der Politik am Beispiel von Wahlplakaten aus der Weimarer Republik und der Bundesrepublik. Tübingen: Niemeyer, 1978. 381 s.
10. Etherington D. Austerity, Welfare and Work: Exploring Politics // *Geographies and Inequalities. Policy Press*. 2020. 226 p.
11. Schröter M. Texte und Textsorten // *Handbuch Sprache in Politik und Gesellschaft*. HSWG 19; Hrsg. R. S. Roth, M. Wengeler, A. Ziem. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017.
12. Demosfenova G.L. Sovetskij politicheskij plakat [Soviet Political Poster]. M.: Iskusstvo, 1962. 444 s.
13. Plakaty [Posters] // *Akademik*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1096135>.
14. Mojdinova B., Kasymov O.S. Rol' plakata v sovremennom mire [The Role of the Poster in the Modern World] // *Molodoj uchenyj*. 2022. № 5 (400). S. 320–323.
15. Sahoo S. Political Posters Reveal a Tension in WhatsApp Platform Design: An Analysis of Digital Images From India's 2019 Elections // *Television & New Media*. 2022. Vol.23 (8). P. 874–899.
16. Nikolajshvili G.G. Social'naja reklama: teorija i praktika: ucheb. posobie [Social Advertising: Theory and Practice: Studies. Stipend]. M.: Aspekt Press, 2008. 191 s.
17. Ahmad A.R. Kommunikacionnye i jesteticheskie funkcii plakata v arhitekture goroda [Communication and Aesthetic Functions of the Poster in the Architecture of the City] // *Stroitel'stvo: nauka i obrazovanie*. 2017. T. 7. Vyp. 2 (23). S. 5. URL: <http://nso-journal.ru>.
18. Kanashina S.V. Chto takoe internet-mem? [What is an Internet Meme] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki i jazykoznanija*. 2017, № 3. S. 1–7.
19. Zinov'eva N.A. Vzdejstvie memov na internet-pol'zovatelej: tipologija internet-memov [The Impact of Memes on Internet Users: Typology of Internet Memes] // *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*. 2015. № 1. Sociologija. S. 195–200.
20. Shhurina J.V. Internet-mem kak zhanr i «n'jus-mejker» v sovremennom mediaprostranstve [Internet Meme as a Genre and «News-Maker» in the Modern Media Space] // *Medialingvistika*. 2020. T. 7, № 2. S. 263–275.
21. McQuail D. Mass Communication Theory. 6th ed. London: Sage, 2010. 632 p.
22. D'Angelo P. News Framing as a Multiparadigmatic Research Program: A Response to Entman // *Journal of Communication*. 2002. Vol. 52 (4). P. 870–888.
23. Bryant J., Miron D. Theory and research in mass communication // *Journal of Communication*. 2004. Vol. 54 (4). P. 662–704.
24. Podoljan I.J. Determinanty ključevyh paradig v issledovanijah mediajeffektov [Determinants of Key Paradigms in Media Effects Research] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika*. URL: <https://clck.ru/33EbZX>.
25. Price V., Tewksbury, D., Powers E. Switching trains of thought: The impact of news frames on readers' cognitive responses // *Communication research*. 1997. 24 (5). P. 481–506.
26. Ball-Rokeach S., DeFluer M.L. A dependency model of mass media effects // *Communication Research*. 1976. Vol. 3 (1). P. 8.
27. Valkenburg P.M., Peter J., Walther J.B. Media effects: Theory and research // *Annual Review of Psychology*. 2016. Vol. 67 (1). P. 315–338.
28. McCombs M. E. Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *The Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36 (2). P. 176–187.
29. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Harvard University Press, 1974. 586 p.
30. Hazipova F.A., Nizamutdinov S.I., Rashitov L.Z. Vnimanie: nejropsihologicheskie i nejrofiziologicheskie patterny [Attention: Neuropsychological and Neurophysiological Patterns] // *Medicinskij akademicheskij zhurnal*. 2016. T. 16, № 4. S. 38–39.
31. Aslanov I.A. Predstavlenie v zhurnalistskom tekste informacii o psihicheskikh rasstrojstvah: jeffekt metaforicheskogo frejminga [Presentation of Information About Mental Disorders in a Journalistic Text: the Effect of Metaphorical Framing]: dis. ... kand. filol. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2021. 145 s.
32. Valkenburg P.M., Peter J. The Differential Susceptibility to Media Effects Model // *Journal of Communication*. 2013. Vol. 63 (2). P. 221–243.

Lidiya K. Lobodenko – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Director of Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: lobodenkolk@susu.ru

Anna B. Cherednyakova – D. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Lyudmila P. Shesterkina – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: shesterkinalp@susu.ru

Olga Y. Kharitonova – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kharitonovaoi@susu.ru

Received December 21, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Лободенко, Л. К. Анализ репрезентации актуальной политической тематики в цифровых плакатах и интернет-мемах: оценка медиаэффектов с использованием айтрекинговых технологий / Л. К. Лободенко, А. Б. Чередыякова, Л. П. Шестеркина, О. Ю. Харитонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 96–108. DOI: 10.14529/ssh230112

FOR CITATION

Lobodenko L. K., Cherednyakova A. B., Shesterkina L. P., Kharitonova O. Y. Analysis of the Representation of Current Political Issues in Digital Posters and Online Memes: Assessing Media Effects Using Itracking Techniques. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 96–108. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230112

Рецензии

УДК 94(430).085

DOI: 10.14529/ssh230113

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: DER RÖMISCHE BLICK: EUGENIO PACELLI UND SEINE NUNTIATURBERICHTE AUS DER ZEIT DER WEIMARER REPUBLIK (PADERBORN: BRILL, FERDINAND SCHÖNINGH, 2021)

А. А. Мордзилович

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Рецензируемая коллективная монография, опубликованная в 2021 г., посвящена различным аспектам деятельности апостольского нунция в Германии Эудженио Пачелли, будущего папы римского Пия XII (1939–1958). Основным источником послужили отчеты, практически ежедневно направляемые им в Рим и относительно недавно ставшие доступными для широкого круга исследователей. Авторами и редакторами монографии выступают участники проекта «Kritische Online-Edition der Nuntiaturreporte von Eugenio Pacelli (1917–1929)», который осуществляется под руководством известного немецкого историка Хуберта Вольфа, профессора Мюнстерского университета. Спектр изучаемых ими тем достаточно широк: от сложного процесса создания отчетов нунция до участия Пачелли в публичных мероприятиях и в консультировании римской курии по самым разным вопросам. Делается вывод, что представленные в книге статьи наглядно демонстрируют огромный исследовательский потенциал донесений нунция как источника по истории Ватикана и Веймарской республики. Актуальность и значимость данного труда невозможно переоценить, поскольку он, без сомнения, является существенным вкладом в изучение биографии самого противоречивого папы XX в.

Ключевые слова: Пий XII, Эудженио Пачелли, Ватикан, Веймарская республика, нунций, Хуберт Вольф, немецкий католицизм.

Понтификат Пия XII (1939–1958, в миру – Эудженио Пачелли) до сих пор привлекает внимание историков как один из самых спорных и противоречивых этапов в истории Католической церкви в XX в. На многие вопросы ответы будут получены только после того, как исследователи проанализируют обширные фонды его понтификата, доступ к которым Ватиканский архив открыл в марте 2020 г. Однако «допапский» период в жизни Пачелли имеет не меньшее значение для понимания политики Пия XII и в особенности – его отношения к Третьему рейху и немецкому католицизму. В 1917 г. он был назначен апостольским нунцием в Баварию, а после установления дипломатических отношений между Веймарской республикой и Ватиканом в 1920 г. стал официальным представителем Святого Престола для всей Германии. Без сомнения, этот опыт наложил отпечаток – пусть даже бессознательный – на Пия XII, и во многом из него он впоследствии черпал аргументы при принятии тех или иных решений. «Пий XII действовал в качестве верховного понтифика столь же осторожно, дипломатично и беспристрастно, как Эудженио Пачелли на посту нунция в Германии и государственного секретаря» [1, S. 27].

В 2003 и 2006 гг. был открыт доступ к архивным фондам понтификата Пия XI (1921–1939), которые содержат отчеты апостольского

нунция в Германии. Исследовательская группа под руководством церковного историка Х. Вольфа, профессора Мюнстерского университета и крупнейшего специалиста по истории Ватикана, на протяжении нескольких лет ведет активную работу по созданию цифрового архива отчетов Пачелли (pacelli-edition.de), который на данный момент включает в себя около 21 тыс. документов. Проект осуществляется в тесном сотрудничестве с Апостольским архивом Ватикана (AAV) и Германским историческим институтом (DHI) в Риме.

Коллективная монография «Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturreporte aus der Zeit der Weimarer Republik» увидела свет осенью 2021 г. Среди ее авторов – непосредственные участники проекта «Kritische Online-Edition der Nuntiaturreporte von Eugenio Pacelli (1917–1929)», которые в течение многих лет работали с документальным наследием нунция Пачелли. В рецензируемом издании представлено девять статей, которые затрагивают самые разные аспекты деятельности Пачелли в годы Веймарской республики. Первые две из них позволяют представить масштабы проделанной работы по оцифровке отчетов папского посла. Статья С. Хинкеля и Э.-М. Рихтер подробно раскрывает специфику таких отчетов как исторического

источника и демонстрирует, в какой степени в их составлении принимали участие секретари нунциатуры. Ярким примером может служить отчет Пачелли от 30 апреля 1919 г., в котором он рассказывает о попытке мюнхенских красногвардейцев конфисковать служебный автомобиль нунциатуры для военных нужд недавно провозглашенной Баварской Советской республики. Авторы статьи проводят текстологический анализ этого донесения и приходят к выводу, что, хотя документ подписан Пачелли, отдельные его части были написаны аудитором, монсеньором Л. Скоппа, поэтому документ представляет собой взгляд на события двух разных людей. Это важное дополнение не только углубляет наши представления о внутренней работе нунциатуры, но и заставляет задуматься о том, является ли этот отчет бесспорным доказательством антисемитизма Пачелли, как убеждены некоторые исследователи.

Работа М. Дауфратсхофера также предлагает читателю познакомиться с «письменной лабораторией» апостольской нунциатуры в Мюнхене и в Берлине на примере создания отчета от 15 февраля 1925 г. В ходе исследования ему удалось установить, что в составлении документов Пачелли нередко помогали внешние консультанты, не состоявшие официально на службе в нунциатуре и зачастую остававшиеся анонимными. В частности, для получения информации нунций через своего неофициального личного секретаря Р. Ляйбера прибегал к услугам информаторов разветвленной сети иезуитского ордена. Очевидно, что именно в Мюнхене началось долгосрочное сотрудничество будущего папы с Обществом Иисуса.

Статья С. Галебах продолжает тему революции в жизни Эудженио Пачелли и касается истории распространения теории еврейско-большевистского заговора в Баварии на заре 1920-х гг. На основе хронологического анализа статей ведущих католических журналов, издаваемых в Мюнхене, исследователь выделяет несколько этапов в данном процессе. Проблема проникновения мифа о еврейско-большевистском заговоре в респектабельные католические круги Баварии тем более интересна, что в это время надзор за католической прессой осуществляли кардинал М. Фаульхабер и нунций Пачелли. И, как пишет С. Галебах, хотя трудно установить, в какой степени влияли на содержание этих статей, по крайней мере можно говорить о том, что они не препятствовали укоренению антисемитских предрассудков в баварском обществе [2, S. 104–105].

В центре внимания Пачелли находились также вопросы образования, которым он придавал огромное значение на переговорах

по Баварскому и Прусскому конкордатам. Согласно положений Баварского конкордата (1924), касающихся теологических факультетов, посвящена статья М. П. Лоренц-Филограно. Переписка Пачелли и государственного секретаря Ватикана П. Гаспарри позволяет сделать вывод об имевшихся разногласиях между ними по поводу формулировок пунктов о богословских факультетах в готовившемся соглашении. Таким образом, статья, помимо прочего, дает читателям возможность познакомиться с механизмом принятия решений в Ватикане. Автор приходит к выводу об особом положении Пачелли среди папских дипломатов: часто он был убежден, что понимает ту или иную ситуацию лучше, чем его начальство, которое, похоже, считало так же, поскольку нередко соглашалось с его предложениями. Иными словами, «...часто именно нунций определял стратегию переговоров Ватикана, а не государственный секретарь или конгрегация» [3, S. 149].

В 1924–1926 гг. в римской курии широко обсуждался вопрос о сохранении конференций католических епископов, возникших в различных странах во второй половине XIX в. в качестве органов, объединяющих представителей местного епископата для консультаций и координации действий. Для принятия решения Ватикан запросил мнение апостольских делегатов и нунциев в Германии, Франции, Югославии, Польше, Канаде, Швейцарии, Венгрии и США. В статье М. Пфистера сравниваются точки зрения папских представителей на природу епископских конференций, которые не были предусмотрены Кодексом канонического права 1917 г. Позиция Пачелли не выделялась на фоне мнений его коллег, что, с одной стороны, характеризует его как типичного представителя своего ведомства. Он находил епископские конференции «...полезными и необходимыми, особенно в нынешние трудные времена в Германии» [4, S. 175], хотя и критически отзывался о председателе Фульдской конференции епископов кардинале А. Бертраме.

В статье Р. Хюльсбемера впервые освещаются обстоятельства назначения А. Хильфриха на должность епископа-коадьютора Лимбурга в 1930 г. Пачелли принимал в этом процессе непосредственное участие сначала как апостольский нунций, а затем как государственный секретарь. Благодаря проведенному автором исследованию для читателей приоткрывается «внутренняя кухня» процедуры выборов и утверждения епископов, что позволяет глубже понять некоторые нюансы кадровой политики Святого Престола в Германии.

Большой интерес представляет статья К. Валентина, которая исследует публичные выступления как сферу деятельности папских дипломатов на примере визита апостольского нунция в Баварии М. Вялле-Прела в Вюрцбург в 1843 г. по случаю юбилея епархии и участия Пачелли в немецком католическом конгрессе (Katholikentag) в Магдебурге в 1928 г. Как осуществлялось взаимодействие нунциев с верующими и какие цели они преследовали, участвуя в религиозных и политических общественных мероприятиях, – вот главные вопросы, которые ставил перед собой исследователь. Данная работа является весомым вкладом в изучение взаимодействия папства с общественностью в XIX–XX вв.

Отдельного внимания заслуживает статья Х. Вольфа, посвященная отношению Пачелли к партии Центра, которое историк характеризует как двойственное. С одной стороны, нунций видел в этой партии инструмент для решения двух задач: предотвращения коммунистической революции и лоббирования интересов Святого Престола в государственных органах Веймарской республики, в том числе посредством заключения конкордатов. С другой стороны, как только стало ясно, что переговоры по Прусскому конкордату и рейхskonкордату затягиваются, Пачелли начал отзываться о Центристской партии с большей критикой. Таким образом, его отношение к данной партии определялось исключительно практической пользой, которую она могла принести для достижения его целей.

На наш взгляд, участникам данной коллективной монографии удалось, насколько это позволял объем монографии, показать специфический «римский взгляд» Пачелли на немецкий католицизм и Веймарскую республику. Разумеется, в пределах одной книги исчерпать столь обширную тему невозможно и далеко не все проблемы нашли свое отражение на ее страницах. В данном издании трудно выделить организационный принцип, однако многообразие представленных сюжетов лишней раз убеждает нас в том, что «...отчеты нунциатуры, относящиеся к первой половине XX в., представляют собой захватывающий источник» [1, С. 4], который имеет огромный потенциал для постановки самых разных вопросов в исторических, богословских, юридических и междисциплинарных исследованиях.

Таким образом, рассмотренная коллективная монография позволяет нам увидеть Пачелли в самых разных ипостасях: как консультанта Святого Престола по различным вопросам, в том числе кадровым, как общественного деятеля, как надзирателя за католической прессой и т. д. Заслуга авторов, участвовавших в создании этого труда, состоит также в углублении знаний о взаимодействии Святого Престола с нунциатурами, о сложной внутренней работе римской курии, а также о процессе создания отчетов нунция. Знакомство с книгой, вне всяких сомнений, обязательно для всех исследователей, занимающихся не только историей Ватикана первой половины XX в., но и политическими, культурными и социальными проблемами Веймарской республики.

Литература

1. Wolf, H. Eugenio Pacelli und die zweite Blüte der vatikanischen Diplomatie. Zur Einleitung / H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturreportagen aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. – Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. – S. 1–31.
2. Galebach, S. H. «Nicht Judenhaß, sondern Christenschutz». Wie die Theorie der jüdisch-scholaristischen Weltverschwörung im katholischen Bayern salonfähig wurde / S. H. Galebach // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturreportagen aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. – Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. – S. 63–109.
3. Lorenz-Filigrano, M. P. «Nichts Vergleichbares in der Vergangenheit». Nuntius Pacelli und die Ausgestaltung theologischer Fakultäten und Hochschulen im Bayernkonkordat / M. P. Lorenz-Filigrano // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturreportagen aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. – Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. – S. 111–151.
4. Pfister, M. Gefährlicher «Parlamentarismus» oder notwendiges Beratungsgremium? Pacelli und die kurialen Beratungen über Bischofskonferenzen / M. Pfister // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturreportagen aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. – Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. – S. 153–199.

Мордзилович Анна Андреевна – аспирант кафедры нового и новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: annamordzilovich@gmail.com. ORCID 0000-0002-9923-5162

Поступила в редакцию 28 июля 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230113

BOOK REVIEW: DER RÖMISCHE BLICK: EUGENIO PACELLI UND SEINE NUNTIATURBERICHTE AUS DER ZEIT DER WEIMARER REPUBLIK [VIEW FROM ROME: EUGENIO PACELLI'S NUNCIAL REPORTS FROM THE WEIMAR REPUBLIC (BRILL, FERDINAND SCHÖNINGH, 2021)]

A. A. Mordzilovich

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

The reviewed collective monograph, published in 2021, is devoted to various aspects of the work of the Apostolic Nuncio in Germany, Eugenio Pacelli, the future Pope Pius XII (1939–1958). The main source for these papers were the reports he sent from Munich and Berlin to Rome almost every day and which have recently become available to researchers. The authors and editors of the monograph are the participants of the project «The Critical Online Edition of Eugenio Pacelli's Nuncial Reports (1917–1929)». The head of the project is Dr. Hubert Wolf, professor at the University of Münster and one of the leading church historians in Germany. The range of topics presented in this volume is wide and impressive: from the complex process of creating Nuncio's reports to Pacelli's participation in public events and in advising the Roman Curia on a variety of issues. The articles presented in this book demonstrate the enormous research potential of the nuncial reports as a source on the history of the Vatican and the Weimar Republic. Undoubtedly, the authors have made a significant contribution to the study of the biography of the most controversial Pope of the 20th century, which is why the relevance and importance of this book cannot be overestimated.

Keywords: Pius XII, Eugenio Pacelli, Vatican, Weimar Republic, nuncio, Hubert Wolf, German Catholicism.

References

1. Wolf H., Arning H., Hinkel S. Eugenio Pacelli und die zweite Blüte der vatikanischen Diplomatie. Zur Einleitung // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturberichte aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. S. 1–31.
2. Galebach S.H. «Nicht Judenhaß, sondern Christenschutz». Wie die Theorie der jüdisch-bolschewistischen Weltverschwörung im katholischen Bayern salonfähig wurde // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturberichte aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. S. 63–109.
3. Lorenz-Filograno M.P. «Nichts Vergleichbares in der Vergangenheit». Nuntius Pacelli und die Ausgestaltung theologischer Fakultäten und Hochschulen im Bayernkonkordat // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturberichte aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. S. 111–151.
4. Pfister M. Gefährlicher «Parlamentarismus» oder notwendiges Beratungsgremium? Pacelli und die kurialen Beratungen über Bischofskonferenzen // *Der römische Blick: Eugenio Pacelli und seine Nuntiaturberichte aus der Zeit der Weimarer Republik*; hrsg. H. Wolf, H. Arning, S. Hinkel. Paderborn: Brill, Ferdinand Schöningh, 2021. S. 153–199.

Anna A. Mordzilovich – Post-Graduate Student of the Chair of Modern and Contemporary History, Saint-Petersburg State University (St. Petersburg), e-mail: annamordzilovich@gmail.com

Received July 28, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мордзилович, А. А. Рецензия на книгу: *Der Römische Blick: Eugenio Pacelli und Seine Nuntiaturberichte aus der Zeit der Weimarer Republik* (Paderborn: Brill, Ferdinand Schönningh, 2021) / А. А. Мордзилович // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 109–113. DOI: 10.14529/ssh230113

FOR CITATION

Mordzilovich A. A. Book Review: *der Römische Blick: Eugenio Pacelli und Seine Nuntiaturberichte aus der Zeit der Weimarer Republik* [View from Rome: Eugenio Pacelli's Nuncial Reports from the Weimar Republic (Brill, Ferdinand Schönningh, 2021)]. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 109–113. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230113

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«ЧТЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ВЕК ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ОТРАЖЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»
(ЧЕЛЯБИНСК, 2022)**

Е. С. Романичева

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

В статье дается комплексный и системный разбор коллективной монографии, посвященной различным ракурсам изучения чтения молодежи – как в универсальном измерении, так и с опорой на материалы региональных социологических исследований (Челябинск, 2022 г.). Автор подробно анализирует структуру работы (главы и параграфы монографии), обозначает актуальные вопросы, связанные с анализом студенческой аудитории читателей, реализацией их запросов и читательских интересов в традиционной книжной культуре и цифровой реальности. Автор статьи указывает на оригинальность подходов и новизну полученного материала, теоретическую и практическую ценность результатов и выводов осуществленного исследования. Акцентируется внимание на выявлении ключевых стратегий, используемых для продвижения практик чтения и популяризации книг в читательских интернет-сообществах. В заключение делается вывод о востребованности материала монографии для образовательных структур, библиотек, разнообразных институтов, регулирующих развитие читательских практик в современной России и мировом сообществе.

Ключевые слова: чтение, читательская деятельность, социологические исследования молодежи, студенты Южного Урала, стимулы, цифровая реальность.

Рецензируемая монография прежде всего привлекает внимание (точнее сказать – задерживает, останавливает) своим названием: что это за «отражение универсальных смыслов» в контексте исследования, да еще и регионального? Ведь смысл, как утверждают психологи, принадлежит человеку. Однако, чем больше вдумываешься, тем отчетливее понимаешь: так сформулированное название не маркетинговый ход, да и авторы монографии – известные в профессиональном сообществе исследователи – вряд ли думали о маркетинге, они пишут именно о студенте, человеке молодом, который в процессе чтения ищет смыслы или создает их, иными словами, решает «задачу на смысл» (А. Леонтьев).

По мере освоения монографии становится понятным, что авторами предпринято серьезное научное исследование того, как студент, будучи субъектом собственной читательской деятельности, определяет поле и способы своего чтения, ищет смыслы в том, что он читает и как он это делает в современных социокультурных условиях. Авторы фиксируют: «...представители данного поколения интегрированы в системы информационных технологий (высокая степень зависимости от мобильных устройств и каналов коммуникации), отличаются быстрым переключением внимания и приоритетным выбором аудиовизуальных форматов коммуникации. Все эти особенности, ставшие для них привычной и воспроизводимой поведенческой моделью, распространяются и на представления о книге и чтении» [1, с. 5].

Авторы не просто описывают ситуацию «молодежь и чтение», а концептуализируют ее, утверждая, что в современной социокультурной ситуации, которая в терминах М. Мид трактуется как префигуративная, больше нельзя говорить с молодежью и о молодежи на языке должностования, что важно преодолеть объектно-ресурсный подход в отношении молодых и их чтения.

В осуществленном исследовании авторы последовательно опровергают миф «молодые не читают», опираясь на цифры и факты, они показывают, что а) студенческая читательская аудитория не однородна, ее часть действительно дистанцирована от книжной культуры, но именно часть, б) традиционное для предшествующих поколений чтение-понимание заменяется чтением утилитарным, прагматическим, в) студентов можно дифференцировать по разным основаниям, и это надо учитывать при продвижении чтения в студенческую среду, г) поколенческий разрыв «отражается» и на круге чтения, чтобы его преодолеть, читателям разных поколений можно и нужно делать шаги навстречу, д) цифровая реальность трансформирует читательские практики – все перечисленное (а это данные исследований) должно быть учтено при определении ключевых стимулов активизации читательской деятельности студентов, а также при разработке и внедрении в образовательные практики цифровых форматов чтения, которые адекватны запросам и пред-

почтениям поколения эпохи постграмотности. Читая монографию, убеждаешься: перед тобой научное исследование, выполненное на междисциплинарном уровне: авторами с опорой на читателеведческие, социологические и культурологические исследования (в первую очередь на методологические труды М. Ю. Гудовой [2]) уточнен понятийный аппарат, определено его проблемное пространство.

В первую главу монографии включен глоссарий, где определяются такие термины, как *чтение, читатель, приоритетный читатель, читательская деятельность, практики читательской деятельности / читательские практики, читательская активность, стимулы чтения*. Столкнувшись с таким словарным перечнем, включенным в массив текста, а не вынесенным в приложение, как это делается обычно, сначала недоумеваешь, а потом, по мере погружения в главу, понимаешь: без этих определений, которые вошли «в плоть и кровь текста», он бы обеднел, стал бы усеченным, освоение терминологии было бы дано на «откуп» читающему. Однако авторы понимают: сегодня именно «устройство» терминосистемы в проблемном поле «чтение» – важнейшая научная задача, которую они призваны решать, а не отдавать на откуп самоназначенным «экспертам». Это свидетельство и новизны монографии, и научной смелости авторов, и одновременно их уважительного отношения к тому, что сделали предшественники, объективная оценка того, что при решении поставленных научных задач надо развивать, а что – преодолеть.

Представленная монография – очень мощная попытка научного коллектива определить, в каком направлении и на каких теоретических основаниях сегодня может развиваться междисциплинарная наука о чтении, что / кто и почему может стать объектом и предметом ее изучения. Особенно ценно, что эта попытка не умозрительная, а выстроена на основе проведенного исследования. Что же утверждают ученые?

– изучать молодежную аудиторию читателей можно только там, где они преимущественно находятся (в виртуальной среде), а не там, где мы хотим, чтобы они находились. Ведь именно в интернет-среде они полно и открыто проявляют и выражают свою субъектность;

– исследования чтения молодых проводятся сегодня не для того, чтобы «...понять, как диджитализация влияет на читателя и его деятельность, какие цифровые следы оставляет читающий человек в сетевом пространстве» (с. 30) – это уже сделано предшественниками, предложившими разные подходы к изучению и осмыслению проблемы (добавим в скобках: эти подходы не только вычленены, но и тщательно проанализированы в монографии), а чтобы увидеть, как и почему меняется читательское поведение сту-

дентов, как часто это происходит, как на это могут реагировать культурные и образовательные институции;

– исследование состоится, если выбран подход, отвечающий целям и задачам [1].

В качестве такого подхода научным коллективом выбран социо-культурологический подход. Собственно, основная часть монографии и посвящена описанию методики исследования, проведенного в его рамках, процедуры сбора эмпирического материала и – самое главное – интерпретации полученных данных. Таким образом была решена поставленная цель – содержательная конкретизация отношения студентов вузов Южного Урала к различным аспектам и практикам чтения в контексте цифровых трансформаций XXI века.

Важно отметить, что дизайн исследования предполагал не только актуальный (2021) замер стимулов и практик чтения современных студентов и его интерпретацию, но и сопоставление полученных результатов с социологическим исследованием 2015 года для отслеживания динамики читательских настроений. Поставленная задача определила содержание второй главы монографии «Стимулы и практики чтения современных студентов: лонгитюдный дизайн социологического исследования», в которой представлены, сопоставлены и проинтерпретированы результаты исследования чтения студентов Южного Урала в 2015–2017 годах и в 2021 году. Описания обоих исследований убедительны, полученные данные безусловно достоверны.

Последнее исследование (2021) позволило выявить те характеристики читательского поведения, которые важно учитывать при построении образовательных траекторий студентов и продвижения чтения в молодежную среду. К их числу можно отнести: противоречие между декларируемой ценностью чтения (оно трактуется молодыми как статусная практика в культуре повседневности) и реальной читательской деятельностью (она не у всех студентов достаточна интенсивна), режимы чтения, онлайн и офлайн, принципиально ими не противопоставлены, однако есть разделение среди студентов по избираемому контенту (художественные и нехудожественные тексты). Исследователи также установили, что лидирующим мотивом чтения на сегодняшний день является «мотив общекультурной компетентности – 62 %» [1, с. 65], но при этом читательские предпочтения студентов дифференцированы; студенты положительно относятся к «ненавязчивому» продвижению чтения в их среду, но отдают предпочтение цифровым и визуальным технологиям популяризации чтения.

Особенно интересным оказались результаты оценки студентами работы вузов в этой области. А тот факт, что продвижение чтения не является

задачей преподавателей на большинстве учебных занятий, не просто опечалил, но и заставил задуматься над вкладом «значимых взрослых», кои, безусловно, являются вузовские преподаватели, в формирование читающей нации.

Сделанные исследователями выводы, помимо названных выше, в частности, касающиеся деятельности библиотек и «цифрового» чтения, не просто интересны, а должны быть осмыслены культурно-образовательным сообществом, потому что какие-то используемые ими формы работы по продвижению чтения требуют существенного пересмотра или доработки (говоря языком современной молодежи «докрутки»), а какие-то – доработки. В последнем убеждает нас контент-анализ сетевой читательской деятельности респондентов, результаты которого представлены в одноименном параграфе второй главы. В нем вычленены и проанализированы ключевые стратегии, используемые для продвижения практик чтения и популяризации книг в читательских сообществах.

Для проведения исследования были разработаны несколько кейсов. Отметим те, которые, как нам кажется, адекватно отвечают на вызовы времени. Так, для исследования книжных блогеров [1, с. 89–96] с использованием инструментария, разработанного в рамках научной школы одного из авторов монографии – В. Я. Аскаровой, были использованы, в том числе, ссылки на студенческие исследования. Это говорит и о качестве самого инструментария, его технологичности и о том, что его использование привлекает молодых, тех, кто может совмещать позиции пользователя, включенного наблюдения и аналитика.

Второй исследовательский кейс, связанный с изучением читательских предпочтений в рамках сетевого поведения аудитории, был связан с изучением деятельности фандомов. Фанфикшен – это достаточно мощное «читательское» движение в сети, которое только недавно стало привлекать внимание исследователей. Отрадно, что в монографии на осмыслении читательского поведения «фандомцев» сделан отдельный акцент, и поэтому выбран тот предмет анализа, который прежде не рассматривался – актуальные жанры фанфиков. Подводя итоги анализа этой главы, особо отметим не только новизну методики, глубину и точность описания разных «треков» исследования, но и тщательную разработку инструментария, который может быть востребован не только другими учеными, но и рядом интересантов в сфере чтения: в первую очередь речь идет об определенных институтах инфраструктуры чтения.

В третьей главе показано, как осуществляется стимулирование чтения молодежи на уровне институциональной регуляции и как оно происходит в неинституциональной сфере. При этом авторы вписывают деятельность институтов чте-

ния РФ в мировой контекст, показывая общее и особенное, и приходят к важному выводу: «...различным институтам инфраструктуры чтения при определении оснований дифференцированного подхода целесообразно ориентироваться именно на интерпретативные сообщества» [1, с. 128].

В целом ученые провели колоссальную работу, собрав опыт стимулирования читательской деятельности, накопленный в поле образования и культуры России и ряда стран мира, аналитически описали его, выявили тенденции и предъявили профессиональному сообществу в качестве возможного ориентира. Авторами справедливо сделан вывод о том, что «...создание читающей нации на основе стимулирования читательской активности молодежи возможно при наличии целенаправленной культурной политики, предполагающей усилия на национальном, региональном уровнях с включением всех заинтересованных структур» [1, с. 148].

Осмысление второго параграфа заключительной главы приводит к однозначному выводу: именно в неинституциональной сфере всем заинтересованным лицам, в первую очередь педагогам и библиотекарям, надо искать неочевидные решения в части продвижения чтения и методики обучения речевой деятельности, ибо в фандомах читают «нечитающие» и пишут «непишущие», а использование медийных инструментов и форматов при освоении разных практик чтения может стать мощным стимулом в развитии методики обучения литературе. Подтверждение тому – аналитически описанная авторами деятельность книжных блогеров и создателей фанфикшена.

Безусловно, стоит согласиться, что «...два десятилетия развития интернет-исследований в области чтения – ничтожно малый срок для формирования их методолого-методических и гуманистических оснований» [1, с. 106], но существенный шаг в этом направлении сделан авторским коллективом монографии: В. Я. Аскаровой, Н. Л. Зыховской, Д. М. Хафизовым. Очередное свидетельство этого – полноценное заключение, которое не повторяет основных выводов, а выводит их на новый уровень обобщения, демонстрируя весь структурированный массив огромного исследовательского материала.

Новизна, теоретическая и практическая значимость книги несомненна. Она адресована самому широкому кругу исследователей чтения и тем, кто осуществляет стимулирование читательской деятельности в рамках своей ежедневной профессиональной (и не только) деятельности. Уверена: они прочтут книгу с удовольствием – и язык монографии (просто и понятно о сложном), и ее структура, и научный аппарат, а также список литературы, который представлен в формате и списка, и постраничных сносок, этому очень способствует.

Литература

1. Чтение молодежи в век цифровых технологий: отражение универсальных смыслов в контексте регионального исследования : коллективная монография / авт.-сост. В. Я. Аскарова, Н. Л. Зыховская, Д. М. Хафизов. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2022. – 219 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49251536> (дата обращения: 20.11.2022).

2. Гудова, М. Ю. Чтение как культурная практика: обоснование методологии исследования / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 3 (39). – С. 82–88. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21990351> (дата обращения: 20.11.2022).

Романичева Елена Станиславовна – кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет (Москва), e-mail: els-62@mail.ru

Поступила в редакцию 24 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230114

REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH «YOUTH READING IN THE DIGITAL AGE: REFLECTION OF UNIVERSAL MEANINGS IN THE CONTEXT OF REGIONAL STUDIES». (CHELYABINSK, 2022)

E. S. Romanicheva

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

The article provides a comprehensive and systematic analysis of a collective monograph devoted to various angles of the study of youth reading— both in the universal dimension and based on the materials of regional sociological research (Chelyabinsk, 2022). The author analyzes in detail the structure of the work (chapters and paragraphs of the monograph), identifies relevant issues related to the analysis of the student reading audience, the implementation of their requests and reading interests in the traditional book culture and digital reality. The author points out the originality of approaches and the novelty of the material obtained, the theoretical and practical value of the results and conclusions of the study. The author focuses on identifying key strategies used to promote reading practices and popularize books in online reading communities. The author concludes that the monograph is in demand for educational institutions, libraries, and various institutions that regulate the development of reading practices in modern Russia and the world community.

Keywords: reading, reading activity, sociological research on youth, students of the South Urals, incentives, digital reality.

References

1. Askarova V.Y., Zykhovskaya N.L., Khafizov D.M. Chtenie molodezhi v vek cifrovyyh tekhnologij: otrazhenie universal'nyh smyslov v kontekste regional'nogo issledovaniya [Youth Reading in the Digital Age: Reflection of Universal Meanings in the Context of Regional Research]. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2022. 219 s. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49251536> (data obrashcheniya: 20.11.2022).

2. Gudova M.Y. Chtenie kak kul'turnaya praktika: obosnovanie metodologii issledovaniya [Reading as a Cultural Practice: Justification of the Research Methodology] // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*. 2014. № 3 (39). S. 82–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21990351> (data obrashcheniya: 20.11.2022).

Рецензии

Elena S. Romanicheva – Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Leading Researcher at the Laboratory of Sociocultural Educational Practices of the Research Institute of Urbanism and Global Education, Moscow City University (Moscow), e-mail: els-62@mail.ru

Received December 24, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Романичева, Е. С. Рецензия на коллективную монографию «Чтение молодежи в век цифровых технологий: отражение универсальных смыслов в контексте регионального исследования» (Челябинск, 2022) / Е. С. Романичева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 114–118. DOI: 10.14529/ssh230114

FOR CITATION

Romanicheva E. S. Review of the Collective Monograph «Youth Reading in the Age of Digital Technology: Reflection of Universal Meanings in the Context of Regional Studies» (Chelyabinsk, 2022). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 114–118. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230114

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5. Политическая социология (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки) (с 01.02.2022)..

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНИТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200–250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее – 30, нижнее – 30, левое – 30, правое – 30 мм. Шрифт – Times New Roman, кегль – 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор – профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь – доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2023 Том 23, № 1

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 23.01.2023. Дата выхода в свет 27.01.2023. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ 7/29. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.